

Б. Г. ОСТРОВСКИЙ

ВЕЛИКАЯ
СЕВЕРНАЯ
ЭКСПЕДИЦИЯ

Б. Г.

Б. Г. ОСТРОВСКИЙ

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

1733—1743

*ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ДОПОЛНЕННОЕ*

СЕВЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

АРХАНГЕЛЬСК — 1937

Б. Г. ОСТРОВСКИЙ
ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ
Севоблиз — 1937 — Архангельск

В популярном для массового читателя изложении книга эта знакомит с величайшими работами участников Великой Северной экспедиции, совершенной двести лет назад под начальством Витуса Беринга,— экспедиции, продолжавшейся целое десятилетие. Описаны все важнейшие этапы ее, начиная с организации и кончая плаванием Беринга к берегам Америки.

ВВЕДЕНИЕ

Если мы спросим, откуда берет начало научное исследование Арктики, с каких времен нужно вести летоисчисление побед в труднодоступных областях крайнего севера, то ответ на этот вопрос вряд ли будет кем-либо из сведущих людей оспариваться: предпринятая двести лет назад „Великая Северная экспедиция“ — вот то грандиозное предприятие, которое породило впервые серьезный интерес к научным проблемам Арктики.

По словам немецкого географа Фридриха Гельвальда, которого, конечно, нельзя заподозрить в данном случае в пристрастии, Великая Северная экспедиция может быть поставлена наравне с величайшими географическими предприятиями в истории открытий. Даже более: по обширности территории, на которой экспедиции предстояло действовать одновременно, в истории географических открытий ничего подобного ей не было.

Продолжавшаяся в течение десяти лет (1733—1743), стоившая колоссальных усилий и жертв, организованная в невиданном дотоле не только для России масштабе, богатая научными результатами, — Великая Северная экспедиция далеко вышла за пределы местного интереса и несомненно приобрела мировое значение. Задавшись целью исследовать северные берега России, экспедиция сделала очень многое: были описаны северные берега Евразии от Белого моря до устья реки Колымы, Охотское море, Камчатка; исследована Сибирь „до южнейших и восточнейших ее пределов“; на специально выстроенных кораблях совершены плавания к загадочным в ту пору берегам Японии и Америки, причем окончательно было установлено существование пролива, разъединяющего Азию от Америки.

Однако, не только не было своевременно известно современникам, какими средствами и ценой каких жертв удалось участникам экспедиции осуществить столь значительные исследования, но и сами результаты этого исполинского труда оказались во многом забытыми, и даже по сию пору они недостаточно еще разработаны. В наше время плоды предпринимаемых нами экспедиций становятся достоянием широкой гласности. Не так было в те далекие времена. Печать таинственности и сугубой секретности — вот обычные спутники тогдашних экспедиций. Результаты от этого получались весьма печальные.

Груды отчетов, рукописей и дневников сваливались в уездные архивы, почти ни для кого не доступные, и нередко там погибали. Да при слабом состоянии тогда науки на Руси никто собственно и не интересовался содержанием отчетов, полагая, что можно обойтись и без них. По прошествии нескольких лет после окончания экспедиции верные и точные наблюдения были до такой степени перемешаны с разными небылицами, что возникло даже сомнение: подлинно ли участники экспедиции побывали там, где указывали, действительно ли обследовали северные берега Азии или только приблизительно набросали их на карту.

Впоследствии, с появлением кадров географов, отношение к Великой Северной экспедиции изменилось. В результате изучения уцелевших отчетов и сопоставлений их с данными, опубликованными за границей иностранцами — участниками экспедиций, постепенно стали вырисовываться огромные и бесспорные достижения, а также и роль главнейших участников экспедиции. И все же многое еще из жизни и работ этих бесстрашных пионеров Великого Северного морского пути для нас не ясно, много еще отчетов покоится на пыльных полках в наших архивах в ожидании своего историографа.

Ниже мы по дошедшим до нас данным нарисуем в подробностях цельную картину всей экспедиции. Сейчас же остановимся на прологе к Великой Северной экспедиции — первой камчатской экспедиции Беринга.

ПЕРВАЯ КАМЧАТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ БЕРИНГА

Записка Лейбница.— Инструкция Петра I Берингу.— Отъезд экспедиции.— В Якутске.— Трудности пути.— Чаплин спасает Шпанберга.— Прибытие экспедиции в Охотск.— Отплытие на Камчатку.— 833 версты с грузом поперек Камчатки.— Закладка корабля „Гавриил“.— „Гавриил“ огибает Чукотский нос.— Открытие острова Св. Лаврентия.— Точность наблюдений Беринга.— Поспешное возвращение.— Открытие острова Св. Диомида.— Опасный момент.— Зимовка на Камчатке.— Возвращение в Петербург.— Разочарование Беринга.— Авантюра Шестакова.— Беринг набрасывает план новой большой экспедиции

В ясный солнечный день, с корабля, проходящего Беринговым проливом, можно разом наблюдать и Старый и Новый Свет. Возможно, что Семен Дежнев,* огибая первым из мореплавателей материк Азии и плывя через

* Через пролив, отделяющий Азию от Америки, впервые прошел якутский казак родом из Великого-Устьяга — Семен Дежнев. Выйдя летом 1648 года из устья реки Колымы для отыскания Анадыри, он обошел громадный полуостров, образующий северо-восточный угол Азии, проник в пролив, получивший впоследствии наименование Берингова. Первостепенной важности географическое открытие Семёна Дежнева постигла своеобразная судьба, что весьма характерно для того времени: отчеты о замечательном плавании Дежнева поконились в якутском архиве в течение целых 88 лет, не обращая ничего внимания. Подвиг Дежнева остался неизвестным и для его современников. Путешествие Дежнева по всей вероятности оставалось бы еще долгое время не открытым, а может быть и навсегда похороненным, если бы якутским архивом не заинтересовался участник Великой Северной экспедиции Г. Ф. Миллер. В 1736 году он извлек из архива отчеты Дежнева и огласил их в своих „Sammlung Russischer Geschichte“. Лишь в 1898 году восточный мыс, т.-е. отросток Азии, выдающийся наиболее далеко в Берингов пролив, назван мысом Дежнева.

этот пролив, видел и северо-восточный берег Америки. Необходимо отметить, что уже задолго до плавания Дежнева современные географы располагали откуда-то полученными сведениями о существовании на севере пролива, отделяющего Азию от Америки. Проллив этот на картах 1566 года обозначался даже особым названием: Tretum Anianum, т.-е. Анианским проливом.*

Совершенно особое внимание к вопросу о том, соединяются ли материки Азии и Америки или разделены проливом, проявлял один из величайших ученых своего времени, немецкий философ Готфрид Вильгельм Лейбниц (1646—1716). Полный грандиозных замыслов, Лейбниц обладал необычайно разносторонним отвлеченным умом и кипучим темпераментом практического деятеля.

По совету Лейбница Петр I распорядился производить в России наблюдения над отклонением магнитной стрелки, пользовался его советами в деле упорядочения законов и, наконец, склонился на его убеждения учредить Академию Наук в Петербурге, для чего поручил философу разработать план. Во время самого продолжительного собеседования с Петром в Карлсбаде Лейбниц подымает вопрос о чрезвычайно важных для страны географических открытиях и прежде всего о наиболее дорогой для него идее отыскания пути из арктического моря в Тихий океан. О том, насколько большое значение философ придавал этой идее, не перестававшей его волновать до самой смерти, явствует из его записки, составленной им в 1697 году специально для Петра и найденной проф. Герье в ганноверской библиотеке. Здесь среди советов и указаний, как поднять культуру в России, уже прямо ставится вопрос о необходимости организации крупной экспедиции для обследования берегов северо-восточной Азии с конечной ее целью — определить, соединяются ли Азия с Америкой или же разделяется проливом.

* Карл Бер полагает, что смутные слухи об этом проливе были получены от спутников Кортеса, проникших на Север в 1525 году и там разузнавших о нем у туземцев.

Заканчивая свою записку, Лейбниц так рисует себе положение границ Азии и Америки: „Только в одном месте, — говорит он, — эта граница не исследована, большая полоса земли тянется далеко на север, к так называемому, хотя еще и неизвестному, Ледовитому мысу, и нужно было бы исследовать, существует ли этот мыс, и оканчивается ли им та полоса земли. Я полагаю, что туземцы окрестной области могли бы предпринять такое путешествие в летние месяцы, когда солнце почти не заходит, и совершить его если не сразу, то по крайней мере постепенно, тем более, что, вероятно, возможно устроить стоянки и с их помощью подвигаться все далее. Исследование это может быть произведено не только сухим путем, но еще легче водою по обеим сторонам. Тогда, может быть, объяснится, суживается ли там суша или расширяется, а, следовательно, увеличивается или уменьшается вероятность, что она оканчивается мысом. Морское течение, порода рыб и другие условия на тех и других берегах, может быть, еще прежде дадут возможность судить о том, соединяются ли моря, находящиеся по обе ее стороны“.

Лейбниц неустанно с тех пор напоминал Петру о необходимости организовать эту экспедицию и говорил своим соотечественникам: „Я надеюсь, что через него мы узнаем, соединена ли Азия с Америкой“. Лейбницу не удалось дожить до осуществления своей идеи. Отвлекаемый военными и прочими государственными делами, Петр лишь под конец жизни взялся за осуществление идеи Лейбница, но и сам не дожил до ее результатов. Всего лишь за три недели до своей кончины Петр, желая, чтобы вопрос был разрешен с полной определенностью, собственноручно составил инструкцию об организации большой экспедиции под начальством состоявшего на русской службе морского офицера — датчанина Витуса Беринга, причем сам высказал предположение, что Америка соединяется с Азией. Краткая инструкция, данная Петром Берингу, состояла из трех следующих пунктов, которые мы приводим полностью:

Надлежит на Камчатке или в другом месте сделать один или два бота с палубами.

На оных ботах возле земли, которая идет на nord, и по чаянию, понеже оной конца не знают, кажется, что та земля — часть Америки.

И для того искать, где она сошлась с Америкой, и чтоб доехать до какого города Европейских владений, или, ежели увидят какой корабль Европейской, проведать от него, как оной кюст^{*} называют, и взять на письме и самим побывать на берегу и взять подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда.

Декабря 26, 1724 года.

Петр.

Мы не многое узнали бы о ходе этой экспедиции, ограничившись кратким и неудовлетворительным описанием первого Берингова плавания, сделанным в 1758 году Миллером, бывшим многие годы единственным на эту тему историком. ** Счастливая находка В. Берха в архиве Государственного Адмиралтейского департамента рукописи „Юрнал бытности Камчатской экспедиции мичмана Петра Чаплина с 1725 по 1730 год“ дала самое полное и обстоятельное описание первой экспедиции Беринга. Обработав этот „Юрнал“, В. Берх в 1823 году издал на основе его небольшое сочинение с очень длинным и громоздким заглавием — „Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: Соединяется ли Азия с Америкой? и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга“.

В январе 1725 года, за три дня до смерти Петра, Беринг во главе первого отряда из 26 человек отбыл

* Немецкое слово *die Küste* — морской берег.

** Между прочим Миллер говорит, что главным поводом к отправлению экспедиции послужило желание Парижской академии наук выяснить вопрос: соединяется ли Америка с Азией? С просьбой организовать для этой цели экспедицию Парижская академия и обратилась к Петру как к своему сочлену. При формировании второй камчатской экспедиции Беринга в сенатском указе от 13 сентября 1732 года о первой его экспедиции было сказано, что она была организована „по требованию и желанию как Санкт-Петербургской, так Парижской и иных академий“. Так или иначе, но исключительная инициатива в этом деле, как принято считать, Петра — отпадает.

в путь; отряд сопровождало 25 подвод с различным снаряжением. Остальных своих товарищей Беринг должен был встретить в Тобольске, куда он благополучно и прибыл 16 марта. В мае отправились отсюда на 7 лодках и 4 дощаниках* по Иртышу далее, все время производя наблюдения и ведя счисления.

Гардемарину Чаплину в сопровождении десяти человек команды Беринг предписывает ехать в Якутск. Лишь в сентябре прибывает Чаплин в столицу Якутии, где и остается на продолжительное время, занимаясь хозяйственными делами по подготовке будущей экспедиции; он снаряжает отсюда несколько человек в Охотск для заготовления леса на постройку судна, а также заготавливает тысячу пар кожаных сум для муки. Повидимому эти суммы были довольно объемисты, потому что для отправки их с мукой в Охотск потребовалось 600 лошадей.

На следующий год в мае прибывают сюда главные участники экспедиции — лейтенанты Мартын Шпангберг и Чириков, а вскоре и сам Беринг. Экспедиционный отряд теперь насчитывает свыше двухсот человек. В июне 1726 года отбывает из Якутска в Охотск на 13 судах с командой в 204 человека Шпангберг, а через два месяца следом за ним едет туда и Беринг. Чириков остается на месте для распоряжений и наблюдения за скорейшей отправкой в Охотск разного груза, в том числе и живого скота.

Город Якутск, по описанию Чирикова, имел в то время лишь 300 русских дворов, вблизи же кочевало до 30 тысяч якутов. „Над городом,— сообщает он,— был мрак от пожаров, чему виною бездождие, ибо в городе Якутске всегда живет мало дождя, и для того и травы мало растет; как и оего лета травы не было, кроме тех мест, где река поднимала. Также и снегов мало идет, а морозы стоят жестокие. И причина мало бывающих дождей и снегов требует рассуждения: широта Якутска

* Дощаники — плоскодонные небольшие суда с палубой или полупалубой, плававшие больше по Волге, Каме и Дону.

по наблюдению 62°08'. Склонение компаса 1°57' западнее". Жестокая эпидемия кори, вспыхнувшая в Якутске, когда „болезновали“ и те, „которые прежде во оной не бывали“, заставляет нашего путешественника быть особенно настороже. „А болезни сей в Якутске, по словам здешних жителей, больше сорока лет не бывало, что удостоверяет и настоящая скорбь“.

Все эти подробности освоения северо-восточных окраин Сибири бесспорно любопытны „Поелику экспедиция капитана Беринга,—замечает по этому поводу Берх,—есть первое морское путешествие, россиянами предпринятое, то все малейшие подробности оного должны быть приятны для любителей отечественных древностей. Ежели многие из них покажутся теперь странными, то тем не менее достойны уважения, ибо являют постепенный ход вещей от первого начала до нынешнего совершенства“.

Однако „постепенный ход вещей“ в первую Берингову экспедицию показывает нам безотрадную и крайне тяжелую картину уже с самого ее начала. Нам трудно даже представить всю неимоверную тяжесть пути по безлюдной тысячеверстной тундре для не имеющих еще организационных навыков путешественников. Интересно взглянуть, как протекало путешествие, и в каком виде прибывали люди и животные к месту назначения. Вот, например, рапорт из Охотска от 28 октября: „Отправленный из Якутска сухим путем провиант прибыл в Охотск 25 октября на 396 лошадях. В пути пропало и померло 267 лошадей за неимением фуража. Во время путешествия к Охотску люди терпели великий голод, от недостатка провианта ели ремни, кожи и кожаные штаны и подошву. А прибывшие лошади питались травой, доставая из-под снега, понеже за поздним приездом в Охотск сена заготовить не успели, да не можно было; все перемерзли от глубоких снегов и морозов. А остальные служители прибыли нартами на собаках в Охотск“.

Капитан Беринг, проехав тысячу верст верхом по весьма неудобной и гористой дороге, прибыл наконец

в Охотск; 45 дней не слезал он с седла. „Путь сей совершил он без всяких особенных приключений“. Экспедиционное судно, которое он надеялся застать здесь готовым к плаванию, не было еще закончено; все дело остановилось из-за отсутствия смолы. Амбары же, куда складывались поступающее снаряжение и провиант, были

*Город Охотск в 1737 году
(По старинной голландской гравюре)*

настолько ветхи, что готовы были развалиться; Беринг тотчас приступил к сооружению новых и торопил окончание постройки корабля.

В январе 1726 года прибыл в Охотск на нартах лейтенант Шпангберг, за ним следовала его команда. Вид моряка был крайне болезненный и истощенный. Отправившийся водным путем, он был застигнут врасплох на реке Юдоме неожиданно грянувшими морозами. В этом безлюдном и суровом месте, не получая ниоткуда никакого подкрепления, он едва не умер от голода; по словам Миллера, он со всей командой питался здесь сумами, ремнями и даже сапогами; весь бывший с ним скот погиб. Из беды его выручил Чаплин, выславший

ему навстречу провизию и собак. Число больных из команды Беринга с прибытием Шпангберга увеличилось.

Еще не отправившаяся в плавание, но уже сильно потрепанная трудностями пути, экспедиция стала деятельно готовиться к отплытию на Камчатку. Весь июнь 1726 года ушел на приготовления. Вскоре был спущен построенный галиот * „Фортуна“.

А съестные припасы все прибывают и прибывают. Но много ли удастся доставить? Прибывший 11 июня геодезист Лужин из ста лошадей привел только 11, остальные же „разбежались, околели и съедены волками“. Далее пошло удачнее, донесенья пестрят следующими цифрами: „1 июля прибыл лейтенант Чириков с остальными служителями и припасами; а вслед за ним квартирмейстер Борисов на 110 лошадях и привез 200 сум муки. Через неделю после сего приехал из Якутска пятидесятник на 63 лошадях и привез 207 сум муки. 20 числа прибыл солдат Ведров на 80 лошадях и привез 162 суммы муки. 30 прибыл сержант Широков на 20 лошадях и привез 50 быков“ и т. д.

4 августа спустили на воду второй корабль, прибывший недавно с Камчатки и теперь заново отремонтированный. Это был тот самый бот, на котором совершалось в 1716 году первое плавание из Охотска на Камчатку.

Все было уже готово к плаванью: личный состав экспедиции, эшелоны с продовольствием и снаряжением. Неожиданно продовольственные запасы наших путешественников пополнились лакомым блюдом: „7 числа прибыло ко взморью великое множество уток; по сему случаю послана была туда вся команда и привезли оных три тысячи, а пять тысяч,—наивно замечает Чаплин,—улетело опять в море“.

22 августа, подняв паруса, двинулись в путь, плыли без приключений и 29 были в виду берегов Камчатки. Запасшись водой, поплыли дальше, взяв направление на

* Галиот — двухмачтовое неглубоко сидящее судно.

юг. Дойдя до Большерецкого острога, нашедшего себе приют в глубине удобной бухты, решили здесь зазимовать. Все, что мы узнаем об этом остроге, сводится к немногому. „В Большерецком остроге, — сообщает Чириков, — русского жилья 17 дворов да для моления часовня. Широта места $52^{\circ} 45'$, склонение $10^{\circ} 28'$ восточное. Управителем был некто Слободчиков“. Сообщается также о здешнем климате, который „очень хорош, хотя с 7 октября и выпадал иногда снег, но река не становилась, и 30 числа был гром“.

Тотчас же по прибытии Беринг отдал на первый взгляд странное распоряжение: свозить всю кладь и все продовольствие на берег. Нелегкий труд этот потребовал много времени, и весь сентябрь экипаж судов был занят перевозкой, потребовавшей сорока ботов, мобилизованных у здешних камчадалов. „Можно легко рассудить, — замечает Берх, — сколь трудна была перевозка сия; на каждом боту два человека иноверцев, кои шестью проводили оные в верх по реке“.

Вообще, с водворением сюда экспедиции, для местного населения — камчадалов настали тяжелые времена. Вскоре они вынуждены были перевозить на себе поперек всей Камчатки тяжелые грузы из Большерецка в Нижнекамчатск. Непонятный маневр Беринга, т.-е. заход вместо Нижнекамчатска, откуда предполагалось начать путешествие, предварительно на западный берег Камчатки, в Большерецк с последующим перевозом грузов поперек Камчатки на восточный берег, объясняется географическими познаниями самого Беринга, который, по видимому, никак не предполагал, что южная оконечность Камчатки недалеко от Большерецка, да и был ли он вполне уверен, что Камчатка — полуостров? Вот вопрос, который невольно задаешь себе, прослеживая ход и по сию пору мало изученной и выясненной экспедиции Беринга.

Часть команды была занята перевозкою грузов на противоположную сторону Камчатки, часть же оставалась в остроге, где в ясные дни обучалась „ружьёю и

стрелянию в цель". В декабре, когда наступили уже морозы, к устью Большой реки принесло мертвого кита. Ценный дар моря был полностью использован нашими путешественниками: 200 пудов жира явились прекрасным кормом для собак.

Когда весь груз транзитом через Верхнекамчатск был переправлен в Нижнекамчатск, туда же проследовал и весь состав экспедиции. Тысячепудовые грузы, от Большерецка до Нижнекамчатска, проделали путь в 833 версты по труднейшей и утомительнейшей дороге. По сравнению с Большерецком, Нижнекамчатск представлял собой нечто вроде столицы; на протяжении версты вдоль берега реки растянулись сорок дворов. А в семи верстах от поселка находились горячие серные ключи, также привлекая население. Как только все было переташено, 4 апреля состоялось торжество закладки нового корабля. Корабль соорудили с необычайной быстротой, 9 июня он был уже закончен.

9 июля хорошо зашпаклеванный и оснащенный бот „Св. Гавриил“ под всеми парусами, слегка покачиваясь, выходил из устья реки Камчатки в море. На борту находилось 44 человека во главе с начальником экспедиции Берингом; его помощниками были лейтенанты Чириков и Шпангберг. Корабль держал курс на северо-восток. Из судового журнала корабля видно, что мореплаватели внимательно наблюдали разные мысы и горы, отличительные особенности которых отмечают, например, следующими выражениями: „видели гору, белеющуюся от снега“, или „видели гору знаменитую“, „видели гору особого виду“, „видали гору при самом море“. Весь берег, мимо которого следовал корабль, состоял из высоких гор, одна из которых, причудливо покрытая в разных местах снегом, была названа Берингом Пестровидной.

27 июля, продолжая плыть вдоль берега, поровнялись с мысом Св. Фаддея. Все встречавшиеся Берингу достопримечательности — мысы, горы, равно как и берега, — зарисовывались с определением их месторасположения. Далее журнал отмечает: „Близлежащие берега должны

быть очень высоки, ибо мы видели их в большом отдалении. При мысе сем встречали мы множество китов, сивучей, моржей и разных птиц. Пользуясь тихой погодой, наловили мы здесь довольно вкусной рыбы, роду лососей. Глубина моря было здесь 65 и 75 сажен". Богатство морской фауны подтверждает и Чаплин: „В море сем, — говорит он, — показуется животнова, китов множество, на которых кожа пестрая, морских львов, моржей и свиней морских“.

Плывя все дальше в северо-восточном направлении, „Св. Гавриил“ приближался к устью реки Анадыри. Проведать здешний острог Беринг не пожелал, так как спешил побольше сделать в эту навигацию; опасался ранней зимы, поэтому экономил время и был скуп на остановки. А между тем от анадырских жителей он мог бы узнать много любопытного о положении берегов и получить свежей провизии. Вообще следует отметить, что подчас, быть может, излишняя осторожность и боязнь риска несколько вредили Берингу, затушевывая или даже сводя на-нет многие его открытия.

Погода благоприятствовала нашим путешественникам, бури не тревожили их; продвигаясь неизменно вперед на NO со средней скоростью 85 миль в сутки, моряки жалуются лишь на все чаще одолевающий их туман. Журнальные записи — „в сии сутки не случилось ничего замечательного“ — все чаще чередуются с пометками: „мрачная и туманная погода с дождем“, „умеренный ветер и мрачность“, „тихий ветер и облачно“.

Чем дальше углублялся Беринг на север, тем тщательнее осматривал он каждое береговое углубление и возвышенности и, следуя обычаю своего века, давал имена новооткрытым заливам, островам и мысам, соотносясь с календарными святыми. Так возникли губа Святого Креста, губа Преображенская и т. д.

И здесь, на отдаленной окраине мира, „на краю света“ обнаружил он следы людей. 6 августа Чаплин, отправленный на берег на поиски пресной воды и для описи, нашел пустые жилища, в которых, по приметам,

недавно жили чукчи; от жилищ в глубь страны вели протоптанные дороги. Вскоре объявились и сами обитатели жилищ. На следующий день утром к кораблю подошла лодка, в ней сидело 8 человек. Через своих переводчиков-коряков Беринг выяснил, что подъехавшие чукчи желают узнать, что за судно и с какой целью подошло к их берегам. Беринг приказал передать чукчам, чтобы они поднялись на борт корабля.

После долгого колебания они, все еще держась на почтительном расстоянии от корабля, „высадили наконец одного человека на воду, который на надутых пузырях подплыл к судну и взошел на оное“. Он поведал Берингу, что на берегу живет не мало его земляков, которые уже давно слышали о русских. На вопрос, как далеко отсюда Анадырь?— отвечал: далеко к западу. В ясный солнечный день,— продолжал гость,— отсюда виден остров. Одетый Берингом подарками, радостный чукча отправился вплавь на пузырях к своим товарищам. Выполняя просьбу Беринга, он долгое время уговаривал их навестить судно. Но ни благополучное его возвращение, ни полученные им подарки, ни угощение, ни любопытство не смогли победить их недоверия; после короткого совещания они в своей кожаной лодке отправились на берег. Разговор с чукчами происходил на широте 64° 41'.

Обогнув выдающийся в море мыс, получивший с той поры наименование Чукотского мыса, поплыли дальше. Впоследствии Джемс Кук, * плававший в этих местах, писал: „Мыс сей получил наименование Чукотского от Беринга, на что он и имел полное на это право, ибо здесь виделся впервые Беринг с чукчами“.

11 августа 1728 года в юговосточном направлении заметили неведомый остров, названный Берингом островом Св. Лаврентия. Удивительно, что плававший в этих

* Джемс Кук, знаменитый английский мореплаватель (1728—1779), совершил три кругосветных путешествия, давших науке много ценнейших открытий. Во время последнего своего путешествия был убит во время стычки с туземцами на острове Гавай.

водах 39 лет спустя лейтенант Синд вторично „открыл“ этот остров приняв его за архипелаг из одиннадцати отдельных островов и назвав их, по обычаю Беринга, именами: Агафоника, Тита, Диомида, Мирона, Феодосия, Михея и т. д. Это интересный эпизод из тогдашней мореходной практики любопытен в двух отношениях: он подтверждает замечательную тщательность наблюдений Беринга, сумевшего разобраться в хаосе возвышенностей, соединенных у основания низменной полоской земли. Эпизод свидетельствует также о печальной участи, постигавшей многие географические открытия: сделанное часто с превеликими трудностями научное завоевание не только не становилось общим достоянием, но нередко и вовсе забывалось, так что, когда через многие годы то же открытие совершалось вновь, приоритет открытия нередко утрачивался.

Пристально всматривался Беринг в туманные очертания гор острова Св. Лаврентия, зачерчивая изгибы побережья, и, казалось, не замечал, что вокруг его корабля шныряют по всем направлениям киты, потревоженные никогда не виданным ими чудовищем. Они близко подплывали к борту корабля, доставляя большое развлечение команде. Беринг не высадился на этот населенный эскимосами остров. Торопясь к крайним северо-восточным пределам Азии, он продвигался все далее и, рассекая сероватомутные волны, отмечал глубины: 20, 25, 30 сажень. Пройдя еще около 70 миль и убедившись, что берег в этом месте под острым углом поворачивает к западу, Беринг вызвал наверх всех членов экспедиции и объявил им, что „надлежит ему против указу возвратиться обратно“, после чего повернул свой корабль на юг.

Надо полагать, что предусмотрительный и излишне осторожный капитан побоялся встречи со льдами, чтобы не быть затертым ими.

Этот исторический момент отмечается датой 16 августа 1728 года. В день этот произошло событие, навсегда запечатлевшее в науке имя Беринга: был открыт пролив, отделяющий берега Азии от Америки. Сознал ли Беринг,

не видевший за дальностью расстояния и из-за туманной погоды берегов Америки, что он сделал открытие, сказать трудно.

Так или иначе, только столетия спустя более удачливый и отважный мореплаватель Джеймс Кук вполне доказал, что Беринг действительно проходил через этот пролив, и назвал пролив именем моряка. „Я обязан воздать справедливую похвалу памяти почтенного капитана Беринга, — говорил Кук. — Наблюдения его так точны и положение берегов означено столь правильно, что просто удивляешься, как мог он достигнуть этого, работая с такими примитивными инструментами. Широты и долготы определены им так верно, что лучшего нельзя почти и ожидать“.

И, в самом деле, надо представить себе условия плавания и состояние тогдашних навигационных инструментов, чтобы вполне оценить точность и тщательность его работы.

Небольшой наскоро сооруженный бот, весьма несовершенные приборы, выдержавшие к тому же продолжительную предварительную тряску по суше, полнейшая необследованность мест, в которых ему приходилось плавать, постоянные туманы и мрак, которые так часто отмечаются в судовом журнале, — вот средства и обстановка, в которых приходилось вести Берингу работу. И тем не менее определения Беринга почти в точности совпадают с современными. Адмирал Федор Литке, через сто лет сравнивший графический путь Кука и Беринга, также приходит к очень лестным выводам о наблюдениях Беринга. Тем обиднее, что Беринг так и умер, не узнав достоверно, правильны ли сделанные им наблюдения, а также, что он открыл пролив, который со временем будет назван его именем.

Историографы Беринга не без основания упрекают его, что он, опасаясь льдов, слишком рано повернул обратно и возвратился к берегам Камчатки. Между тем как, по наблюдениям целого ряда позднейших путешественников, в августе и даже в сентябре льдов в Берин-

говом проливе никто не наблюдал.* Не поспеши он так стремительно обратно и останься в проливе некоторое время, без сомнения Беринг с полной очевидностью убедился бы в сделанном им открытии.

Мы нарочно останавливаемся на этом моменте, определившем всю дальнейшую деятельность Беринга — инициатора последующей Великой Северной экспедиции. Отныне его взор неизменно прикован к туманным берегам Америки, которую он уже чувствует, хотя еще и не видит. Он ищет все новых и новых подтверждений ее существования на северо-востоке; но об этом ниже, а сейчас проследим дальнейшие этапы его первой камчатской экспедиции.

Продолжая путь при значительно засвежем ветре, увеличившем ход корабля до 7 миль в час, 15 августа путешественники „усмотрели в 9 часов утра высокую гору в правой руке, на коей, — говорит Чаплин, — живут чукчи, и в море после сего остров в левой руке. Поелику в сей день празднуют св. мученику Диомиду, то и назвал капитан Беринг увиденный остров его именем“. Таково происхождение странного названия группы островов, расположенных в Беринговом проливе.

Далее судовой журнал отмечает: „Погода пасмурная, ветер свежий. Плыли подле берега и увидели на оном множество чукоц и в двух местах жилища их. Усмотря судно, побежали чукчи на высокую каменную гору“. Чукчи на этот раз оказались смелее прежних. Со „Св. Гавриила“ заметили, как от берега отделились четыре лодки и стали держать курс наперерез кораблю. Беринг

* Наглядным подтверждением возможности навигации в Беринговом проливе в осенние месяцы даже позже сентября служат следующие любопытные сведения, полученные позже неким капитаном Тимофеем Шмалевым от чукотского старшины. Старшина не раз наблюдал, что когда пролив очищается от льда, то по проливу плывет к северу „множество китов, моржей, сивучей, морских тюленей и разных рыб. Животные сии, — продолжает старшина, — остаются там до октября и потом возвращаются обратно на юг“. Из этого можно заключить, что в Беринговом проливе риск встречи со льдами возможен только в октябре, до октября же плавание там безусловно возможно.

ласково встретил прибывших и узнал от них, что русские им давно уже знакомы, и что они бывают частенько в Анадырском остроге. Мы, — продолжали чукчи, — ездим и к реке Колыме на оленях, в открытое же море не выходим.

Об интересующей его Америке Берингу ничего не удалось узнать от чукчей. Закупив у них оленьего мяса, рыбы, воды, меха лисиц, песцов и моржовые клыки, Беринг двинулся далее; в пути встречалось множество китов.

Во все время предыдущего плавания погода удивительно благоприятствовала морякам, они не испытали ни одной бури. Но к концу плавания дело изменилось; Беринг смог на собственном опыте убедиться теперь, насколько опасны и тяжелы условия плавания в северной части Тихого океана в бурную погоду. Если и поныне, при современных технических средствах, условия для мореплавания здесь очень неблагоприятны из-за постоянных туманов, многочисленных подводных камней, частых штормов, то что же должен был испытывать утлый „Св. Гавриил“, попав в шторм 31 августа, когда его стало дрейфовать, и он вскоре очутился в полумиле от крутых и каменистых камчатских берегов! „Ежели б в то время сделался ветер еще крепче, то неминуемо при столь крутом и утесистом берегу должны были бы все погибнуть, — вспоминает Чаплин, — и мы трудились отойти против ветра от берега прочь до десятого часа пополудни. А в 10 часов порвало у грота и у фока фалы; тогда паруса упали, снасти все перепутались, и за великим волнением не можно было разобрать снасти; того ради легли на якорь на глубине 18 сажен от берега расстоянием в 1 миле или еще меньше, около второго часа с превеликим трудом до полудня исправились к походу парусами и прочею снастью, хотя беспрестанно все о том трудились“. На следующий день „в первом часу приказал капитан Беринг подымать якорь, но едва только подвертели несколько сажен каната, то оный лопнул, а посему, поставя скорее паруса, пошли на SSO“. Моряки были спасены.

2 сентября Беринг бросил якорь в устье реки Камчатки, после чего стал располагаться здесь на зимовку. *Первая камчатская экспедиция, послужившая прологом к Великой Северной экспедиции, была закончена.* Бесспорно, в этот свой поход Беринг смог бы сделать еще многое, не поспеши он так быстро вернуться назад. Мысли о не сделанном им, мысли об Америке, теперь всецело наполняют его. Беринг не рискнул так поздно возвращаться домой в Петербург, тем более, что он хотел летом будущего года еще раз попытаться открыть землю на восток. 3 октября была получена из Петербурга почта, пришло известие о вступлении на престол Петра II, — свой путь почта совершала целых 17 месяцев.

Зима наступила в последних числах октября. Хороший камчатский климат и достаточные запасы провианта предохранили зимовщиков от заболеваний. Крашенинников и Стеллер, зимовавшие впоследствии на Камчатке, так характеризуют условия здешней жизни: „Воздух и вода, — говорят они, — там чрезвычайно здоровы, нет беспокойства ни от жару, ни от морозов, нет никаких опасных болезней, как, например: горячки, лихорадки и оспы. Нет страху от молнии и грому, и, наконец, нет никакой опасности от ядовитых животных“.

И в самом деле камчатский климат представляет много любопытных особенностей, определяясь положением Камчатки среди двух морей и гористым характером страны. Несмотря на свое положение в умеренной зоне, Охотское море тем не менее представляет типичный образец сурового полярного моря с неизменно холодной водой и массами льда, который по временам задерживается до августа. Из этого моря постоянно несет, как из погреба, холодом на Камчатку, скрывая вершины ее сопок вечным ледяным покровом. С другой же стороны, теплое течение Тихого океана, довольно близко проходящее у берегов Камчатки, приносит тепло, но и вместе сырую туманную погоду. В силу этих двух причин, климат Камчатки отнюдь не отличается суровостью, климат же восточной стороны ее южной поло-

вины можно даже назвать умеренным. Средняя температура зимой здесь -8° , летом же $+13^{\circ}$.

Благополучно прозимовав, в июне 1729 года Беринг еще раз вышел в море в надежде увидеть землю на востоке. Но напрасно! Как пристально ни всматривался он вперед, никаких признаков земли на горизонте ему обнаружить не удалось. Проплыв 200 верст против сильного встречного ветра, он повернул обратно, взяв направление южнее. В результате этого маневра, обойдя южную оконечность Камчатки, определив астрономически ее положение и форму и тем окончательно разрушив мнение, будто Камчатка значительно дальше тянется к югу, Беринг пришел 23 июня в Охотск.

Определение южных границ Камчатки, открытие прохода из Тихого океана в Охотское море имело огромное значение для последующих экспедиций, в частности и для Великой Северной. Припомним, каких огромных трудов стоило Берингу перетаскивание на себе всех грузов экспедиции и строительных материалов поперек Камчатки из Большерецка в Нижнекамчатск. С открытием нового пути все эти тяготы исчезли; не мало времени и сил было благодаря этому сбережено.

Обратный путь в Петербург совершали на 78 лошадях. Выехав 29 июня, Беринг ровно через два месяца прибыл в Якутск. Отсюда поплыл он по реке Лене, но 19 октября река замерзла, и продолжать далее путь пришлось на санях, минуя Илимск, Енисейск и Тару, до Тобольска. 1 марта 1730 года, после пятилетнего путешествия, Беринг прибыл домой.

В Петербурге его постигло глубокое разочарование. Адмиралтейств-коллегия, куда Беринг представил свои отчеты и произведенные измерения, отнеслась к нему с недоверием и даже не ходатайствовала о выдаче ему чрезвычайной награды, которая обычно выдавалась по окончании экспедиций ее начальникам. Причиной такого несправедливого отношения к моряку была излишняя доверчивость коллегии к сведениям, почерпнутым ею из самых неблагонадежных и сомнительных источников, пре-

имущественно иностранных, расходившихся с материалами, доставленными Берингом. Сильно повредил ему и некий казачий полковник Шестаков. Этот воинственный „завоеватель“ авантюристской складки обещал правительству покорить землю чукчей и исследовать весь северо-восток Сибири. Он требовал для этого лишь полномочий, средств и 400 казаков. Двор согласился и дал полному в единственной отваги казаку, не умевшему, к слову говоря, ни читать, ни составлять карт, все, что он просил.

Незадолго до отъезда Беринга в экспедицию Шестаков вернулся из Якутска и представил собственного изготовления вполне фантастические карты, не сходные одна с другою, ошибки на которых доходили до 12 градусов; против же устья реки Колымы и Чукотской земли Шестаков начертил таинственную полосу якобы увиденной им земли. Карл Бер выражает полную уверенность, что Шестаков признал Медвежьи острова, расположенные к северу от устья Колымы и давно известные в Якутске, за американский берег. Хуже всего, что неверные карты Шестакова попали и за границу, и одна из них была издана в Париже. Этого было достаточно, чтобы за Шестаковым утвердилась слава „замечательного“ путешественника, сведения же, доставленные Берингом и расходившиеся с шестаковскими, остались под сомнением: характерный штрих того не критического времени и тех условий, в которых приходилось работать многим выдающимся людям!

В последующую свою экспедицию к чукчам, весной 1730 года, в одной из стычек Шестаков был убит ими. Его заместитель, капитан Павлуцкий, осенью того же года отправил к американским берегам, к „Большой Земле“, новую экспедицию под начальством подштурмана Ивана Федорова совместно с геодезистом Михаилом Гвоздевым. За год до начала Великой Северной экспедиции, осенью 1732 года, оба путешественника благополучно достигли американских берегов и высадились в месте, носящем ныне название мыса Принца Уэльского. Федоров с Гвоздевым также открыли и описали здесь

ряд островов. Составленная ими карта была утеряна. Но, тем не менее, доставленные ими сведения повидимому попали в один из сибирских архивов, и ими воспользовался Миллер при составлении изданной Академией Наук в 1758 году карты, где азиатский и американский материки мы находим разделенными проливом, а против острова Диомида американский берег оканчивается под 66° с. ш. мысом, обозначенным на карте следующей подписью: *Côte découverte par le géodesiste Gwosdew en 1736* (год этот проставлен, разумеется, ошибочно потому, что, как мы видели, Федоров с Гвоздевым высадились на берег в 1732 году).

Приходится заключить поэтому, что Федоров с Гвоздевым были первыми европейцами, открывшими северо-западный берег Америки и высадившимися на него.

Насколько географические познания в ту эпоху были несовершенны и недостоверны, ясно из того, что даже знаменитейшие географы того времени считали, что Камчатка и северный японский остров Иессо — одно и то же, и лишь по недоразумению возникли два эти названия. На картах и глобусах Камчатка занимала колоссальное протяжение, покрывая собой все Курильские острова и имея своей южной оконечностью Иессо. Из двух земель была создана таким образом одна. Но зато воображение ученых создало другую землю, совершенно мифическую, так называемую Компанейскую землю (*Terre de la Compagnie*), восточную границу которой изображали открытой, допуская таким образом ее соединение с Америкой. Были придуманы также и другие не существующие в природе земли.

Камчатская экспедиция Беринга, точно определившая южные границы Камчатки и доказавшая, что остров Иессо не имеет с ней ничего общего, не могла сразу поколебать твердо сложившегося убеждения, имевшего следствием издание соответствующих карт. Странным показалось тогдашним ученым и то, что Беринг не только не встретил Компанейской Земли, но и ничего не слышал о ее существовании. Сторонником приведенных ложных

мнений был между прочим и известный французский астроном-географ Иосиф Делиль, состоявший на службе у нас в Академии Наук. К сожалению, его авторитету придавалось слишком большое значение; в дальнейшем мы убедимся, к каким последствиям приводило слепое доверие к фантазиям самоуверенного француза.

Повсюду встречая сомнение и недоверие, Беринг энергично и обстоятельно доказывал правильность произведенных им открытий и наблюдений, но, когда и это не помогло, он стал предлагать для разрешения всех возникших недоумений организовать второе путешествие на Камчатку. Уже через месяц после своего возвращения в Петербург Беринг представил краткую записку, в которой предлагал обойти и подробно исследовать море на юг от Камчатки до Японии и устья Амура, обойти весь северный берег Сибири и произвести его съемку; и, наконец, отправиться на восток от Камчатки для отыскания вероятно недалеко расположенных от нее берегов Америки, после чего завести там торговые сношения с туземцами.

Свои соображения о близости Америки к Камчатке Беринг подкрепил следующими главнейшими и неоспоримыми доказательствами:

1. Около 1715 года на Камчатке жил некий инородец, который рассказывал, что его отечество находится к востоку от Камчатки, его же самого несколько лет тому назад захватили на Карагинском полуострове, где он промышлял. Он передавал далее, что в его отечестве растут громадные деревья, и вливается в море множество больших рек; для выезда в море они употребляют такие же самые кожаные лодки, как и камчадалы.

2. На Карагинском полуострове, лежащем на восточном берегу Камчатки, против реки Караги, находят весьма толстые стволы сосновых и еловых деревьев, которые вовсе не встречаются на Камчатке, а также и в близлежащих местностях. На вопрос: откуда этот лес? — жители отвечали, что его прибывает к берегам при восточном ветре.

3. Зимой во время сильных ветров приносится к берегам Камчатки лед с явственными признаками, что его отнесло от обитаемого места.

4. С востока прилетает ежегодно множество птиц; пробыв лето на Камчатке, они улетают обратно.

5. По временам чукчи привозят на продажу меха куницы, которые, как известно, отсутствуют во всей Сибири от Камчатки вплоть до Екатеринбургского уезда.

К этим замечаниям, почерпнутым им из расспросов жителей во время зимовки в Нижнекамчатске, Беринг присоединил свои собственные:

6. На пути из Нижнекамчатска на север ни разу не встретил он таких огромных валов, какие наблюдал во время плаваний на прочих больших морях.

7. Ему попадались на пути деревья с листьями, каковых ни он, ни его спутники на Камчатке не встречали.

8. Многие камчадалы уверяли его, что во время ясных дней виднеется на востоке земля.

9. Глубина моря во все время пути была весьма незначительна, совершенно не пропорциональна высоте камчатских берегов.

Все перечисленные пункты касались, так сказать, американской ориентации предстоящей экспедиции. В дальнейшем развитии своей программы Беринг предлагал меры по исследованию и устройству также и Охотского края и Камчатки; он советовал проведать пути в Японию для установления с этой страной торговых сношений и, наконец, указывал на необходимость исследования всего северного азиатского берега России.

ВЕЛИКАЯ СЕВЕРНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Задача Беринга.—Превратные представления о Сибири.—Инструкция Беринга Чирикову.—Инструкция Шпанбергу.—Гуманитарные тенденции.—Обычаи камчадалов.—Подготовительные работы экспедиции на местах.—Организационные мероприятия.—Характеристика Витуса Беринга и отзывы о нем.—Характеристика Чирикова и Шпанберга.—Научная сторона экспедиции.—Ученые, принимавшие участие в экспедиции.—Засекречение правительством экспедиции и предполагаемые мотивы этого распоряжения.—Отъезд.—Путешествие академиков.

Беринг брал на себя огромную и чрезвычайно сложную задачу. Ведь дело шло о точном географическом обследовании необозримых северных сибирских берегов, о выяснении положения Азии относительно ближайшего известного пункта Америки и о путешествии в загадочную Японию. Это были задачи чрезвычайно трудно решимые, порою превышавшие человеческие силы. По-видимому, уже и в то время была осознана трудность всего предприятия: вначале считали достаточным выполнить хотя бы часть предложений Беринга, а именно — ограничиться устройством и обследованием Охотского края и Камчатки. Последнее предложение Беринга послужило поводом для издания специального указа от 10 мая 1731 года, где повелевалось: подчинив Охотский край и Камчатку проживавшему в ссылке бывшему обер-прокурору Сената Скорнякову-Писареву, помочь ему устроить край, учредив в Охотске порт. С этой целью были отправлены из Якутска в распоряжение Писарева рабочие и поселенцы, а из Петербурга от Адмиралтейств-коллегии командированы кораблестроительный мастер, три штурмана и несколько строительных рабочих.

Такое ограничение плана исследований, конечно, не могло порадовать Беринга. Но вскоре обстоятельства изменились в его пользу. Проектом Беринга заинтересовались влиятельные лица во главе с графом Остерманом, уделявшим особенное внимание делам флота. Осуществлению проекта Беринга способствовали и академики немцы, сотрудники только что возникшей в России Академии Наук.

17 апреля 1732 года был издан высочайший указ об организации второй экспедиции Беринга на Камчатку „и по поданным от него пунктам и предложениям,— говорится в этом указе,— о строении тамо судов и прочих дел, к государственной пользе и умножению нашего интереса, и к тому делу надлежащих служителей и материалов, откуда что подлежит отправить, рассмотря, определение учинить в Сенате“.

Идея Беринга восторжествовала: „самая дальняя и трудная и никогда прежде не бывавшая“ экспедиция была утверждена. Но все же, несмотря на то, что некоторые главные участники ее побывали уже в тех краях, куда отправлялись вновь, вряд ли они отдавали себе отчет и сознавали, равно как и посылавшее их правительство, насколько значительны грядущие трудности предприятия. Например, Чириков полагал, что „... Сибирь так пространством велика, что одна всей Европе равняется, а потому,— добавлял он,—... не дивно быть в ней, где ни есть, богатым рудам и прочему“. Однако, начатого дела, осуществляемого на много раз более грандиозной, чем предполагалось, территории, нельзя уже было приостановить.

Нам необходимо остановиться на самых существенных пунктах инструкций, врученных главнейшим участникам экспедиции. Начальнику всей экспедиции и одновременно — отряда, назначенного для плавания в Америку,— командору Витусу Берингу и его ближайшему помощнику капитану Чирикову поручалось построить в Охотске или на Камчатке, где будет найдено более удобным, два корабля, на которых и отправиться „для

обыскания американских берегов, дабы они всеконечно известны были". Причем полагалось само собою разумеющимся, что эти берега расположены недалеко от Камчатки. Достигнув берегов, „на оных побывать и разведать подлинно, какие на них народы, и как то место называют, и подлинно ль те берега американские". Затем предписывалось плыть вдоль них, „сколько время и возможность допустит, по своему рассмотрению, дабы к камчатским берегам могли по тамошнему климату возвратиться; и в том у него (т.-е. Беринга) руки не связываются, дабы оный вояж учинился не бесплодным, как и первой".

При возвращении рекомендовалось внимательно осматривать все встречающиеся земли и острова „и содержать себя во всякой опасности, чтоб не впасть в какие руки и не показать им к себе путь". В случае неудачи — повторить попытку на следующий год и т. д. В заключение подчеркивалось, что всякое решение частного характера необходимо предпринимать с общего согласия.

Это усиленное подчеркивание „действовать с общего согласия", конечно, обезличивало Беринга, умаляло его авторитет и не способствовало установлению твердой дисциплины на судах. Ограничивая власть начальника, инструкция имела в виду обуздать очень возможный в подобных случаях произвол, но в отношении лично к Берингу предусмотрительность эта была совершенно излишней и далеко не способствовала успехам самой экспедиции.

Третьему главнейшему участнику Северной экспедиции — известному уже нам по первой камчатской экспедиции Беринга — капитану Шпангбергу предписывалось: предварительно соорудив в Охотске или на Камчатке три корабля, плыть „ради обсервации и изыскания пути до Японии", по дороге осмотрев и описав, „сколько возможность допустит", Курильские острова, „из коих несколько уже было во владении Российском". Был предусмотрен и деликатный вопрос обхождения с неведомыми жителями тех островов: „И ежели на них найдутся жи-

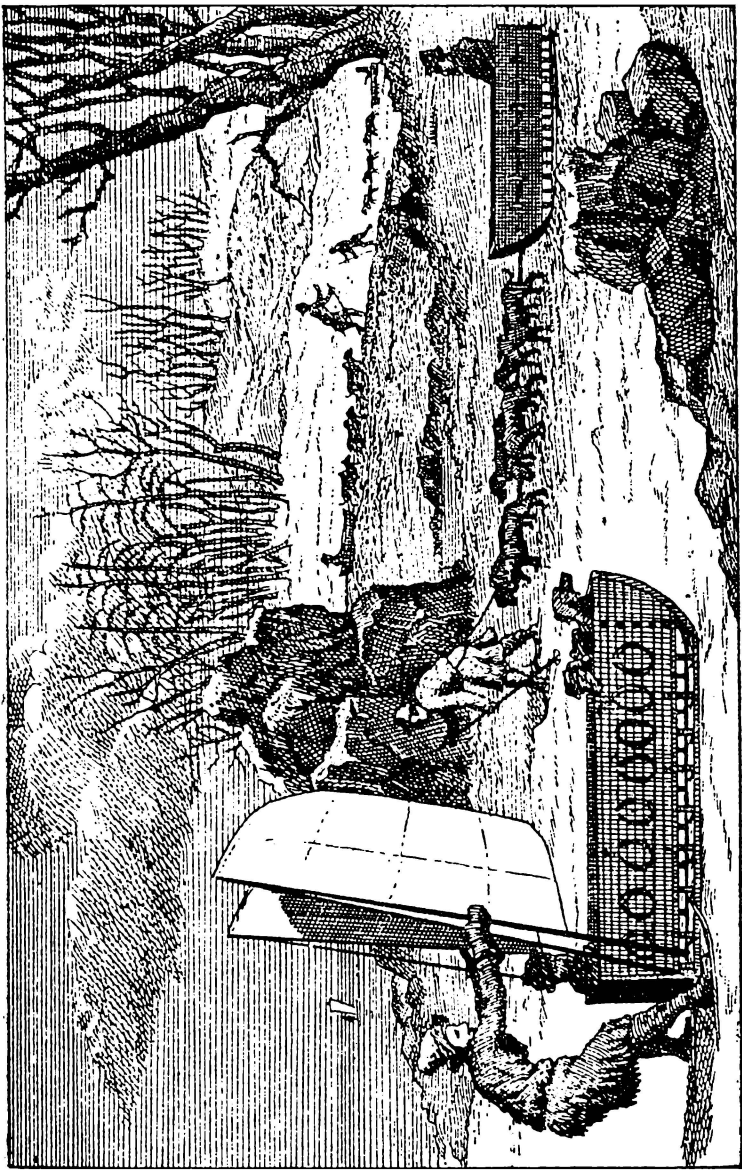
тели, то с ними поступать ласково и ничем не злобить, и нападения никакого и недружбы не показывать". Словом, рекомендовалось всеми мерами расположить к себе японцев или, как их тогда называли, — японов. Предприсылалось, однако, самим быть все время начеку и, опасаясь, как бы не попасться в их руки, „своею дружбою перемогать их застарелую азиатскую нелюдимость". В русское подданство принимать лишь тех японцев, которые сами пожелают, не требуя при этом никакой дани.

Хитро составленная инструкция предусматривала и повод для проникновения в самую Японию. Для этого могли служить сами японцы, заброшенные бурей на камчатский берег. Если русское судно доставит в Японию случайно попавших на русскую территорию японцев, то вряд ли японцы будут за это в претензии. А если так, то можно будет воспользоваться удобным случаем хорошенько оглядеться там и разузнать о тамошних порядках, о вооруженной силе, о портах и видах на торговлю. Если не удастся сделать это в первое лето, повторить на следующий год и т. д., благо времени много впереди.

Другой главной задачей организуемой экспедиции являлось нанесение на карту всего полярного побережья Азии. Окончательный результат чудовищной по объему съемки должен был ответить на вопрос: „Есть ли соединение Камчатской земли с Америкой, таже имеетс я ли проход Северным морем?"

Колоссальная работа эта была распределена по участкам: первому отряду, взятому под свое ведение непосредственно Адмиралтейств-коллегиею и возглавлявшемуся лейтенантами Муравьевым и Павловым, впоследствии замененными лейтенантами Малыгиным и Скуратовым, предлагалось взять направление от Архангельска до устья реки Оби. Предположено было осуществить эту работу на двух судах.

Второму отряду поручалось заснять следующий участок, идя от Енисея до устья Оби. Начальником отряда был назначен лейтенант Овцын. Для выполнения задания ему выделялось лишь одно судно.

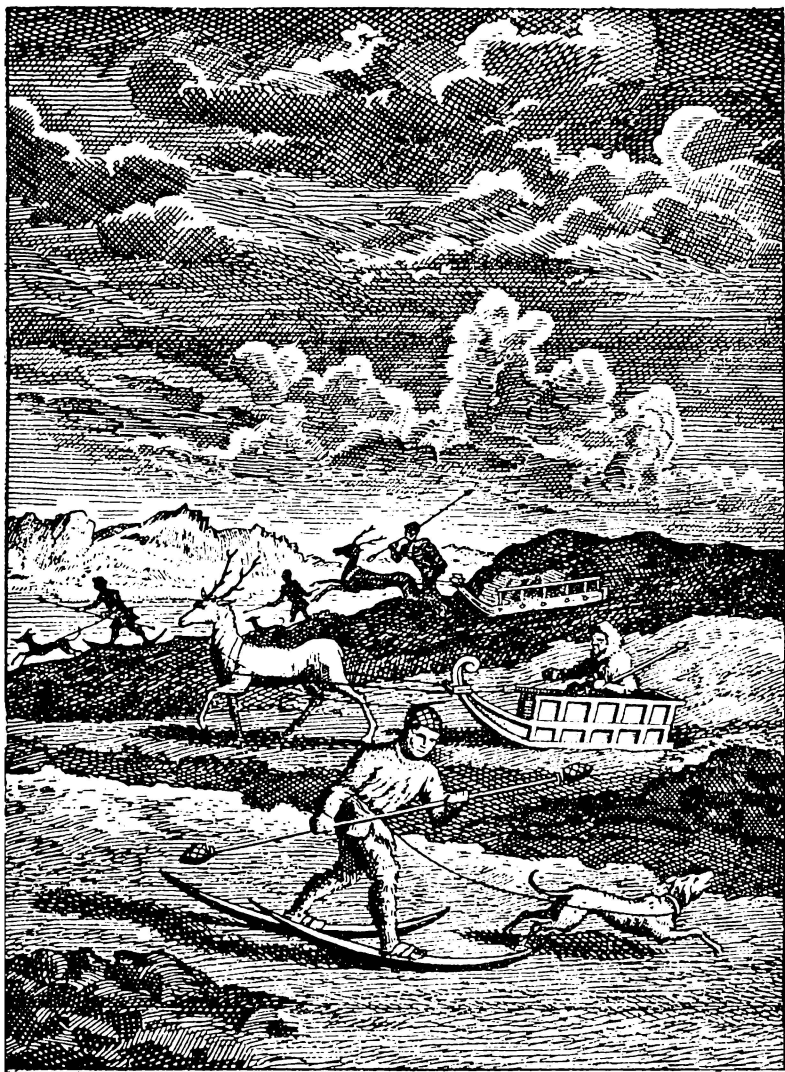
Способы передвижения у камчадалов — на собаках и под парусом
(По гравюре начала XVIII столетия)

Третьему отряду, возглавлявшемуся лейтенантами Прончищевым и Ласиниусом, предписывалось, организовав базу в устье реки Лены, двинуться отсюда на двух судах (дубельшлюпка и бот) одновременно на запад к Енисею и на восток к Колыме и, если представится возможным, то и далее до самой Камчатки. Причем, если обнаружится, что сибирский берег соединяется с американским, — плыть вдоль него „сколько возможно“, стараясь выяснить, как далеко расположено восточное море. Если же азиатский материк окажется разделенным с американским проливом, то „отнюдь назад не возвращаться, а обходить угол и придти до Камчатки“. Помимо всего перечисленного, на этот отряд было возложено еще поручение обследовать остров, расположенный против устья Колымы, „о котором разглашено, якобы земля великая“. В случае, если на этом острове окажутся обитатели и „самозвольно пожелают идти в подданство“, то принять их. По предположенному плану срок этих экспедиций определялся в два года. Главное руководство двумя последними отрядами вверялось непосредственно самому Берингу.

Во всех инструкциях было предусмотрительно определено: всюду, если позволят случай и возможность, осматривать, „не найдутся ли где богатые металлы и минералы“, а также примечать все хорошие стоянки и гавани с лесами, пригодными под постройки и использования в качестве корабельного материала.

Не остались без инструкций и принимавшие участие в экспедиции академики. В частности, академикам Миллеру и Гмелину поручалось всестороннее естественно-историческое исследование внутренних районов Сибири; а также Камчатки.

Чтобы облегчить, насколько возможно, работу экспедиции в диких незаселенных областях, местным сибирским властям приказано было оказывать начальникам отрядов всяческое содействие. Предписано было соорудить по всему северному берегу маяки и зажигать их во все время плаванья; в устьях рек выстроить склады из сплав-

*Способы передвижения у камчадалов — на оленях и собаках.
(По гравюре начала XVIII столетия)*

ного леса и снабдить их провиантом. На сибирские власти возлагалась также обязанность, — предупредив иностранцев о готовящейся экспедиции, требовать от них содействия натурой и рабочей силой. Для предварительной засъемки берегов проектировалась также посылка отряда геодезистов. Экспедиция, конечно, не в состоянии была забрать всего снаряжения и припасов непосредственно из Петербурга, очень многое она должна была приобрести на своем пути в Нижнем, Казани и Тобольске.

Вначале было также предположено, исключительно для дальнейшего оборудования экспедиции, построить близ Якутска и Иркутска небольшие металлургические заводы и выбрать место для сооружения более крупного завода в Охотске. Соль из морской воды решили вываривать также в Охотске и послали туда для этой цели громадные медные котлы. Не оставили без внимания и вино, которое решили гнать в Камчатке из местной сладкой травы. Закупка, в помощь наличным запасам экспедиции, оленьего мяса, рыбы и рыбьего жира была организована в самом широком масштабе. Обо всем этом заранее были посланы именные указы сибирским властям, „которые б с тамошними командорами (специально для этой цели заранее посланными в лице нарочных офицеров) имели в скором отправлении экспедиции общее старание и, исправясь, провиант и прочее отправлять в путь со всяким поспешением, дабы оные в Охотске, по прибытии капитан-командора Беринга, были в готовности, чтоб в вышеописанном вояже не могло быть ни в чем остановки“.

Для доставления корреспонденции учредили постоянную почту, функционировавшую между Москвою и Тобольском, и наладили связь между последним и Якутском для срочного доставления посылок по одному разу в месяц, а между Якутском и Охотском — по два раза.

Потревоженный Великой Северной экспедицией гигантский край пришел в движение, следы этого движения сказались на долгие годы, а исследовательские результаты экспедиции стали достоянием науки.

Ознакомимся с главными героями нашей экспедиции. Замечательная фигура ее начальника и инициатора Витуса Беринга остается до сих пор противоречивой в отзывах его современников и биографов и недостаточно выяснена. Но раньше несколько черт из его биографии. Родом — датчанин (род. в 1680 году), Беринг в начале XVIII столетия по предложению Петра I поступил на русскую военно-морскую службу. В 1707 году он получил чин лейтенанта, а через три года был произведен в капитан-лейтенанты. На каких судах он в это время плавал и в качестве кого — неизвестно. В 1715 году Беринг по распоряжению Петра приводит в Кронштадт приобретенный в Копенгагене корабль „Перло“ и становится его командором. Затем ему поручается доставить в Кронштадт сооруженный в Архангельске военный корабль „Салафил“. Доставить этот корабль по назначению, однако, не удастся: „по худости своей и течи“ корабль доходит лишь до Ревеля. Далее известно лишь, что Беринг принимал участие в морской кампании против шведов и в 1723 году подал прошение об отставке, но в следующем же году вторично был приглашен на службу с чином капитана I ранга.

О первом плавании Беринга на Камчатку нам уже известно. В 1730 году Беринг был произведен в капитан-командоры. С предложением его — организовать вторичное плавание на сибирские окраины — мы уже ознакомились. Во вторую свою экспедицию, в сопровождении двадцативосьмилетней жены и обоих сыновей, он отправился уже в почтенном возрасте: ему было 53 года.

Разноречивые характеристики Беринга, видимо, объясняются той огромной ролью, которую он играл во второй камчатской экспедиции, снискавшей ему, как обычно в то время водилось в подобных случаях, много врагов. Неопределенности мнений о Беринге способствовала также и та поистине „склочная“ атмосфера, которая водворилась в экспедиции едва ли не с самого начала. „В нравах офицеров этой экспедиции вообще, русских и иностранных, замечается некоторая грубость, — это от-

ражение века; проявляются постыдные наклонности к вину, взяткам и тяжбам — явления, конечно, случайные; но особенно грустно и бедственно было недружелюбие почти всех членов экспедиции почти во все время ее продолжения. Не знаем, чему приписать его: нравам ли, местности ли, стечению ли обстоятельств, или слабости начальника? Но оно затемняло и унижало прекрасные подвиги мужества, терпения и труда, ослабляло силы и способствовало неудачам“.*

Характеризуя Беринга как человека излишне мягкого, в противоположность его коллеге, зверски суровому Шпангбергу, Соколов замечает, что Беринг был человек знающий и ревностный, добрый, честный, но крайне осторожный и нерешительный, легко поддававшийся под влияние подчиненных и потому мало способный начальствовать над экспедицией, особенно в такой суровый век и в такой неорганизованной стране, какою была восточная Сибирь в начале XVIII века.

Несомненно, эта односторонняя, а потому и неверная характеристика Беринга совершенно искажает его образ. Необычайные твердость, настойчивость и мужество Беринга, о чем свидетельствуют многие обстоятельства его жизни, а также и подчиненные, никак не вяжутся с заявлением о его слабости и излишней уступчивости. Здесь налицо обычная ошибка многих, смешивающих скромность и кроткий нрав со слабостью.

Близко наблюдавший Беринга Стеллер дал о нем такой отзыв: „Беринг не способен был к скорым и решительным мерам; но, может быть, пылкий начальник при таком множестве препятствий, которые он везде встречал, исполнил бы порученное ему гораздо хуже. Винить можно его только за неограниченное снисхождение к подчиненным и излишнюю доверенность к старшим офицерам. Знание их уважал он более, нежели бы следовало, и чрез то вперил им высокомерие, которое переводило их нередко за границы должного повинове-

* А. Соколов — Северная экспедиция (1733—1743). СПб. 1851

ния к начальнику. Нередко признавался он, что вторая камчатская экспедиция свыше сил его, и жалел, почему не поручили исполнение сего предприятия россиянину“.

Методы военной казармы никогда не были в ходу у Беринга, к тому же он, точно следуя инструкции, ничего не мог предпринять без предварительного совета с подчиненными. Это объясняет нам очень многое в его поведении и в отношениях его к сослуживцам.

Но вот и иная характеристика Беринга, данная ему известным натуралистом Карлом Бером, основательно изучившим Великую Северную экспедицию и правильно постигшим подлинную роль начальника в этом невиданном по масштабу и трудностям предприятии. „Нельзя не удивляться его мужеству и терпению,— замечает Бер,— вспомнив, что он должен был преодолевать невероятные трудности, строить в одно время в разных местах суда, высылать огромные транспорты провианта и корабельных принадлежностей через пустынные дикие страны, как, например, разом 33 тысячи пудов тяжести из Якутска в Охотск, что постоянно, и в особенности при съемке северного берега, он встречал препятствий больше, нежели ожидал, и что при всем том он боролся с этими трудностями, не унывая“.

Эта характеристика Бера показывает нам Беринга, каким он был в действительности; несомненно, слабость и несамостоятельность не могли иметь места в деле, за которое взялся Беринг.

Преуменьшение заслуг Беринга и невыгодная его аттестация бывали не раз. Да будет позволено привести еще одну цитату, воздающую должное этому выдающемуся моряку. Более ста лет тому назад Василий Берх писал: „Ежели целый мир признал Колумба искусным и знаменитейшим мореплавателем, ежели Великобритания превознесла на верх славы великого Кука, то и Россия обязана не меньшею признательностью первому своему мореплавателю — Берингу. Достойный муж сей прослужил в Российском флоте 37 лет со славою и честью, достоин по всей справедливости отличного уважения и осо-

бленного внимания. Беринг, подобно Колумбу, открыл россиянам новую и соседственную часть света, которая доставила богатый и неисчерпаемый источник промышленности“.

Весьма крупную роль в излагаемом плавании сыграл и ближайший помощник Беринга — капитан Чириков. Он внес существенные изменения в план путешествия к берегам Америки, облегчив таким образом все плавание. Он указал, между прочим, на неопределенность инструкции, где было сказано, что для достижения американского берега необходимо следовать до мексиканской провинции, следовательно на юго-восток от Камчатки, в другом же пункте рекомендовалось идти до 67° северной широты и выше, т.-е. на северо-восток.

Чириков предложил — границу исследования американского берега определить 50—60°, так как южнее „для одного уведомления об Америке“ идти нет надобности, а северный берег должна обследовать та партия экспедиции, которой предназначено, следуя из устья Лены, обогнуть Чукотский нос. Им было также предложено — корабли для экспедиции строить не на Камчатке, как предполагалось, а в Охотске. Чириков разработал еще программу наиболее удобной перевозки грузов из сибирских центров в Охотск. Этот достойный мореплаватель снискал к себе глубокое уважение всех своих товарищей. „Весьма замечательно, — говорит Соколов, — что в кляузных делах этой экспедиции, в которой все члены перессорились между собой и чернили друг друга в доносах, имя Чирикова остается почти неприкосновенным; мы не нашли на него ни одной жалобы“.

В Сибирь с Чириковым отправились его жена и дочь. Разрушив в камчатской экспедиции вконец свое здоровье, Чириков уже не смог поправиться. По окончании ее он находился в Енисейске „в крайней слабости здоровья своего; к тому ж и от цынготной болезни, которая постигла его в бытность в камчатской экспедиции, совершенно не освободился, понеже от оной и поныне некоторые зубы у него трясутся“. Скончался Чириков

в 1749 году в Петербурге от чахотки. Он оставил интереснейшие отчеты о Великой Северной экспедиции.

Третьей яркой фигурой экспедиции является соотечественник Беринга — капитан Мартин Петрович Шпангберг. Самоотверженный, решительный и опытный мореплаватель, Шпангберг, однако, вследствие своего неукротимого нрава и грубости надолго оставил по себе в Сибири дурную славу. Его характеристика в изображении уже цитированного нами А. Соколова крайне не лестна. Соколов повествует о нем как о человеке без образования, жестоком до варварства и к тому же жадном до приобретений. „Молва о нем,— писал он,— разнеслась по всей Сибири и долго хранилась в народной памяти. Напуганные его самовольством и дерзостью, сибиряки видели в нем: некоторые — „генерала“, другие — „беглого каторжника“, всегда сопровождаемого огромной собакой, которою, говорили, при случае он травил оскорблявших его“.

Но ничто не характеризует в такой степени крутых и жестоких нравов того времени и черствой неблагодарности правительства, как случай с самим Шпангбергом. Когда, по окончании экспедиции, сделавший так много для нее моряк, бывший несколько раз на краю гибели и отчаянно голодавший, не испросив разрешения, возвратился утомленным в Петербург, он был за это судим и приговорен к смертной казни, от которой был освобожден лишь по ходатайству датского посланника. Скончался Шпангберг в 1761 году в чине капитана I ранга.

О прочих участниках экспедиции мы скажем в своем месте при подробном обзоре хода самой экспедиции.

Как известно, в экспедиции принимали участие также академики и ученые Российской Академии Наук: двадцативосьмилетний академик, немецкий профессор истории и этнографии Гергардт Фридрих Миллер (1705—1783), неутомимый и энергичный исследователь, по возвращении из экспедиции давший в „Sammlung russischer Geschichte“ солидный историко-этнографический труд, который впервые познакомил с прежней жизнью сибир-

ских народов, с путешествиями русских на Восток, с завоеванием и колонизацией Сибири и со многим другим. Статьи Миллера и теперь являются исходным пунктом всякого исторического знакомства с северной Азией и в частности с Великой Северной экспедицией. Как Миллеру, так и другим академикам был открыт доступ во все русские архивы и библиотеки и дано право делать из отчетов, рукописей и книг нужные им выписки. Важным следствием этого явилось обнаружение Миллером в якутском архиве ценнейшего, совершенно забытого отчета о плавании Семена Дежнева, о чем мы упоминали выше. В экспедиции Беринга Миллеру было поручено заведывание всей научной частью.

Ближайшим соратником Миллера был еще более молодой академик, профессор Тюбингенского университета по кафедре „химии и науки о травах“. (ботаники) Иоганн Георг Гмелин (1709—1755). Этому „просвещенному и страстному к науке германцу“ было всего лишь 24 года. И Миллер и Гмелин сопровождали экспедицию лишь до Якутска, куда оба прибыли в сентябре 1735 года после двухлетних скитаний по северной Сибири, посвященных всякого рода исследованиям. И еще долго они путешествовали по Сибири, Гмелин даже вплоть до самого окончания экспедиции, т.-е. до 1743 года. Заслуга Гмелина как специалиста заключается прежде всего в его трудах в области ботаники: он первый познакомил нас с сибирской флорой во всем ее объеме. Несмотря на молодость, Гмелин обладал энциклопедическими познаниями в естественных науках. Он первый указал на необычайные зимние холода в восточной Сибири, равно как и на то, что земля там в течение летних месяцев оттаивает лишь на несколько футов, открыв таким образом вечную мерзлоту северных окраин Сибири. По возвращении из экспедиции Гмелин вновь уехал к себе на родину в Тюбинген, где продолжал читать лекции по ботанике.

В 1740 году к экспедиции присоединился еще один немецкий ученый — академик Иоганн Эбергардт Фишер

(1697—1771). Историк и археолог, он посвятил себя главным образом изучению прошлого Сибири, в результате чего (сначала в Германии, а затем в переводе и в России) был издан его известный труд „История Сибири“. Труд этот написан целиком на основании материалов, добытых им в камчатской экспедиции. Впоследствии им написаны также „Догадки о происхождении американцев“.

Из-за недостатка отпущенных им средств, немецкие профессора ограничились работами на континенте и не принимали участия в морских походах экспедиции.

Георг Вильгельм Стеллер (1709—1746), адъютант Российской Академии Наук, также принял уже позднее по предложению Гмелина участие в экспедиции в качестве натуралиста и сопровождал два года Беринга в его плавании к берегам Америки. После этого он еще два года самостоятельно изучал Камчатку и умер на пути в Якутск, недалеко от Тюмени. Стеллер, типичный представитель экспериментальной науки того времени, горел подлинным энтузиазмом к знанию и ко всякого рода научным открытиям. Темпераментный, энергичный, талантливый, неутомимый, он был настоящей находкой для Берингова предприятия. Он оставил чрезвычайно яркий след в науке. Его мастерские описания многих представителей сибирской фауны и до сих пор можно считать образцовыми. После его смерти, в издании Академии Наук появился его труд „Морские звери“, изданный потом в немецком переводе. В этом сочинении описана, между прочим, уже вымершая, открытая моряками на острове Беринга морская корова. В 1774 году издано его подробное описание Камчатки, и, наконец, Палласом опубликованы посмертные записки его путешествия из Петропавловска на Камчатке к берегам Америки.

И, наконец, в экспедиции принял участие известный французский астроном-академик Иосиф Делиль де-ла-Кройер (1688—1769), приглашенный Петром I в Россию в 1725 году. Первоначальная цель путешествия Делиля в Сибирь состояла в наблюдении прохождения Меркурия. В 1740 году должно было происходить прохожде-

ние этой планеты через диск солнца; невидимое в Европе, оно могло быть хорошо наблюдаемо в северных районах Сибири. Путешествие Делиля в Сибирь не было, таким образом, в прямой связи с Великой Северной экспедицией. Но задернутое по большей части облаками небо и вообще неблагоприятная погода, препятствовавшая наблюдению важного для астронома явления, и все более возраставший его интерес к заданиям огромной экспедиции заставили Делиля расширить программу своей работы в Сибири. Он занялся также астрономическими определениями главных пунктов, через которые пролегал его путь, обучая практически астрономии и геодезии сопровождавших его учеников, и, наконец, разыскивал разные специальные старые русские карты в архивах сибирских городов. Снабженный именным указом, Делиль с двадцатью спутниками, в числе коих находились его помощники, воспитанники Морской академии, механики, рисовальщики и пр., 14 марта 1740 года выехал из Петербурга. Он вез с собой целую обсерваторию, целый арсенал приборов и инструментов; сюда входили: зрительная труба, работы Кампани, длиною 15 футов, „ньютоновский“ телескоп около 7 футов длины, несколько малых зрительных труб, часы, термометры, компасы и т. д. Следование экспедиции и перевозка огромных, тяжелых, неудобных инструментов были сопряжены, разумеется, с исключительными трудностями и хлопотами. По счастью, путешествие в Сибирь было совершено зимою, санным путем, что и дало возможность доставить инструменты в полной исправности.

Как ученый, Делиль отличался необычайной продуктивностью. Его рукописи и наблюдения, составляющие около 200 портфелей, находятся во французском Морском архиве и в Парижской обсерватории. Его научная переписка со всеми астрономами того времени составляет 14 томов. Делиль между прочим первым предложил пользоваться пороховыми сигналами для определения разности долгот; он уже усовершенствовал предложенный Галлеем способ определения солнечного парал-

лакса из прохождений Венеры; для составления карты России он выработал особую проекцию. В 1747 году Делиль вернулся в Париж.

В Великой Северной экспедиции принимал также участие младший брат Делиля — Людовик, известный у нас под именем Лакройера, также астроном и географ. Однако, как ни протезировал ему его знаменитый брат, из Людовика ничего путного не получилось. Пьяница и невежда, он, как только мог, пользовал свое положение и заботился прежде всего о приобретении всякими способами мехов. Как ни странно, но все почти историографы Великой Северной экспедиции останавливаются именно на нем и ничего не говорят о его знаменитом брате.

По обычаю того времени экспедиция носила строго секретный характер, и официальные инструкции всем начальникам, на случай их встречи с иностранцами, были даны иного содержания, а именно: необходимо было говорить им, что экспедиция осуществляется по воле Петра I, с исключительной целью выяснения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой, или нет. Мотивы этого засекречивания, как и предыдущих камчатских экспедиций, весьма пагубно отразившегося на своевременном использовании ее результатов и способствовавшего утрате многих ценнейших документов, и до сих пор вызывают недоумение и недостаточно выяснены. Касаясь первой камчатской экспедиции, знаменитый Карл Бер делает следующее весьма возможное предположение об истинных задачах этого похода. „Да будет мне позволено, — говорит Бер в своей статье „Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний“, * — сделать очень вероятное, по моему мнению, предположение насчет цели этого путешествия. В первой половине XVII столетия пронесся слух, что на северо-восток от Японии есть земля, или остров, чрезвычайно изобилующий золотом и серебром. Голландский корабль „Ка-стрикоме“ ходил, как достоверно известно, отыскивать

* Записки Русского Географического Общества, кн. III. СПб. 1849.

эту землю благородных металлов. Возвратясь, командир корабля донес, что он приставал к берегу, названному им Компанейскою землею, на котором земля была будто бы совершенно «серебристого цвета, но распускалась в воде. О плавании корабля „Кастрикоме“ много было толков в начале XVIII столетия. Петр, при своей любви к географии, не мог не слышать об этой экспедиции. И вот узнает он от Козыревского, что японцы вывозят с одного необитаемого Курильского острова какой-то минерал. Как было не подумать, что, может быть, это-то и есть серебряный остров? Таинственность экспедиции в таком случае очень понятна. Государь не был уверен в том, что подобная экспедиция не покажется смешною. И, в самом деле, о ней не осталось бы и малейшего известия, если бы Миллер не был лично знаком с капитаном корабля, не знавшим впрочем настоящей цели путешествия“.

Компанейская земля, как мы видели выше, оказалась мифом. Повидимому, капитан корабля „Кастрикоме“ принял за эту землю один из Курильских островов, с которого, как утверждал еще Петр Козыревский, японцы вывозят какой-то минерал. Узнав об этом, Петр I немедленно же отправил туда в 1719 году двух геодезистов — Евреинова и Лужина, снабдив их собственноручной тайной инструкциею. В данной же им открытой официальной инструкции цель экспедиции не была объяснена, в ней только сказано: „Ехать до Камчатки и далее, куда вам указано“; кроме того, геодезистам поручалось собрать побольше сведений о Японии и выяснить, не соединена ли Америка с Азиею. По окончании экспедиции они имели личное свидание с императором в Казани; каково было содержание их донесения, до сих пор остается неизвестным. Крайне интересно отметить лишь, что уже тогда поднят был у нас вопрос о связи Азии с Америкой.

Участие в Великой Северной экспедиции большого числа высокообразованных иностранцев, опубликовавших по окончании экспедиции поучительные сочинения, можно сказать, спасло во многом грандиозное предприятие от

более или менее полного забвения. Слабое развитие в ту пору в России образования и интереса к науке как нельзя более способствовало бы этому.

Отправление экспедиции в путь началось в феврале 1733 года. Продолжительность ее была рассчитана на шесть лет. Весь начальствующий состав и многие нижние чины двинулись в дальний путь в сопровождении семей, жен и детей. Многие ехали навсегда. Всего отправилось 546 человек. Длинен и разнообразен состав участников экспедиции, в нее входили: морские офицеры (начальники отдельных партий), штурманы и подштурманы, штурманские ученики, гардемарины, комиссары, шкиперы, подшкиперы, боцманы и боцманматы, квартирмейстеры, ботовые и шлюпочные мастера, трубачи, барабанщики, канониры, матросы, конопатчики, парусники, плотники, купоры, солдаты и капралы, сержанты, лекари и подлекари, профессора и академики, адъютант, студенты, инструментальный мастер, живописцы, рисовальщики, переводчики, геодезисты с учениками, пробирных дел мастер и, наконец, рудознаты, как называли в то время специалистов горного дела. Из этого списка мы убеждаемся в основательности экспедиции и многочисленности возложенных на нее задач.

Программа отбытия партий, отправляемых частями, была детально разработана. Первым уехал лейтенант Овцын для дальнейших подготовительных работ в Казань; следом за ним отбыл Шпангберг с мастеровыми в Охотск для сооружения там судостроительных верфей. В марте отправились к местам назначения все остальные участники экспедиции, за ними потянулись бесконечные обозы со всякого рода инструментами, корабельными принадлежностями и строительным материалом, заготовленным Петербургским адмиралтейством. Последними отправились академики со студентами и геодезистами, нагруженные всякого рода кладью.

Путешествие академиков с самого начала было обставлено со всем возможным по тому времени комфортом. Достаточно сказать, что на каждого академика полагалось по десяти подвод, куда они могли разместить

свои инструменты, книги и материалы. Сами они восседали в удобных колясках, по рекам же совершали свое путешествие на специально построенных для этой цели судах. Академики Гмелин и Миллер с особенным удовольствием подчеркивают предоставленные для них удобства, давшие им возможность, не отвлекаясь никакими тяготами и дорожными хлопотами в неизвестной, плохо организованной для передвижений стране, отдаться всецело наблюдениям и научной работе.

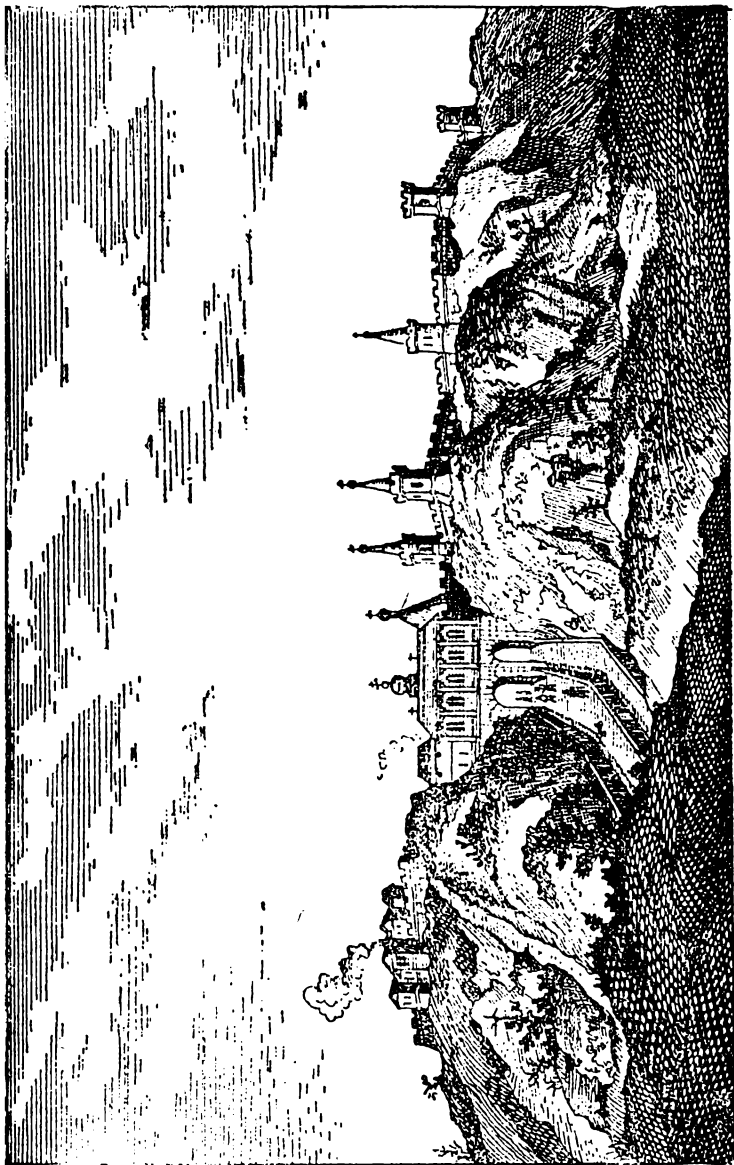
Миллер так отзывается об одной из поездок по Лене: „Быть может, еще никогда не было путешествия, соединенного с такими удобствами“. Позднее Иосиф Делиль так описывал своей сестре приготовления к дальнейшему путешествию: „Могу тебе сообщить, что относительно продовольствия, дорог и безопасности мы снабжены всем, что только можно было предвидеть; мы даже имеем повара, прачку, плотника, столяра и других мастеровых, причем некоторые из наших слуг умеют печь хлебы, варить пиво и т. д.“

Ввиду того, что Делилю пришлось везти с собой груз (астрономические инструменты), значительно больший по объему и тяжести, чем прочим академичкам, ему было дано 25 подвод, запряженных каждая четверкой.

Главный караван морской экспедиции до Твери следовал на подводах; далее до Казани плыли по Волге на специально оборудованных для целей экспедиции судах. От Казани до Тобольска, где зазимовали, следовали опять на подводах. Первый этап пути был, таким образом, здесь закончен.

Из отдельных партий, входивших в комплекс Великой Северной экспедиции, раньше других приступила к работе партия, предназначенная для описи берегов от Архангельска до устья Оби. Оно и понятно, — ведь этой партии, как наиболее западной, не пришлось проделывать столь дальнего пути, чтобы прибыть к месту своего назначения, подобно всем прочим партиям.

План описи северных берегов от Архангельска до крайнего северо-восточного пункта Сибири и далее до

*Вид тобольского кремля с югозападной стороны
(По гравюре первой половины XVIII столетия)*

Камчатки был составлен по тому времени очень дельно и во многом предусмотрительно, однако выполнение этого плана оказалось значительно более трудным, нежели предполагалось, хотя и были учтены всевозможные неожиданности. Тогдашние карты изображали северное побережье Азии довольно неопределенными, более или менее фантастическими линиями, далеко же вытянувшиеся на север полуострова были и вовсе неизвестны, вследствие чего Обский полуостров, два Таймырских мыса, Святой Нос и мыс Шелагский, как не предвиденные и не учтенные составителями планов, представили совершенно неожиданные затруднения: прошли годы, пока большую часть этих препятствий обошли морем или объехали сухим путем. По замечанию одного моряка из Адмиралтейств-коллегии, не было на ту пору „никаких достоверных не только карт, но и ведомости“. Не будем забывать, что все известные тогда сведения о северном берегу России сводились к плаваниям по морям и рекам далеко не умудренных научным опытом, а часто и вовсе безграмотных казаков и промышленников, плававших из Белого моря в Карское. Да и о них узнали достоверно лишь впоследствии, когда академик Миллер смахнул пыль с полок якутского архива в 1736 году.

Наши мореплаватели, следовательно, отправлялись в совершенно девственную, неведомую им страну и притом мрачную, пустынную и холодную. „Труды и лишения,— замечает Соколов,—беспрестанная борьба и почти беспрестанная неудача — такова участь этих деятелей! Ни больших выгод им не предвиделось, ни большой славы себе они не могли ожидать. И между тем, исполняя суровый долг, они совершили такие чудные подвиги, каких очень немного в истории мореплавания; они сделали такие приобретения, которые и поныне не потеряли своей цены“. И, в самом деле, усилия исследователей того времени, увенчавшиеся крупными, но сопряженными с неимоверной затратой труда успехами,—навсегда должны остаться памятниками мужества и упорства. Корабли затирались льдами, но экипаж не

оставлял своего дела. Зимовки в полярных пустынях среди самых жестоких условий жизни вскоре стали делом самым обыкновенным. На берегах Хатанги, например, люди, лишенные всякой возможности добыть огня, чтобы согреться от невыносимой стужи, выкапывали в мерзлой земле ямы и вповалку ложились друг на друга. Но об этом ниже, а сейчас обратимся к первому этапу Великой Северной экспедиции — работе архангельско-обской партии, которой после упорной борьбы с бурями и льдами удалось, наконец, лишь в 1737 году, после четырехлетней работы, достигнуть цели, т.-е. преодолеть путь из Архангельска до устья Оби. Таким образом, благодаря энергии ее руководителей Малыгина и Скуратова была разрешена проблема северо-восточного прохода, по крайней мере в том смысле, как это понимали в XVIII столетии.

ПЕРВЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ К УСТЬЮ РЕКИ ОБИ

Сооружение судов для обской экспедиции.— Состав экспедиции.— Неудачные попытки лейтенантов Муравьева и Павлова достигнуть устья Оби.— Кормщик Язжин.— Удачные обследования геодезистом Селифантовым берегов Ямала.— Новый руководитель обской экспедиции лейтенант С. Г. Мальгин.— Постройка новых судов.— Авария.— Приход новых кораблей.— Через льды Карского моря.— Достижение устья реки Кары.— Зимовка.— Достижение Оби.— Зимовка в Березове.— Обратный путь.— По льдинам на берег. Возвращение в Архангельск

Первый отряд Великой Северной экспедиции — обский — удачнее было бы назвать карским, так как район его действия составляло почти исключительно Карское море. Что же касается описи берегов от Архангельска и до входа в Карское море — Югорского Шара, то в таковой почти не было необходимости ввиду сравнительно достаточной по тому времени обследованности этого уже проторенного пути в океан.

Для плавания были выстроены специальные суда — „Экспедицион“ и „Обь“, длиной каждое по 54 фута и шириною по 21 футу. Их соорудили из особо прочных материалов; по словам современника, они были „обшиты самую крепкою лодейною вицею,* накладывая край по три вершка, и упруги (шпангоуты) друг от друга по полуаршину, а палуба креплена кокорами,** по две

* Вица — тонкая размочаленная хворостина, употреблявшаяся иногда вместо веревки.

** Кокора — нижняя часть дерева, срубленная с частью толстого корня. Употреблялась при судостроении для боковых ребер или шпангоутов судна, на которые наколачивались доски.

кокоры у каждой балки". Для нужд экспедиции в Пустозерске было заготовлено стадо оленей, в Обдорске же устроен продовольственный склад.

10 июля 1734 года суда под командою начальников экспедиции лейтенантов Муравьева и Павлова отбыли от Архангельска. Всего в этой экспедиции участвовало 51 человек, среди них: подштурманы Руднев и Андреев, рудознатцы Одинцов и Вейдель, иеромонах и два подлекаря. Миновав пролив Югорский Шар, путешественники обнаружили, что Карское море совершенно свободно от льда, „чему кормщики и бывалые люди весьма удивлялись, — замечает по этому поводу Муравьев, — ибо они от тех льдов всегда имеют нужду и пропадают много“.

За время стоянки у острова Вайгача приступили к работе по описи берегов острова и поставили на материковом берегу несколько знаков. Плывя дальше, благополучно добрались до полуострова Ямала, где и остановились в Мутном заливе; здесь набрали воды, плавника и, решив обогнуть полуостров, двинулись севернее. Но неожиданно ветры и полная неизвестность, как далеко отстоит отсюда Обь, а также и позднее время заставили моряков плыть обратно.

Подходящих мест для зимовки не было найдено вплоть до самой Печоры, куда моряки благополучно прибыли 4 сентября. Расположились на зимовку у деревни Тельвицы, причем команда была отправлена в Пустозерск. Неприятным сюрпризом для моряков было полное отсутствие по берегам Карского моря маяков и опознавательных знаков, предусмотренных сенатской инструкцией; „видимо было и некому и не из чего строить“. Все это, стало быть, надлежало сооружать самим в следующую же навигацию. Зимовка проходила в приготовлениях к весеннему путешествию. Для укомплектования судового состава экспедиции из Петербурга прибыли геодезисты — Сомов и Селифантов.

Но и следующий год не принес морякам удачи. Карское море оказалось на этот раз сплошь заполненным льдами; пришлось немедленно вернуться в Югор-

ский Шар, „и так были в том Шаре ото льдов утеснены, что принуждены стоять на мелях и день и ночь разными способами от оных отбиваться, и едва могли спастись...“ Мы не станем передавать всех подробностей этого вторичного неудачного плавания к устью Оби, а скажем лишь, что в конце сентября суда, очень мало сделав (была закончена съемка Вайгача), вернулись на зимовку туда же — в устье Печоры.

Экспедиция Муравьева и Павлова закончилась полной неудачей. Хотя двухлетний срок, предназначенный для похода на Обь, иссяк, но Адмиралтейств-коллегия, в непосредственном ведении которой находилась обская экспедиция, не сделала морякам ни малейшего упрека за постигшие их двухлетние неудачи и предписала лишь: „без окончания по инструкции в совершенстве оной экспедиции — возвращения оттуда с командою не будет“.

Но достичь какого-либо существенного результата Муравьеву с Павловым так и не удалось. Поход закончился ссорой всех участников. Муравьев поссорился не только с Павловым, но и со всеми своими подчиненными. На поведение обоих лейтенантов, пьянствовавших и облагавших незаконными поборами, указывали также и местные жители в своих жалобах в Петербург. Указом Адмиралтейств-коллегии от 28 февраля 1737 года оба злополучных начальника „за многие непорядочные, леностные и глупые поступки“ были сняты с работы, преданы суду и разжалованы в матросы.

Так закончился первый этап карско-обской экспедиции. Но неудачи на море не помешали успешной работе на суше. Прикомандированный к экспедиции геодезист Селифантов в течение всего лета 1737 года, следуя на оленях со своей партией вдоль берегов Ямала, сооружал маяки и производил опись берегов. Энергичному геодезисту удалось не только заснять восточный берег, но и обогнуть северную оконечность Ямала и выйти на западный берег до того пункта, куда подходили в свое первое плавание в Карское море Муравьев и Павлов, т.е. до 72° 45' северной широты.

Дальнейшее руководство обской экспедицией перешло в опытные и надежные руки лейтенанта Степана Григорьевича Малыгина.*

В помощь ему были даны еще два судна, которые спешно заканчивались постройкой в Архангельске. То были боты „Первый“ и „Второй“. Желая наверстать время, бесплодно затраченное Муравьевым и Павловым, Малыгина сильно торопили, предписывая ему отправиться в поход в то же лето 1736 года. Но все же, учитывая возможные трудности, оговорили в инструкции: „Ежели за какую крайнюю невозможность в одно лето оной экспедиции в окончание привести будет не можно, то для зимования отыскать пристойного и безопасного места, не отдаляясь оттуда“.

25 мая 1736 года Малыгин, на достаточно потрепанном уже „Экспедиционе“, отправился в поход. Подходя к Печоре, он застрял в тяжелых льдах, пришедших в сильное движение. Лишенное всякой возможности управляться, выкинутое на мель судно потерпело здесь крушение. Разбитый, давший обильную течь корабль пришлось оставить и перебраться с припасами на другое судно — „Обь“.

21 июля Малыгин выбрался из устья Печоры, но тотчас же попал в ледяные поля, сплошь забившие в этом году море. Целый месяц протискивался Малыгин вперед, „то вступая под паруса, то становясь на якорь“. Во время семнадцатидневной вынужденной из-за льдов стоянки у острова Долгого (к западу от Югорского

* Лейтенант Малыгин, в честь которого назван известный советский ледокол, был одним из самых выдающихся специалистов штурманского дела. По окончании Московской математической школы, он начал в 1717 году службу во флоте гардемаринном. В 1731 году им написано первое руководство по мореплаванию. Приглашенный преподавателем в штурманскую роту, он в 1743 году становится ее командиром, в каковой должности и находится в продолжение семи лет. За это время Малыгин вводит много улучшений в штурманское дело и особенно заботится о практическом обучении штурманов. Главное дело его жизни, далеко прославившее его имя, — знаменитый поход из устья Печоры до Обской губы.

Шара) подоспели из Архангельска под командованием лейтенантов Скуратова и Сухотина новые боты — „Первый“ и „Второй“. Протомившись в проливе еще десять дней „за великими льдами“, наконец протолкнулись в Карское море. „Держась более берегов, ибо в море, по надлежащему нам курсу, не малые льдины видимы были, и пройти было весьма безнадежно“, — дошли наконец до устья реки Кары ($69^{\circ} 48'$).

На этом достижения первого года плавания Малыгина закончились. Далее к северу из-за густых „безразрывных“ льдов продвинуться не удалось. Здесь в 60 верстах от устья Кары и решили зазимовать. Зимовка благодаря предусмотрительности и организационным способностям Малыгина протекала успешно и без приключений. Из привезенных досок соорудили чум, затем, обшарив окрестности, привезли с реки Коротайхи избу, соорудили на берегу продовольственный склад. Всячески экономили провиант, питаясь больше местной рыбой.

Летом 1737 года флотилия, за исключением одного судна, за „худостью“ отправленного под командою Сухотина обратно в Архангельск, вышла из Кары и направилась вдоль берегов Байдарацкой губы. Вначале льды сильно тормозили продвижение вперед, но дальше, когда миновали Мутный залив, пошло удачнее. 23 июля достигли, наконец, северной оконечности Ямала ($73^{\circ} 30'$). Льдов здесь не было, однако непогода, упорные восточные и северо-восточные ветры продержали здесь мореплавателей более трех недель. Наконец задувшим северо-западным ветром наших путешественников вынесло за оконечность полуострова. Ямал был таким образом обойден, занесен на карту и определен астрономически.

Было совершено „первое плавание здесь человека, ибо и самые промышленники никогда не достигали в этой стороне до такой широты!“ Малыгин и Скуратов являются таким образом первыми и до 1869 года единственными мореплавателями, которым посчастливилось пройти с запада до Оби. Далее путь их уже не встречал затруднений. Не сталкиваясь более со льдами, моряки

11 сентября достигли устья Оби, где их поджидали приветствовавшие их казаки.

2 октября путешественники достигли Березова, где и зазимовали. Отсюда Малыгин отправился с донесением о выполненном походе в Петербург. На Скуратова же возлагалась весною будущего года доставка судов обратно в Архангельск. Этот путь, „столько же или еще более трудный, как настоящий“, был совершен также в два лета. У устья реки Кары, затертое льдами, одно из судов было вынесено на мель и, „совсем срезанное“, оставлено экипажем, сошедшим по льдинам на берег, где и была устроена зимовка. Потерпевшее аварию судно не было покинуто на произвол судьбы; разгрузив, его притянули к берегу и кое-как починили. Перезимовав в Обдорске, летом 1739 года вышли в море и прибыли в Архангельск в половине августа. Возложенная на обскую партию задача была выполнена, хотя и с большими, как мы видели, трудностями и риском.

ИЗ ОБИ НА ЕНИСЕЙ И ДАЛЕЕ НА ВОСТОК

Дубельшлюпка „Тобол“ и состав экспедиции.— Вынужденное возвращение.— Цыта на корабле.— С донесением в Петербург.— Новые организационные мероприятия Овцына.— Неудача и на третий год.— Овцын не сдается.— Благоприятные условия плавания следующего года.— Обская губа пройдена.— Достигли устья Енисея.— Донос на Овцына.— Минин со Стерлевым продолжают обследование незнакомой территории.— Поход на восток от Енисея вдоль берегов Таймырского полуострова.— Неудачная попытка обойти полуостров с моря.— Стерлев на собаках достигает 75°.— Вторичная попытка Мина обйти Таймыр с моря.— Печальный конец карьеры Мина.

Обратимся теперь к работе лейтенанта Овцына, которому поручено было обследовать берег от конечного пункта работ экспедиции Малыгина — устья Оби до Енисея. 14 мая 1734 года на сооруженной в Тобольске специально для этого плавания двухмачтовой дубельшлюпке „Тобол“, длиною в 70 футов, Овцын в сопровождении подштурмана Стерлева, штурманского ученика Канищева, геодезиста Ушакова, его ученика Выходцева, рудознатца Медведева и 50 прочих участников отправился из Тобольска в море.

Небольшой „Тобол“, конечно, не мог вместить всего экспедиционного имущества, а потому экспедицию пришлось сопровождать дощаникам, загруженным припасами и строительным материалом. Немалые трудности представило уже плавание по Обской губе от Обдорска, куда флотилия прибыла 11 июня. Неизведанное широкое пространство воды, частые мели, на которые непрерывно садились дощаники, — все это доставляло Овцыну немало хлопот. Подвигались чрезвычайно мед-

ленно, имея впереди себя гребные суда, занимавшиеся промером фарватера и обследованием берегов.

Медленное продвижение эскадры вскоре настолько всем наскучило, что решено было избавиться от постылых дощаников. Дотащившись до Семиозерного, один из них разломали и из досок сложили обширный продовольственный магазин. Следуя далее, постепенно стали освобождаться и от других дощаников, а людей, сопровождавших дощаники, отпускать домой. Когда отсалютовал последний дощаник, все вздохнули свободнее, как будто сбросили тяжелую ношу. Стали быстрее продвигаться на север. Но снова незадача: свежие ветры упорно гнали „Тобол“ назад, так что лишь 31 июля удалось подойти к устью Тазовской губы и поставить там маяк.

Плыли и не видели конца губы, а границ этой обширнейшей губы не знали даже и приблизительно. Бесконечная унылая картина низменных берегов, покрытых снегом, все та же, признаков жилья никаких. А между тем „время наступало позднее, стужи становились очень большими, на судне имелись повреждения, а удобного места для зимовки вблизи не виделось, да и недостаток запасов не позволял оставаться здесь зимовать“. Плыть обратно, пока не поздно, чтобы не замерзнуть,—единогласно решили моряки на созванном Овцыным совещании. И потащились обратно. Снова мелководье, бесконечные промеры, а над головой свинцовое, морозящее мелким дождем, небо. Тоска и уныние!

С тяжелым чувством невыполненного долга пришли в Обдорск 4 сентября. Бесплодность плавания хотели наверстать береговыми работами. Посылали казаков для обследования обоих берегов губы, а также и для сооружения маяков и опознавательных знаков. А штурман с геодезистом занялись промером фарватера.

Неудача, постигшая Овцына на следующий год, была много серьезнее. К походу успешно готовились и, желая сделать в навигацию возможно больше, тронулись в путь, быть может, слишком рано. Лишь только вскрылась река, 29 мая „Тобол“, подталкиваемый сти-

хийно несущимся льдом, не пошел, а понесся к морю. И застрял у Гусиного Носа ($66^{\circ}45'$), где и простоял ровно три недели, задерживаемый „неразрывно стоящими льдами“.

При том бешеном ледоходе, который столь характерен для северных рек, надо лишь удивляться, как уцелел маленький „Тобол“. Дальше пошло еще хуже. Противные ветры погнали кораблик обратно. С большим трудом достигли только $68^{\circ}40'$, т.-е. не дошли даже до Тазовской губы.

Сильный упадок духа, утомление и плохое питание возымели свое действие. Началась цынга и в весьма тяжелой форме. Из 56 человек экипажа хворали 37 человек во главе с командиром. Четыре человека, в том числе рудознавец Медведев, уже не встали. Призрак смерти витал над кораблем. „Не видя теперь уже никакой возможности продолжать плавание, по сделанному с обер-и унтер-офицерами консилиуму, отсюда пошли в обратный путь“. И на этот раз уже не в Обдорск, а прямо в Тобольск, в начальный отправной пункт экспедиции, куда и прибыли в начале октября. Корабль был сильно поврежден. Срок для выполнения программы похода из Оби на Енисей истек.

Сухопутные описные экспедиции между тем протекали много успешнее. Отправленный на восточный берег Обской губы „геодезии ученик“ Прянишников заснял встреченную им на пути огромную Тазовскую губу. Хорошо работали и казаки, обозревавшие берега и соображавшие знаки.

Когда оправившийся от цынги Овцын прибыл в Петербург и подробно поведал в Адмиралтейств-коллегии о всех злоключениях своего на редкость неудачного плавания, он убедился, что его очень ценят и согласны удовлетворить все его требования организационного порядка, необходимые для успешного завершения возложенной на него задачи. Он убедился также, что решение правительства осуществить задачу похода из Оби на Енисей какою бы то ни было ценой — попреж-

нему неизменно. В данном ему наказе даже стояло многозначительно: „А без окончания в совершенстве оной экспедиции возвращения не будет“.

Каковы же были требования Овцына? Прежде всего, он просил новый корабль для экспедиции, затем новых сотрудников, которых он укажет, и, что весьма, как он полагал, необходимо,—партию казаков, которая бы следовала на оленях с чумами и продовольствием по берегу, сопровождая таким образом судно „на случай его бедствия“. Овцыну было также разрешено заготовить подарки для кочевников и в нужных случаях поступать „сверх инструкций“.

С Овцыным теперь отправлялись приобретшие в этом походе известность штурман Минин и подштурман Стерлегов. Кроме них, его сопровождали шкипер Воейков, подлекарь, „геодезии ученик“ Выходцев, рудознатец Лесков и „весьма замечательное лицо — своими средствами обучавшийся и по охоте пошедший в экспедицию“—гардемарин Паренаго. Всего с Овцыным отправлялось 50 человек. Но, увы, и эта третья по счету экспедиция Овцына оказалась совсем неудачной. Путешественники неизменно обретались „в великих льдах“. Для зимовки подходящего места не нашли, да и не с чем было зимовать. Не принесла никакой пользы и партия казаков; повстречав по дороге неведомую ей огромную Тазовскую губу и приняв ее повидимому за море, казаки повернули обратно. Новый корабль не был окончен к сроку, а потом пришлось плыть на старом. А в результате—опять угроза замерзнуть посреди губы, опять консилиум“ и решение плыть обратно. Оставив на Гусином мысу и в Семиозерном магазине часть провианта „для будущей экспедиции“, повернули обратно и 26 сентября были в Обдорске.

Но Овцын, переехавший на зимовку в Березов, и на этот раз не упал духом. „Меры были приняты еще сильнее: в течение зимы послан один геодезии ученик Выходцев с партией самоедов к северной оконечности полуострова для постройки магазина из выкид-

ного леса, замеченного в прошлую кампанию, и для обзора и постановки маяков к енисейскому устью: с енисейского устья послан навстречу другой геодезии ученик — Прянишников с партией казаков; опять нанят большой табун оленей для сопровождения экспедиции; по берегу вновь промерено обское устье и расставлены по нему вехи, что весьма облегчило выход“.*

На этот раз удача улыбнулась нашему путешественнику. Еще раз подтвердилась истина, что нигде не зависит человек так от случайности, как в Арктике. Достаточно было произойти в атмосферной машине небольшому сдвигу, и ледовые условия моря тотчас же изменились. Лето 1737 года, как мы видели выше, позволившее Малыгину благополучно достигнуть устья Оби, было замечательно по отсутствию льдов в некоторых районах полярного моря.

29 июня на новом выстроенном в Тобольске боте, носившем довольно странное наименование — „Обь-Почтальон“, в сопровождении дубельшлюпки под управлением штурмана Кошелева, Овцын вышел в море; всего в экспедиции участвовало 70 человек. По дороге был забран оставленный в предшествующие плаванья на берегах губы провиант. Льдов не встретили, но сильно задерживались ветрами с туманами; тормозила также поход сильно отстававшая дубельшлюпка.

3 августа на широте 72° с радостью увидели сопровождавший экспедицию по берегу караван. От проводников узнали, что продовольственные магазины ими уже сооружены в намеченных местах. Продолжая плыть к северу, 7 августа вышли наконец в открытое море; огромная Обская губа была теперь позади. Вскоре заметили на горизонте, впервые за все это плавание, льды. „Вода здесь была весьма солонa и горька, цветом темноголубая, глубины 7 сажен“. Пройдя еще немного вперед и достигнув широты $74^{\circ} 2'$, подошли к кромке льдов, залегавших „необозримою массою на севере и на

* А. Соколов — Северная экспедиция (1733—1743). СПб. 1851.

западе буграми, над которыми летали черные чайки, и видели здесь кита, пускавшего высокие фонтаны. Глубина увеличилась до 12 сажен".

Проницательный Овцын сумел ориентироваться в окружающей обстановке, он верно заключил, что Обская губа пройдена им целиком, что материковый берег здесь оканчивается, а потому, не дожидаясь своего коллеги Малыгина, который и в самом деле вскоре сюда прибыл вместе со Скуратовым, Овцын, „произведя консилиум“, повернул к востоку. 16 августа моряки обошли мыс Матте-соль (Тупой мыс). Занеся мыс на карту (шир. 73°15') и поставив на нем знак с надписью о совершенном подвиге, пошли в Енисейскую губу. И, наконец, 31 августа, „хотя через великие трудности“, входили в Енисей, которого не могли столько времени достичь.

После короткой остановки для свидания с ожидавшими и приветствовавшими экспедицию казаками, отправились вверх по Енисею в Туруханск, но прибыть туда за поздним временем не удалось; застигнутые в нескольких верстах от города морозами, моряки принуждены были здесь зазимовать.

Поручив штурману Минину в следующее лето (1738) заняться исследованием земель к востоку от устья Енисея, т.-е. попытаться обойти огромный Таймырский полуостров, сам Овцын отправился с донесением в Петербург. Ободренный успехом, полный дальнейших планов, моряк вскоре же думал вернуться, чтобы принять на себя руководство экспедицией. Но злой язык ябедника, тайного недоброжелателя Овцына, разбил его карьеру.

Вообще надо сказать, что кляузы, доносы, всякого рода интриги, скандалы, недоброжелательства и ссоры — эти исконные напасти старой русской жизни, это настоящее ее проклятье — широко развернулись во все продолжение Великой Северной экспедиции.

Лишь только Овцын приехал в Тобольск, как был арестован и препровожден в Тайную розыскных дел

канцелярию, где ему предъявили обвинение в дружеском обхождении в скучном Березове с сосланным туда князем И. А. Долгоруким.* Овцына судили и, разжаловав в матросы, послали в Охотск к Берингу.** Вот „милостивая награда“, которую получил злополучный моряк за труднейший поход по отысканию северного морского пути из Оби в Енисей.***

Работу Овцына продолжали штурманы Минин и Стерлегов. 4 июня 1738 года они совместно с Паренаго и Лескиным вышли из Туруханска в море для обследования берегов совершенно неизвестного им Таймырского полуострова. В этот поход морякам удалось, миновав Ефремов Камень, достичь, хотя и с большими трудностями, $73^{\circ}14'$. Они добрались до того места, откуда берег стал уклоняться к востоку. Но дальше морякам не удалось продвинуться, они были задержаны грядой „сплошных, высоких и гладких неподвижно стоявших льдов“.

Упорно дувшие от северо-востока ветры не обещали ничего доброго, густыми хлопьями повалил снег, а затем пришли и морозы. Снасти обледенели, вода замерзала от всплесков, палуба обратилась в каток. Рано нагрянувшие морозы все усиливались, льды стали смерзаться, берега покрылись пеленою снега. На беду вышла пресная вода. Попытки продвинуться вперед были совершенно бесполезны; оставив дальнейшие покушения, повернули назад и направились в устье Енисея, куда и прибыли 19 сентября, бросив якорь у зимовья Терехина. По дороге произвели опись западного берега устья реки.

* В 1739 году И. А. Долгорукий был колесован.

** От страшной системы подозрений и доносов, от „государева слова и дела“ (выражение, связанное с донесением или оговором по важному государственному преступлению) в свирепствовавшую беспощадно Тайную канцелярию не был в то время свободен решительно никто, не избежали этого и ученые.

*** За усердную службу и помощь, оказанную Берингу, Овцыну в 1741 году вернули чин лейтенанта. В 1749 году он участвовал в новой экспедиции на Камчатку. В 1757 году он получил чин капитана II ранга, а в 1757 году был переведен на береговую службу.

Получив распоряжение от Адмиралтейств-коллегии продолжать исследования, руководствуясь инструкцией Овцыну, Минин летом следующего 1739 года повторил попытку предыдущего года — обогнуть Таймыр. Но попытка эта оказалась еще более неудачной. Выйдя слишком поздно (в начале августа), он смог добраться только до устья, откуда „за наступлением уже позднего времени“ возвратился в Туруханск, где и зазимовал.

Изверившись в возможности обойти Таймыр морским путем, участник экспедиции подштурман Стерлегов в январе 1740 года организовал небольшую партию на собаках, на которых достиг к середине апреля весьма значительной широты ($75^{\circ} 26'$), где и соорудил на выдающейся скале сигнальный шест с надписью.* В эту экспедицию Стерлегов заснял на карту весь берег Таймыра, начиная от устья Енисея. Он продолжал бы свое путешествие, но досадная непредусмотрительность того времени (отсутствие защитных глазных приспособлений) испортила все дело. От сильно отраженных снежными полями солнечных лучей у Стерлегова и его спутников настолько разболелись глаза, что они почти перестали видеть. Опасаясь совершенно ослепнуть, Стерлегов поспешил возвратиться.

Между тем, Минин не сдавался и упорно доказывал, что обойти Таймыр можно и с моря. В том же, т.е. 1740 году он делает последнее покушение обойти с запада эту незадачливую землю и достигает, непрерывно борясь с сильными ветрами, пасмурностью и туманами, почти той же широты, что и Стерлегов ($75^{\circ} 15'$). Но далее встречает льды и входит „в непроходимо густую массу их“. Подвергаясь большой опасности быть раздавленным льдами и совершенно не представляя положения берегов впереди, Минин едва выбирается из ледяных объятий, поворачивает обратно и 27 сентября, „при погоде уже очень холодной“, „втягивается“ в покрытую льдом речку Дудинку, где остается на зимовку.

* Эта скала впоследствии получила название мыса Стерлегова.

Частичный успех окрыляет упорного Минина. Он посылает в Петербург сопровождаемое картами и журналами донесение, в котором указывает, что его бот достаточно крепок и может выдержать еще две кампании, для чего ему потребно...—и он перечисляет необходимые ему припасы, магазины, просит проводников и пр. Не беря на себя разрешения этого вопроса, Адмиралтейств-коллегия поручает рассмотреть предложение Минина лейтенанту Харитону Лаптеву, который дает отрицательный отзыв, так как сам уже на опыте убедился в полной невозможности обойти таймырский берег морем. На этом работа Минина и его помощника Стерлегова в Великую Северную экспедицию заканчивается.*

Едва Минин очутился не у дел, на него посыпались доносы, его обвиняли в жестокости по отношению к нижним чинам, в пьянстве и лихоимстве. Обнаружилось также, что он был в ссоре со Стерлеговым, который подтвердил правильность взводимых на него обвинений. Минин упорно защищался и в свою очередь обвинял своих подчиненных в непослушании и пьянстве. Судились долго, в результате Минина приговорили к разжалованию в матросы на два года.

* 13 августа 1922 года известным полярником Н. Н. Урванцевым в 20 км на восток от острова Диксона была найдена доска с прекрасно сохранившейся вырезанной на дереве следующей надписью: „1738 году августа 23 дня мимо сего мыса именуемого Енисей Северовосточного на боту Оби Почтальоне от Флота штурман Федор Минин прошел к осту в ширине 73° 14' N“.

Эта любопытная реликвия Великой Северной экспедиции и в частности плавания штурмана Минина хранится ныне в Государственном Географическом Обществе (Ленинград).

ПИОНЕРЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕВЕРОВОСТОЧНЫХ ОКРАИН СИБИРИ

Плавание Прончищева.— Зимовка.— Новый начальник экспедиции лейтенант Харитон Лаптев.— Лаптев отправляется в поход.— Зимовка в Хатанской губе.— Береговые обследования Медведева.— Вторичное плавание Х. Лаптева.— Экипаж покидает корабль.— Научные заслуги Х. Лаптева.— Достижение Челюскиным самого северного пункта азиатского материка.— Норденшельд о своем плавании вокруг мыса Челюскина.— Последующие плаванья вокруг мыса Челюскина.— Гибель Ласиниуса и его экипажа.— Продолжение плавания под руководством Дмитрия Лаптева.— Неудачи Дм. Лаптева.— Адмиралтейств-коллегия настаивает на продолжении экспедиции.— Дм. Лаптев снова отправляется в поход.— Спасение пропавших людей.— Зимовка.— Последняя попытка Дм. Лаптева пройти на восток морем.— Моряки с помощью топоров и ломов пробивают во льду проход к морю.— Окончание морской экспедиции Дм. Лаптева

Остановим теперь наше внимание на работе и достижениях третьего крупного отряда Великой Северной экспедиции, отправившегося из Якутска в июне 1735 года под начальством лейтенантов Прончищева и Ласиниуса. Достигнув устья Лены, моряки, как было условлено заранее, разделились: Прончищев пошел на запад, Ласиниус же — на восток.

В распоряжение Прончищева была предоставлена дубельшлюпка „Якутск“ длиною в 70 футов. Его сопровождали подштурман Челюскин, приобретший впоследствии широкую известность благодаря названному в честь его мысу на самой северной точке Азии; затем геодезист Чекин, подлекарь и др. — всего 50 человек с командой. Прончищева сопровождала в плавание и

делила с ним все горести, лишения и почти одновременно с ним погибла его молодая жена.

14 августа экспедиция через левый рукав Лены вышла в открытое море. Для успешного плавания время это было, разумеется, самое неподходящее; едва начали кампанию, как встал вопрос о зимовке. Решили зимовать тут же в устье реки Оленека ($72^{\circ}30'$), благо там было много выкидного леса и небольшое селение русских промышленников. Вскоре река затянулась льдом. 13 ноября скрылось солнце, чтобы не показываться до 22 января. Началась долгая полярная ночь.

Прозимовав без приключений, Прончищев только 3 августа смог выйти в море; причина, задержавшая его, — заплывшие в устье реки льды. Пробираясь „с великою опасностью“ на запад, сделав по дороге остановку в устье реки Анабары „для осмотра горы той, в которой руда“, моряки 13 августа достигли Хатангской губы. Здесь они нашли чье-то зимовье, оставленный в избах хлеб, бродивших вокруг собак, но людей не было. Повидимому обитатели поселка промышляли где-нибудь недалеко.

Чем дальше продвигался Прончищев, тем в больших массах встречал он „стоящий и плавающий лед“, который преодолевал „через великую нужду, иногда узостию в несколько сажен“. 19 августа опять стали подниматься на север „и шли около льдов, который лед подошел от самого берега в море, и очень гладок, уподобился якобы на озере, и приплесков на нем никаких нет, и признаваем, что оный лед ни в какое лето не ломает“. На льду путники заметили бродивших во множестве белых медведей, а вокруг в девственных водах ныряли белухи и моржи.

Глубины здесь пошли весьма основательные, опущенный в воду лот длиною в 120 сажен уже не достигал дна. Вскоре Прончищев достиг весьма высокой широты в $77^{\circ}29'$ — наиболее северного пункта, достигнутого кораблями, принимавшими участие в Великой Северной экспедиции. Лишь спустя 143 года, Адольфу

Эрику Норденшельду, осуществлявшему свой знаменитый поход вокруг северных берегов Азии, удалось с огромным трудом, огибая мыс Челюскин, впервые в истории мореплавания продвинуться на несколько минут севернее.

Если бы Прончищеву посчастливилось преодолеть это небольшое расстояние, то он бы первый в истории полярных путешествий вступил с моря на самый северный форпост Азии, почти за полтора столетия до Норденшельда. Но сильный северный ветер погнал его обратно к югу, после чего с внезапно нашедшим туманом корабль попал „в самые глухие льды, которым, когда попрочистилось, и конца видеть не могли“.

Чувствуя сильное недомогание уже с самого начала кампании, Прончищев, посоветовавшись со своими помощниками, „за невозможностью продолжать плавание далее“ решил возвратиться. Изнуренные холодом, полубольные люди все время находились под страхом замерзнуть. Они несколько раз высаживались на берег в поисках подходящего места для зимовки или селения, но „жила никакого“ нигде не оказывалось, „также и лесу мало“. 25 августа подошли к устью Оленека, но войти в реку не смогли; мешал упорный противный ветер, вдруг задувший с юга. Семь суток, подбрасываемые высоким взводнем и поминутно заливаемые, держались моряки против устья.

Прончищеву становилось все хуже. Напрасно подлекарь и жена больного, сама еле державшаяся от слабости на ногах, ухаживали за больным моряком. 29 августа его не стало. Когда же ветер немного ослабел, „Якутск“ с приспущенным флагом, весь запорошенный снегом и обледенелый, входил в устье Оленека и остановился у прошлогоднего зимовья. По реке уже несло лед, чувствовалось дыхание скорой и суровой зимы. 6 сентября при ружейном залпе, так непривычно оборвавшемся на этой отдаленной дикой окраине, опустили в неглубокую яму тело славного командира. Пять дней спустя за ним последовала в ту же могилу и его су-

пруга. Могила Прончишевых сохранилась до сих пор. В 1893 году здесь был известный полярный исследователь Эдуард Толль, приведший в порядок разрушенную временем могилу.

Зимовка в устье Оленека для наших путешественников выпала очень тяжелая. Еще в половине декабря, принявший на себя командование после покойного Прончищева штурман Челюскин в сопровождении геодезиста Чекина выехал в Якутск с докладом к Берингу, но не доехал. Помешала ссора Челюскина с одним из якутских заправил. Последний отказал моряку в передвижных средствах, в результате чего Челюскин с полгода проболтался в Сиктахе (на Лене) и прибыл в Якутск в июне, т.е. тогда, когда там уже не было Беринга. Два года, определенные инструкцией для похода на запад вокруг Таймыра, окончились. Челюскину необходимо было теперь знать, последует ли разрешение Беринга на продолжение экспедиции, или ее следует считать законченной.

Беринг, хотя и был в курсе всех дел экспедиции (своевременно через нарочного он получил донесение о походе Прончищева и его смерти), сам тем не менее не знал, что предпринять. Избегал он также и обращений в Петербург и оставил даже Челюскину записку с предложением не ездить в столицу, добавив: „понеже Государственная Адмиралтейская коллегия и без тебя может рассмотреть о пути вашем“. Гадая, быть или не быть экспедиции, он писал: „А как пойдут те дубель-шлюпка и бот — и не пройдут, и ото льдов получают себе повреждение, — тогда взыщется на нас: чего ради без указа отправили и потеряли напрасно“.

Беринг обратился за советом к академикам, но те решительно высказались против продолжения экспедиции, причем Миллер ссылаясь на свои архивные изыскания о плаваниях в XVII столетии казаков. Он указывал, что походы эти неизменно совершались с превеликими трудностями, лишениями, а зачастую и с гибелью людей. Миллер считал, что повторять эти попытки не только

крайне рискованно, но и бесполезно, тем более, что, по замечаниям бывалых людей, „ледовитое море, пред прежними годами, много убыло, и подле берега стало мелко“.

Беринг не удовлетворился этим мнением и созвал совет офицеров, на котором решили обратиться в Петербург в Адмиралтейств-коллегию. В Петербурге взглянули на дело иначе. Неудачи, по мнению коллегии, происходили не вследствие обмеления моря и трудности плавания, но потому, что путешественники выходили в море слишком поздно и рано возвращались по большей части в те самые места, откуда выходили в плавание, не закрепляя за собой таким образом пройденного, а потому в каждую последующую навигацию начинали все дело сызнова. Ссылка Миллера на казаков также не удовлетворила коллегию. Наоборот, именно казаки, не знавшие навигации и совершавшие свои плавания на судах „погибельных, с парусами из оленьих кож, с снастями ремянными, с камнями вместо якорей“, свидетельствовали, что при современных условиях мореплавания и управления людьми „искусными в навигации“ — дальнейшие попытки продвижения вперед должны увенчаться успехом.

Подобное мнение коллегии, конечно, не означало, что в Петербурге не считались с огромными трудностями и опасностями плавания во льдах. Коллегия, учитывая все это, взывала к упорной работе прежде всего начальствующего состава, особенно подчеркивала важность порученного им дела и обещала награды. Воззвание коллегии определяло продолжать настоящие исследования „с напряженнейшим старанием“ не только еще в одно, в другое и в третье лето, но „буде какая невозможность и в третье лето во окончание привести не допустит, то и в четвертое...“ Но если и это все не поможет, и обогнуть с моря Таймыр окончательно не удастся, то, оставя „дальнейшие покушения“, начальнику ленского отряда приступить к описи берегов от реки Хатанги до Енисея, т.-е. вокруг Таймырского полуострова, — сухим путем.

Начальником новой экспедиции был назначен лейтенант Харитон Лаптев. Он подробно ознакомился с ходом

и неудачами экспедиции своего предшественника. Отправляясь в поход, он предвидел большие трудности и потому особенное внимание обратил на организационную сторону похода и потребовал снабдить экспедицию „гораздо обильнее прежнего“. И все его требования были удовлетворены; ему дали весь новый такелаж, инструменты „для делания лодок“ на случай сухопутных описей, к которым он прибегнет при неудаче морских, затем для него заготовили оленей и собак и даже перевели несколько семей с устья реки Оленека на устья рек Анабары, Хатанги и Таймыра на случай возможной там зимовки экспедиции. Помимо всего перечисленного, Лаптев потребовал „подарочные вещи“ и жалованье вперед на два года. Было обещано ему и это. В отношении личного состава экспедиции Лаптев не потребовал никаких изменений. По всему было видно, что энергичный моряк решил так или иначе, морем или сухопутьем, выполнить поручение во что бы то ни стало.

9 июня 1739 года Лаптев, имея на борту помимо себя 44 человека, отправился из Якутска в поход. Его сопровождали до Оленека дощаники с провиантом. При входе в море через западное устье Лены, взорам путешественников представилась самая безнадежная картина. На всем видимом пространстве моря была одна сплошная ледяная масса. Страшной казалась эта мрачная даль. Зловещая тишина не сулила ничего хорошего. Сразу стало ясно, что судно надолго рискует здесь остаться. Началась утомительная, продолжавшаяся в течение целого месяца, борьба небольшого корабля со льдом, наступавшим на него со всех сторон.

По временам корабль получал опаснейшие удары в борт, чему предшествовали характерные звуки ерошения льдов, сотрясения и взрывы, скрип и свист. Трещали бимсы,* с шумом растворялись двери в каютах, „стонали“ мачты, дрожала обшивка, все судно вздрагивало и со-

* Бимсы — поперечные балки, соединяющие борта судна с служащие основанием палубы.

трясалось. Впоследствии Эдуард Бельчер, находясь в подобных условиях, писал: „Чем дольше я наблюдал за движением этих масс, тем более убеждался, что всякий, кто осмелится здесь удалиться от твердой земли, по всему вероятно неизбежно погибнет“. Вероятно, те же мысли проносились в голове и у Харитона Лаптева в этот знаменитый поход, когда его беспомощный кораблик по временам сдавливало до того, „что теряли надежду на спасение, пробираясь то на парусах, то на веслах, распинаясь шестами и даже окалываясь иногда пешнями,* нередко удерживаемые на одном месте по нескольку суток“. И все же пробирались вперед — только вперед!

24 июля миновали устье Оленека, 28-го остановились в губе Нордвик и даже занесли на карту ее берега. Но только что вышли из бухты, как снова были атакованы льдами и „спасение с великим трудом получили“. 6 августа подошли к устью Хатанги, чтобы осмотреть, пригоден ли это место для зимовки, и попутно сложить сюда часть продовольствия. Но вот опять стали теснить льды, пришлось спешно спасаться в глубину бухты. Лишь только разредились льды, корабль снова пробирается на север и 21 августа подходит к мысу Св. Фаддея ($76^{\circ}47'$), где сооружают знак.** „И здесь сплошные стоячие льды совсем преградили дороги“; а потому, ввиду позднего времени и крайне неудобных условий для зимовки на берегу (ни воды, ни плавника), — решили идти обратно в Хатангскую губу, которой и достигли 29 августа.

Вблизи устья речки Блудной ($72^{\circ}56'$) расположились на зимовку. Здесь зимовщики нашли несколько семейств оседлых тунгусов, а также достаточные запасы продовольствия, доставленные сюда в начале похода на дощаниках.

* Пешня — трехгранный железный шест около $\frac{3}{4}$ метра длиною с заостренным концом — служит для колки и прорубания льда.

** Остатки этого знака или маяка, как называл его Лаптев, сохранились до сих пор. Высаживавшийся здесь в 1918 году во время плавания на „Мод“ Р. Амундсен передавал, что знак представляет собой кучу покрытых мхом камней, среди которых птицы свили себе гнезда.

И все же зимовка протекала не вполне благополучно; остается невыясненным, почему при удовлетворительном питании и отсутствии заболеваний (умер лишь один матрос, „бывший в любово-страстной болезни“) по временам слышался ропот в команде, сопровождаемый „нерегулярными и неистовыми словами“.

Предвидя неудачу обследования Таймырского полуострова с моря, Лаптев уже в конце октября предпринял сухопутную съемку берегов. Он командировал боцманмата Медведева на реку Пясингу для описи ее устья и морского берега на восток до устья реки Таймыры. Возвратившийся к концу апреля Медведев, „остановленный“ великою стужей и сильным ветром, смог обследовать не больше 40 верст. Столь же неудачна была и экспедиция геодезиста Чекина, отправившегося в исходе марта следующего года для описи берега от устья Таймыры на запад до Пясинги. Чекина сопровождало десять нарт на собаках, управляемых якутами и тунгусами; последние гнали с собой 18 оленей. 17 мая Чекин, бросив по дороге нарты, вернулся пешком „с крайней нуждою“. О своем путешествии он сообщил так: „Ездил до реки Таймуры, и оною Таймурою до моря, и от нее около моря по морскому берегу к западу, около ста верст, где уже земля пошла к югу; а далее затем не поехал, что себе провианта и собакам корму стало мало очень, с которым далее в безвестное место ехать было опасно...“

По началу, морское путешествие Лаптева, выполняемое на следующий год по тому же маршруту, протекало в той же обстановке, что и предыдущее. Поздно вскрывшаяся Хатанга позволила только 13 августа достигнуть ее устья. А дальше пошла та же картина: корабль вклинился в сплошное безразрывное кольцо льдов и понесся с ними по ветру и течению к северу, „обламываемый и утопающий“. Все более свирепел ветер, он принес с собой с севера целые тучи густого, хлопьями валившего снега.

Неожиданно наступившая ранняя зима усугубила тяжесть положения. Лдины, пришедшие в большое движение, подгоняемые ветром, с грохотом напирали и дро-

бились об измятые бока корабля. В нескольких местах корабль оказался продавленным, его стало заливать. Не терявший ни на минуту присутствия духа, Лаптев отдал распоряжение заделать пробоины, а бока судна от новых ударов льдин оградить спущенными с борта бревнами. Не покладая рук работали на судне, делая тщетные попытки спасти его. На утро стало ясно, что спасти корабль не удастся; воды неизменно прибывало больше, чем удавалось откачивать. Лаптев отдал распоряжение выгружать провизию и теплые вещи на лед. Судно все еще держалось на воде.

Вечером Лаптев созвал совет. Под глухой рев бури и непрерывный грохот напиравшего на корабль льда, при тусклом свете ночника, решался вопрос: продолжать ли еще борьбу, или немедленно высадиться всем на лед и спастись к берегу. Последнее мнение восторжествовало. Все сошли на лед. По счастью, берег был недалеко, всего в 15 милях по направлению к западу. На третьи сутки, преодолевая невероятные трудности, моряки, совершенно изнеможенные, достигли берега, доставив с собой часть захваченного продовольственного груза.

Положение спасшихся было, однако, чрезвычайно тяжелое. Замерзавшие, выкинутые на отдаленный, лишенный жилья берег Хатанги, растерявшие по дороге большую часть провианта, моряки жаждали теперь только одного: согреться! Но средств развести костер не было никаких; ничего не оставалось другого, как выкопать в мерзлой земле ямы и согреться в общей куче сгрудившихся друг на друга тел. Становилось совершенно очевидным и для Лаптева и для всех прочих, что зимовка при этих условиях на пустынных берегах ничего, кроме гибели всей партии, принести не может. Изнуренные трудами и тяжелыми переживаниями, отчаявшиеся в спасении, люди стали впадать в апатию, а некоторые даже побросали работу, говоря, что все равно всем придется скоро умирать, стоит ли работать? Но мужественный Лаптев сумел восстановить дисциплину и тем спас экспедицию от верной гибели.

Лаптев не только не терял присутствия духа, но и не забывал производить научных наблюдений. Из всех участников описных работ на северных берегах Азии, им были доставлены, пожалуй, наиболее ценные сведения по общей географии края; он не забывал ни метеорологии, ни наблюдений над приливами, ни магнитного склонения, ни флоры, ни фауны, ни, наконец, населения. Что же касается точности его вычислений, равно как и Прончищева, то Врангель доказал, что при определении широт допущенные ими погрешности не превышали нескольких минут. Совершенно непростительным научным промахом является то, что обширные записки Харитона Лаптева не подверглись обработке и использованы лишь в самой незначительной степени.

Восстановив дисциплину и ободрив своих спутников, Лаптев объявил, чтобы к 25 сентября все здоровые были готовы выступить с ним в поход к месту их прежней зимовки. Но лед упорно преследовал изнуренных моряков. Пройдя половину пути, они наткнулись на довольно широкую реку, по которой быстрым течением несло лед. Переправиться на другую сторону не было никакой возможности; пришлось вернуться обратно и выжидать, когда наступят морозы. Лишь через месяц смогли вконец измотавшиеся моряки доплестись до места своего прежнего зимовья. Из больных, оставшихся некоторое время в лагере, четверо умерло, остальные же были доставлены на место зимовки в ноябре.

Итак, потерпев столько неудач при попытке обогнуть Таймырский полуостров с моря, моряки окончательно убедились, что задача эта, превышая человеческие силы, — невыполнима. На целых полтора года попытка эта осталась неосуществленной.

Однако для засъемки берегов Таймырского полуострова неудача эта не имела значения; в распоряжении исследователей были сухопутные возможности, на что и обратил внимание Лаптев. Предвидя возможность этого путешествия, он еще в 1740 году озаботился заготовкой провианта и собак. Ранней весной следующего года все

было готово к началу путешествия, которое предполагалось осуществить с помощью трех партий, действующих с трех различных сторон.

Первым отправился в путь Челюскин. На трех нартах, запряженных собаками, 17 марта он выехал к устью реки Пясинги, откуда затем должен был отправиться по берегу вокруг Северозападного мыса на восток до устья реки Таймыры.

Через пять недель после него двинулась в путь вторая партия — геодезиста Чекина, также на трех нартах; он должен был действовать в противоположном направлении, т.-е., следуя восточным берегом на запад, обогнуть Северовосточный мыс и прибыть к конечному пункту экспедиции Челюскина, т.-е. на реку Таймыру. Сам же начальник всей экспедиции Лаптев должен был, взяв направление на север и обследовав внутренние части восточного Таймырского полуострова, закончить свое путешествие там же, т.-е. в устье Таймыры.

Отправным пунктом всех трех партий было место их зимовки — устье Хатанги. Хороший и предусмотрительный организатор, Лаптев еще до выхода партий в путь отправил к устью Таймыры 12 нарт с провиантом и сушеным кормом для собак, а также 7 нарт к Таймырскому озеру и 2 нарты специально для Чекина. Всю остальную команду и грузы экспедиции Лаптев отправил на ста оленях на Енисей, для последующего похода в Туруханск.

Но не прошло и нескольких дней, как геодезист Чекин возвратился, условия передвижения показались ему крайне тяжелыми. К тому же как у него самого, так и у его спутников настолько разболелись от непрерывного созерцания белой пелены глаза, что все они почти перестали видеть. Из возложенных на него поручений Чекин почти ничего не выполнил.

Под 75°21' произошла встреча Челюскина, имевшего уже весьма исхудавших собак, с Лаптевым; после встречи моряки повернули обратно и вскоре благополучно достигли Пясинги. В этот поход Лаптеву удалось не только

добраться до устья Таймыры и определить ее широту, но и дойти до Северозападного мыса и правильно определить его широту (76° 38').

Поход Лаптева в глубину Таймырского полуострова изобилует многими любопытными наблюдениями и сделанными из них выводами, правда, иногда курьезными. Так, например, найдя в тундре вблизи Таймырского озера кости мамонта, он замечает: „По сей тундре, близ моря, лежащие находятся мамонтовые ноги, большие и малые, також и другие от корпуса кости“. А на иных реках здешней тундры из берегов вымывает и целые звери мамонты, с обоими рогами; на них кожа толщиной в 5 дюймов, и шерсть и тело истлелые; а прочие кости, кроме помянутых рогов, весьма дряблые... Сей зверь мамонт есть, мнится быть, и ныне в море северном, на глубоких местах: понеже случилось по самым берегам моря находить роги, ничего в землю не врослые, которые уповательно волнами выбивает; а по тундре все роги находятся в земле верхним из острых концов, а тупым концом на верху земли“.

Лаптев следовательно полагал, что мамонт представляет собою морского зверя, и поныне водящегося в море. А присутствию мамонтовых трупов и костей в тундре вдали от морских берегов наш моряк также находит объяснение: „Чаятельно быть в прежних годах,— замечает он по этому поводу,— большим водам в море, что тундру закрывало водою“.

На зимовку наши путешественники отправились в Туруханск. На этом и заканчивается блестящая деятельность Харитона Лаптева на северных окраинах Сибири.* В его честь и его брата Дмитрия Лаптева, о котором речь впереди, часть Северного Ледовитого океана от восточных берегов Таймыра до Новосибирских островов, по предложению Ю. М. Шокальского, названа морем Лаптевых.

* В плаваниях и экспедициях на север Харитон Лаптев более не участвовал. В 1757 году, будучи капитаном II ранга, Лаптев командовал 66-пушечным кораблем, потерпевшим крушение на пути из Архангельска в Петербург. Скончался Лаптев в 1763 году.

Заключительным аккордом таймырской экспедиции является открытие на следующий год (7 мая 1742 года) Челюскиным наиболее северной точки азиатского материка, названной им Северовосточным мысом. Свое открытие Челюскин описывает так: „7 мая мы достигли скалистого, круто обрывающегося мыса средней вышины, окруженного гладкою ледяною площадкой без обломков и отдельных торчащих льдин. Этот мыс я назвал Северовосточным и поставил на нем сигнальный шест из привезенного с собою дерева“. Челюскин с замечательной точностью указал широту мыса; позднейшие определения Норденшельда, произведенные им в 1878 году, показали, что он ошибся лишь на 7 минут.* Чрезвычайная тщательность и добросовестность работы Челюскина таким образом вне сомнения.

Мы не нашли подробного описания Северовосточного мыса и его окрестностей, сделанного самим Челюскиным, а между тем нам хотелось бы дать более полное и характерное изображение самой северной точки нашего северного материка, упорно ускользавшей от энергичных деятелей Северной экспедиции и сделавшейся доступной лишь теперь. Позволим себе привести отрывок из письма побывавшего здесь на „Вега“ в августе 1878 года Норденшельда к д-ру Оскару Диксону:

„Мы шли под парами вдоль западного берега Таймырского полуострова. Он окружен множеством островов, не указанных на карте, и, вероятно, сам делится проливами на несколько частей... Лед мы встретили лишь в небольшом количестве, и то только прибрежный и до такой степени проточенный, что, казалось, не было ни одной льдины достаточно крепкой, чтобы удержать двух человек...

„Сам Таймырский залив был почти совсем чист от льда. 19 августа мы продолжали идти под парами и па-

* В точности мыс, получивший впоследствии наименование мыса Челюскина, находится на $77^{\circ}43'$ северной широты и $104^{\circ}17'$ восточной долготы.

русами вдоль берега полуострова; туман был попрежнему чрезвычайно густ и только изредка очищался настолько, что можно было различить контуры берегов. Днем мы прошли мимо обширного поля неразломанного льда, заполнившего всю бухту на западной стороне полуострова. В тумане и благодаря миражу, проиеходившему от преломления лучей у горизонта, лед казался более крупным и высоким, чем был в действительности...

„Туман мешал нам видеть далеко, и я уже начинал опасаться, что самый северный мыс Азии будет настолько окружен льдом, что мы не сможем высадиться на него. Но вот опять показался к северо-востоку мыс свободный от льда. Неподалеку была свободная от льда бухта со входом с севера. В шесть часов вечера 19 августа мы бросили здесь якорь, причем салютовали флагом и выстрелом одной из пушек, находившихся на „Веге“. Мы достигли, наконец, первой цели нашего плавания — самой северной оконечности Старого Света. Воздух прочистился, и перед нами развернулся мыс, освещенный солнечными лучами и совершенно свободный от снега.

„Подобно тому как в 1875 году у Енисея, нас встретил и здесь большой полярный медведь, которого мы заметили раньше, чем якорь был брошен в воду. Медведь прогуливался взад и вперед по берегу и по временам тянул носом и взглядывал на залив, вероятно с целью узнать, какие непрошенные гости приближались к месту, где он до сего времени был безраздельным хозяином. Испуганный салютом, он, однако, скоро дал ходу и тем спасся от пуль наших охотников. Для определения астрономического пункта этого важного места, а также для предоставления возможности нашим зоологам и ботаникам сделать несколько экскурсий, я решил остаться на якоре до следующего дня.

„Мыс Челюскин представляет низменную оконечность, разделенную на две части заливом. Горная возвышенность с медленно спускающимися склонами тянется от восточного берега параллельно береговой линии к югу... Внутрь страны отсюда, повидимому, медленно подни-

мается горная возвышенность, достигая 1000 футов высоты. Как эта возвышенность, так и равнина были почти свободны от снега. Только кое-где виднелись большие, белые снежные поля на горных склонах или в некоторых более глубоких, узких трещинах равнины. У самого берега, однако, было еще не мало льда.

„Здесьняя почва состоит из пластов глины, почти голых и растресканных на более или менее правильные шестиугольники, иногда же покрыта травой, мхом или лишайниками. Преобладающей горной породой являются вертикально расположенные пласты плитняка, богатые кристаллами серного колчедана. На крайней части мыса пласты плитняка перекрещивались огромными полосами кварца. Из числа явнобрачных доктор Чельман смог отыскать только 24 вида. Даже лишай были крайне однообразны, хотя и достигли отличного развития. Получалось впечатление, что растительность полуострова упорно стремилась продвинуться далее к северу, но, встретив море, остановилась на самом крайнем мысу.

„И, действительно, здесь на весьма небольшом пространстве можно было найти представителей почти всех видов растений, как явнобрачных, так и тайнобрачных, растущих на полуострове, и многие из них было бы тщетно искать далее вверх по равнине. Животная жизнь полуострова соперничала с растительной жизнью в бедности. Из числа птиц мы видели массу плавунчиков, несколько видов турухтана, одну гагару, несколько гаг и одну горную сову“.

Такова картина самой отдаленной окраины нашей материковой Арктики, сделавшейся нам известной со времени похода Челюскина. Однако, весьма замечательно то, что на картах, составленных в XVI столетии, т.е. задолго до Великой Северной экспедиции, в средней части северного побережья Сибири обозначали далеко вклинивающийся на север мыс по названию Табин. Вряд ли мы имеем здесь дело со свободной фантазией картографа.

После Норденшельда мыс Челюскин в 1893 году обогнул во время своей знаменитой экспедиции на

„Фраме“ к северному полюсу Фритъоф Нансен. В 1901 году, в поисках неведомой земли Санникова, мыс Челюскин огибает Эдуард Толль. Ни Нансен, ни Толль, ни сам Челюскин, прошедший по льду от мыса в глубь моря севернее на 18 верст, не обнаружили никаких признаков расположенной недалеко земли, открытой лишь в августе 1913 года Б. А. Вилькицким и названной им Землей Николая II (ныне Северная Земля). Следуя на транспортных „Таймыр“ и „Вайгач“ вдоль северных берегов Сибири из Владивостока в Архангельск, Вилькицкий, встретив у мыса Челюскина непроходимую гряду льдов, в поисках свободного прохода подался несколько севернее и таким образом в 40 милях от мыса Челюскина обнаружил низменную землю. Четвертым по счету мореплавателем, обогнувшим мыс Челюскина в 1918 году, является Роальд Амундсен (шхуна „Мод“).

Ныне благодаря успешной работе советских ледоколов мыс Челюскин утратил былое обаяние неприступности. Почти ежегодно, и притом в одну навигацию, наши моряки огибают самую северную точку азиатского материка. С сооружением здесь в 1932 году советской радиостанции, мыс Челюскин и прилегающую территорию можно считать до известной степени освоенными. Чтобы сопоставить, что здесь было, с тем, что происходит здесь ныне, приведем характерный отрывок из дневника Д. Дуплицкого, начальника похода 1934 года на „Литке“ из Владивостока на Мурманск.

„23 — 24 августа. Мыс Челюскин. Начинаем совместную с „Ермаком“ проводку каравана Второй Ленской экспедиции в составе 4 судов. Начальник экспедиции Орловский просит взять на буксир пароход „Партизан Щетинкин“. У этого парохода — тонкая обшивка, он получил пробоину. Идем к „Щетинкину“, берем его на буксир и ведем на лед. Капитан Николаев лично руководит проводкой, не покидая мостика. Мы со Щербиной дежури́м на корме. К утру проводка благополучно закончена. „Щетинкин“ без одного повреждения выведен на воду“.

Эта совсем необычайная для здешних мест картина напоминает нам скорее весеннюю сценку где-нибудь в Финском заливе около портового города.

Спустя два месяца после ухода „Литке“, усилиями 32 зимовщиков была закончена организация научных лабораторий, постройка 5 домов на 286 кв. метрах, сооружены три павильона — магнитный, для изучения атмосферного электричества и аэрологический, расширена баня и устроен собачник на 40 собак:

* * *

Нам остается ознакомиться с работой последнего, восточного отряда. Выше мы указывали, что отправившийся в июне 1735 года из Якутска третий крупный отряд Великой Северной экспедиции под начальством Прончищева и Ласиниуса разделился в устье Лены: Прончищев пошел на запад, Ласиниус же — на восток. Судьба экспедиции на запад нам уже известна, посмотрим же, как осуществил Ласиниус свою задачу продвижения морем через Берингов пролив на Камчатку или к устью реки Анадыри.

7 августа 1735 года, в сопровождении подштурмана Ртищева, ученика Глазова, геодезиста Баскакова, подлекаря, иеромонаха и 44 человек команды, на двухмачтовом шлюпе „Иркутск“ Ласиниус отплыл в юговосточном направлении. Уже через четыре дня Ласиниус, встретив большие массы льдов, стал отыскивать подходящих „отстойных мест к зимовке“. Таковым местом, по его мнению, могло служить устье реки Хараулаха в углу залива Борхая ($71^{\circ}28'$), где было найдено пять старых якутских юрт. В дополнение к юртам Ласиниус распорядился построить еще довольно вместительный барак длиною в 11 сажен, разгороженный на четыре отделения; барак отапливали три печи, отдельно была построена баня. „Только для крыши не успели набрать достаточно лесу и покрыли ее дерном; а печи, за неимением глины, были принуждены сделать из местной селитряной земли которая худо держала тепло и часто рассыпалась“.

Вообще Ласиниус готовился провести зимовку с наибольшим возможным в его условиях удобством. Рассчитывая, что кампания продолжится по меньшей мере еще два года, и не особенно надеясь на поступление свежей провизии, Ласиниус значительно сократил паек. Первой жертвой этой излишней предусмотрительности сделался он сам. С наступлением полярной ночи и жестоких морозов начались заболевания цынгой, принявшие вскоре повальный характер. Если бы Ласиниус при первых признаках жестокой болезни улучшил для всех питание, а также заставлял команду находиться больше в движении и занялся охотой, вряд ли бы его отряд постиг такой печальный конец.

Но в то непросвещенное время мало понимали, что такое цынга, и какие необходимо соблюдать гигиенические меры, чтобы ее избежать, не понимали также и значения свежего воздуха, чистой воды, опрятных помещений и белья. Вдобавок и пища была крайне однообразна и часто недоброкачественна — преимущественно солонина и сухари. Вот чем объясняется, что во все продолжение Великой Северной экспедиции так часто посещали зимовщиков и плавающих на судах тифы в разных формах и цынга. По числу жертв партия Ласиниуса из всех партий Северной экспедиции заняла первое место.

19 декабря экономного начальника не стало, следом за ним умерли поручик Полубородов, геодезист Баскаков, подлекарь, ученик Глазов и один за другим 31 человек команды. Смертность в течение такого короткого промежутка времени колоссальная! Оставшиеся в живых подштурман Ртищев, иеромонах и 7 матросов с первыми лучами весеннего солнца отправились в Якутск.* Так закончилась первая попытка описать сибирский берег к востоку от Лены.

Весною следующего года экспедиция, однако, продолжалась; вновь сформированный отряд отправился из

* Остальные 5 человек еще в самом начале зимовки были арестованы и высланы под конвоем в Якутск.

Якутска в путь под начальством находившегося до сего времени не у дел (разумеется, полярных) лейтенанта Дмитрия Лаптева.* С ним находились его помощники — лейтенант Плаутинг и подштурман Щербинин. Попытка Дмитрия Лаптева проскочить на восток, для чего необходимо было обогнуть мыс Борхая и Святой Нос, также была неудачна. Повстречав великие непроходимые льды, загородившие стеной путь, от которых с трудом приходилось отталкиваться, непрестанно пребывая при этом „в великом страхе“, Лаптев 14 августа созвал совет, на котором решено было возвратиться.

Мало этого, на „консилиуме“ было также вынесено следующее решительное постановление: „И на предбудущий год на море не выходить, понеже к проходу до реки Колымы и до Камчатки, по всем обстоятельствам, ныне и впредь нет никакой надежды“. Зимовали на Лене под $70^{\circ}40'$ в пяти сдоруженных юртах. И в эту зимовку наши моряки не избегли грозной цынги, все они поголовно переболели, но смертный случай был один, что, по объяснению Лаптева, нужно было приписать какому-то „кедровому сланцу“, коим он лечил больных и образчики которого даже представил в Адмиралтейств-коллегию.

По окончании зимовки Дм. Лаптев лично отправился в Петербург, чтобы доложить о невозможности выполнить порученное ему задание. Однако в Петербурге хотя и отнеслись к Лаптеву со вниманием и „удостаивали особенной доверенности“, называя его моряком „добросовестным“, „искусным“, знающим тамошние места“, и обнадеживали различными милостями „за совершенное окончание“, но все же потребовали, чтобы он еще раз сделал попытку осуществить плавание на восток через Ледовитый океан; в отношении же инструкций ему заявили, что ему дается полная власть, и руки у него не связываются“. Дм. Лаптеву ничего

* Брат Харитона Лаптева.

не оставалось, как вторично принять на себя командование экспедицией и приступить к деятельной подготовке ее.

Для предварительных описных работ, ранней весной 1739 года на собаках, в сопровождении „бывалых людей“, был командирован из Якутска на реку Яну матрос Лошкин. Ему надлежало заняться описью берегов от устья Яны по направлению к Святому носу и затем следовать обратно до устья Лены. Вслед за Лошкиным на реку Индигирку „для описи ее по всему протяжению от вершины до устья“ был послан геодезист Киндяков. На худой конец, в случае, если морскую экспедицию снова постигнет неудача, Дмитрий Лаптев намеревался, построив на Индигирке суда, следовать к Колыме.

В свой новый поход Дм. Лаптев, в сопровождении штурмана Щербинина, отправился из Якутска вниз по Лене, лишь только вскрылась река. Всего в экспедиции участвовало 60 человек.

5 июля Лаптев уже выходил к устью восточного или Быковского протока Лены, где снова встретил льды, столь надоевшие не только нашим морякам, но, вероятно, и читателям. Задержавшись в Севастьяновской губе, произвели ее подробную опись. Ко льдам присоединились свежие противные ветры, вскоре перешедшие в шторм.

В общем повторилась уже давно знакомая нам картина, и таковы же были и записи: „Закрепясь за одну льдину, ночь провели с великим беспокойством и страхом. На другой день, прорубившись и пробившись сквозь лед, пошли далее, непрерывно сопровождаемые льдами, лежавшими на севере, как пояс“, а там пошел густой снег и т. д.

Дм. Лаптев имел обыкновение часто посылать на берег шлюпки для опознания местности, для описных работ или же для разыскания удобной на более продолжительную остановку судна гавани. Но вот в одно из этих посещений берега матросы заметили, что вода

у берега вдруг стала пресной,* тотчас же вторично послали лодку с матросом Романовым и с участниками первой поездки для отыскания предполагаемого поблизости устья реки. Но, увы, в назначенное время лодка на корабль не вернулась, не оказалось ее и на другой день. Шесть дней напрасно ожидали разведчиков. А тем временем „ветром восточным льдов нанесло множество, в которых днем с нуждою на парусах пробавлялись, а ночью всеми людьми судно охраняли и непрестанно то подымали, то опускали якорь“.

На корабле, повидимому, была лишь одна лодка, с утратой ее корабль потерял теперь связь с берегом. И вот изобретательная мысль путешественников находит выход: из обручей разломанных бочек, соединенных продольной жердью, создается подобие корпуса лодки, после чего она обшивается парусиной. На таких самодельных, крайне ненадежных для продвижения через льды пузырях устанавливается сообщение с берегом, который везде оказывается „неприступно отмытым“. В конце сентября таинственно исчезает и эта вторая „лодка“, посланная на берег со Щербининым. Пока ожидали Щербинина в течение четырех суток, „море совершенно замерзло“, а затем „сделавшимся от юго-запада штормом разломало лед и вместе с ним понесло судно от берега в море“.

Пятнадцать часов так носило корабль. Глубина увеличилась до 5 сажен, и от места, на котором стояли, пронесло в море на 40 верст. Странствия корабля закончились тем, что 9 сентября он снова очутился против устья реки Индигирки, но на этот раз у восточного ее протока. Тотчас отправились на берег и к великому своему изумлению нашли здесь в ужасном виде всех своих, с обеих лодок, товарищей, которых уже давно считали погибшими. Выкинутые на берег, полярные робинзоны претерпели все ужасы не приспособленного

* Сами того не зная, путешественники находились против устья реки Индигирки.

к жизни бытия: „обмокшие, без огня и без пищи, они терпели жестокий холод и едва не умерли с голоду, питаюсь травой и встречаемыми песцами“.

Но нерадостно было возвращение спасенных на судно: на нем не было ни полена дров, и экипаж мерз так же жестоко, как и они на берегу. Вдобавок, грянувшие морозы прочно заклинили судно во льды. Судно обмерзло, и ввести его в реку на зимовку не было уже никакой возможности. А берег был всего в 11 верстах. Не дожидаясь, когда судно будет сплющено льдами, Лаптев распорядился оставить судно и перебраться на берег. Быстро соорудили нарты и стали переправляться. 22 сентября все уже были на берегу, диком и пустынном.

Зимовать здесь было, конечно, невозможно. „Русское жило“, отстоящее отсюда в 150 верстах, казалось местом наиболее подходящим для этой цели, — туда и переправились. Несмотря на приключившуюся с моряками катастрофу, они не забывали о главном своем деле и тотчас по переезде на берег энергично принялись за опись берегов. Матрос Лошкин обошел морской берег до реки Алазеи и по Голыжинскому протоку Индигирки, а Щербинин и геодезист Киндяков описали восточное и среднее устья этой реки. На следующий год, весной, Киндяков произвел опись берега от Алазеи до Колымы. Щербинин занес на карту берега реки Яны, а сам Дм. Лаптев описал Хрому.

Зимовка протекала благополучно. Все мысли Лаптева теперь сосредоточились вокруг весеннего похода морем на восток. Но он далеко не был уверен, что оставленное им на произвол судьбы судно уцелеет при весеннем взламывании льдов; кроме того, крайне неопределенно обстояло с предложенным Лаптеву походом на Колыму в случае неудачи основного задания. На замечание Миллера, что встарину здесь ходили мореходы, он отвечал: действительно, „суда по северному морю от Лены подле берегов выходили, но хотя б одно из них имело счастливое возвращение, или прошло в желаемый путь, тому, по видимым обстоятельствам, статься

не можно, и по берегу, у реки Яны и у реки Индигирки, от устья к востоку и западу суда, выброшенные из моря с давних лет, и якоря и снасти и поныне есть, что видели высланные из бота служители, и следует, что они пропадали“.

Все же Дм. Лаптев решился в случае, если оставленное им во льдах судно уцелеет, сделать еще последнюю попытку пройти на восток. Все свои соображения по поводу предстоящего похода Лаптев отправил нарочным в Петербург. Ответ, который был доставлен ему в июне 1740 года, гласил: „Исполнять, усмотря по тамошнему состоянию с крайнею возможностью и ревностию, по наилучшему его рассуждению; а Чукотский Нос, ежели возможно, обходить водою; ежели ж, за препятствием от льдов, водою идти будет невозможно, то сухим путем“.

Но Дм. Лаптев решил-таки попытать счастья — выполнить план, следуя морским путем. С июня 1740 года стали энергично готовиться к новому походу. Лишь только льды стали приходить в движение, Лаптев со своей командой перебрался на судно, до открытой воды оно отделялось плотной грядой льдов протяжением свыше версты. Лаптев решился одолеть это ледяное пространство ломami и топорами. Не покладая рук, работали люди три недели, выворачивая ледяные глыбы толщиной от 5 до 7 футов. И, наконец, одолели, — по прорубленному каналу протяжением более версты корабль был выведен на чистую воду.

Велика была радость моряков, но непродолжительна. Пришедший в бурное движение лед увлек освобожденный корабль, понес его вперед и под конец выкинул на мель. Снова работа не легче только, что проделанной. Чтобы поднять судно, пришлось его разоружить буквально „до последней доски“. Но и это не помогло, корабль все еще сидел на мели. Тогда вынули мачты, спилили бушприт и стали подводить ваги. Работа продолжалась „с великою нуждою“ в течение еще двух недель, и при этом „многие оскорбления и беспокойства

нам нанесены были“, — повествует один из участников этих кошмарных работ.

Но вот корабль снова на воде и спешно готовится к отплытию. 31 июля льды стало разносить, корабль тронулся в путь на восток. Однако вскоре опять застопорило, снова проклятие экспедиции — „великие густые льды“, „вверх больше двух сажен, и к самому берегу их натерло,... и, проходя те густые льды, часто бортами об оные стучались и в страхе были, что проломит от тех ударов; но нужда была нам из них выходить“. Было пасмурно, густыми хлопьями валил снег, медленно шли вперед; все более падала уверенность не только у всех участников экспедиции, но и у самого Лаптева, что из похода на восток и в этот раз ничего не выйдет. И подлинно: лишь только подошли к Каменному Носу (Большому Баранову Камню), убедились, что дальше не удастся пройти ни на один вершок. Ничего не оставалось, как повернуть обратно, тем более, что и время уже было позднее. 23 сентября корабль Дм. Лаптева бросил якорь у Нижнеколымского острога, представлявшего тогда бедный поселок всего лишь в 11 дворов.

Очередная морская экспедиция Дм. Лаптева опять не принесла нужных результатов. Удачнее была работа сухопутных партий, снаряженных Лаптевым вскоре же по прибытии в Нижнеколымск. Так, он командировал для описных работ своих верных и надежных помощников: геодезиста Киндякова для описи верховья Колымы и штурмана Щербинина для обследования путей от реки Ангарки до Анадырска. Последнему было также поручено заготовить лес на постройку судов для предположенной описи реки Анадыри.

Летом следующего года Дм. Лаптев сделал последнюю попытку пробраться на восток, так как наступившее теплое и раннее лето он считал подходящим для этого условием. Но, увы, и теплое лето не способствовало успеху. Несколько раз подходили моряки к конечному пункту прошлогодней экспедиции — Баранову Камню и каждый раз в бессилии должны были отступать: не

было никакой возможности пробиться через стоявшие стеной густые многолетние льды, а „посланные вперед две лодки были отлучены, и люди с них едва спаслись“. 10 августа пришли на место прежней зимовки. Экспедицию на этот раз бесповоротно пришлось считать законченной. Баранов Камень почитался самым крайним пределом плавания на восток.

Верный спутник Дм. Лаптева — штурман Щербинин вскоре же скончался в Якутске; сам же Лаптев решил неудачи морских экспедиций отчасти компенсировать самоличным обследованием реки Анадыри. 27 октября на 45 собачьих нартах он отправился в Анадырский острог, прибыл сюда 17 ноября, где и перезимовал. Анадырский острог представлял в то время значительный по населенности центр: здесь жило 632 человека, преимущественно коряков и юкагиров, разместившихся на 50 дворах.

Дм. Лаптев в 1742 году в течение двух месяцев сделал „аккуратную“ опись реки Анадыри до ее устья. Приехав в Петербург,* он лично представил отчет по экспедиции, продолжавшейся семь лет.

* * *

Колоссальнейшее, не виданное в истории по размаху предприятие, стоившее нечеловеческого напряжения и труда и унесшее столько жертв, было закончено. Пройденное и обследованное путешественниками расстояние измерялось тысячами верст, а время выполнения задания исчислялось годами. В течение восьми лет был описан и обследован весь северный берег от Белого моря до Колымы, т.-е. на протяжении 120° долготы.

При состоянии научного познания того времени и тех технических средств, которые были в распоряжении скромных тружеников севера, доведенная ими до конца задача обследования всего северного сибирского побе-

* По прибытии в Петербург этот выдающийся полярный деятель продолжал службу во флоте. В 1757 году его произвели в контр-адмиралы, а через пять лет он был уволен „за старостию и болезнью“ с чином вице-адмирала в отставку.

режья не только вызывает наше изумление, но и заслуживает глубочайшего уважения. Справедливо сказано об участниках Северной экспедиции, что они „такой трудный и многобедственный и неизвестный путь морем, где было по силе человеческой возможно, проходили и к вечно достойному ведению исправно описали, а о непроходимых местах достоверно свидетельство учинили...”

Подвиг моряков и приблизительно даже не был оценен по достоинству современниками, и впервые карта азиатского побережья, составленная на основе их работ, увидела свет лишь в 1770¹ году. Разумеется, эта карта не была свободна от недостатков.*

Последующие, довольно немногочисленные экспедиции в труднодоступные северные сибирские области постепенно исправляли карту и сглаживали ее неточности. Но все же и после этих исправлений, продолжающихся вплоть до наших дней, очертания сибирских берегов в главнейших своих опорных пунктах остаются те же, что и со времени работы Великой Северной экспедиции, располагавшей весьма примитивными угломерными измерительными инструментами — градштокками и квадрантами.** Еще до середины XIX века все ледовитое море, прилегающее к нашим берегам от Новой Земли и до Колымы, и весь берег между устьями Оби и Оленека, т.-е. на протяжении 57° долготы и 11° широты, оставались вовсе не переисследованными. Справедливо говорили о Великой экспедиции, что она является географическим приобретением, ничем не превзойденным.

* Касаясь научных результатов работ Великой Северной экспедиции, проф. Н. В. Розе замечает, что работы эти дали богатейшие картографический и гидрографический материалы. Опись берегов опиралась на астрономически определенные пункты, имевшие, правда, лишь широтные определения по несовершенству тогдашних приборов и методов. Работы Врангеля и Анжу (1820—1824), Ховгарда (1878—1879), Неупокоева (1912—1913) и других исследователей единогласно свидетельствуют о замечательной, при несовершенстве приборов того времени, точности работ первых русских картографов.

** Градшток — астрономический инструмент для измерения высоты солнца; квадрант — инструмент для измерения высоты и склонения небесных светил.

ПУТЕШЕСТВИЯ АКАДЕМИКОВ ПО СИБИРИ

Условия путешествия академиков.—Что видели и над чем работали академики в Сибири.—На Байкале.—Миллер и Гмелин в Якутске.—Затруднения Беринга.—Плохое снабжение экспедиции.—Всеобщее недовольство.—Жалобы и доносы на Беринга.—Отношение к экспедиции в Петербурге.—Выговор Берингу.—Гибель во время пожара материалов, собранных академиками.—Неудача наблюдений.—Возвращение.—Предосторожности против нападения разбойников на реке Каме.—Петербург

Иную работу вели и в иные положения попадали академики, участвовавшие в Великой Северной экспедиции. Обеспеченные всем необходимым, не несшие тяжелых физических трудов, почти не подвергавшие свою жизнь опасности, они могли свободно передвигаться на огромной территории и вполне отдаваться игре впечатлений самых интересных, разнообразных и увлекательных.

Если мы перенесемся в ту эпоху, то убедимся, что Сибирь, загадочная, таинственная, огромная страна, куда, робко озираясь, лишь недавно стал проникать исследователь, представляла совершенно исключительный интерес для всех передовых натуралистов. Сибирь, как чарующая сладкоголосая сирена, влекла в свои дебри жаждавшего новизны ученого — географа, ботаника, биолога, геолога, историка...

Разумеется, интерес к северо-восточной окраине огромного евразийского материка существовал в Европе уже давно, но все не представлялось подходящего случая организованным порядком проникнуть в это неизвестное и загадочное недавно открытое царство. И вот, наконец, долгожданный случай расширить свой кругозор и пополнить знания настал. Они могут принять уча-

стие в великом русском предприятии! И отправившиеся сюда ученые не ошиблись. Их пытливым взорам раскрылся во всей своей мощи новый мир. То, что они увидели здесь, превзошло все их ожидания. Неизведанная Сибирь определила всю их карьеру.

„Мы приехали в страны,— писал потом Миллер,— от природы пред многими местами превосходствами одаренные, где почти все новое нам являлось. Там увидели мы с радостью множество трав, от большей части неизвестных; увидели стада зверей азиатических, самых редких; видели великое число древних могил, в коих находили разные достопамятные вещи,— словом, приехали в такие страны, в каких никто до нас не был, который бы мог свету сообщить известия“.

С жадностью и увлечением бросились ученые собирать здесь все, что могло пригодиться для науки и представить для нее интерес. Они „усердно собирали обильные сведения по всем предметам естествознания, выписывали множество документов во всех архивах, расспрашивая в то же время бывалых и знающих людей, определяли астрономически главнейшие пункты, делали разные физические наблюдения и начерчивали карты своих путей, снимали значительнейшие виды и редкие предметы“.*

Научная работа академиков собственно началась уже с Казани, куда они прибыли 18 октября 1733 года и где учредили метеорологическую службу, поручив ведение наблюдений местному учителю Куницыну. В конце декабря они прибыли в Екатеринбург, где также озаботились постановкой работ по изучению атмосферной машины.

То же повторилось и в Тобольске, куда ученые прибыли в январе следующего, т.-е. 1734 года. Здесь они, наконец, застали главу экспедиции Беринга со всем его штабом. Перезимовав, они заручились новыми сотрудниками и, лишь только вскрылись реки, отправились в путь. Их сопровождали бергхауер Самойлов, бывший

* А. Соколов — Северная экспедиция.

сотрудник Академии Мирович, два геодезиста и постоянный конвой. Миллер и Гмелин 24 мая двинулись вверх по Иртышу и, миновав Тару, Омск и Янышевскую крепость, 26 июля прибыли в Семипалатинск. Отсюда они поехали верхом по пограничной дороге через Усть-Каменогорскую крепость и, осмотрев недавно открытые Колыванские медные заводы,* отправились на подводах в Кузнецк. Продвигаясь далее в Томск, Миллер отправился сюда сухим путем, а Гмелин поплыл рекою Томью. В Томске повстречались в октябре. Затем их маршрут был следующий: Енисейск, Красноярск, Канск, Удинск, Балаханск и, наконец, долгожданный Иркутск, куда они прибыли 8 марта 1735 года. Но и в Иркутске они долго не задерживались.

Жажда новых впечатлений и новых открытий гнала неутомимых путешественников все дальше на восток. Вот они и на Байкале, который в марте же пересекают по льду. Дикая красота самого глубокого в мире озера восхищает их. Покрытые лесом, скалистые из темного гнейса, тонущие в голубоватой дали берега озера оставляют незабываемое впечатление. Недаром Байкал своими частыми и сильными бурями и случающимися на берегах его землетрясениями вызывал у обитающих вокруг него бурят и тунгусов религиозный страх; они приносили Байкалу жертвы и молились ему, называя его святым. Отсюда и произошел „Священный Байкал“. Но надо торопиться, к тому же зимою переправа по льду через Байкал не всегда безопасна. Здесь случаются нередко сильные бураны, все исчезает из глаз, лед трескается, образуются широкие полыньи, куда проваливаются путники с лошадьми и санными. Но странная особенность озера: оно навсегда поглощает утонувших и не возвращает трупов берегам.

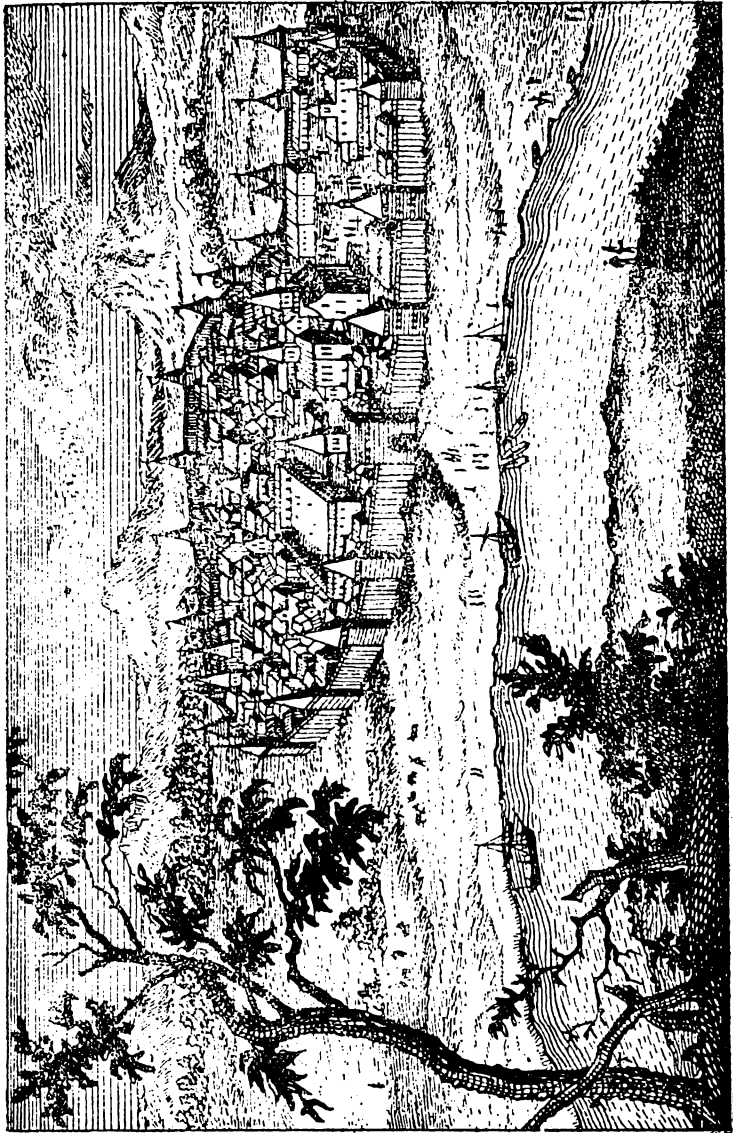
* Близ озера Колывана, приблизительно в 30 верстах к северо-востоку от гор. Змеиногорска, в 1727 году был открыт Колыванский медеплавильный завод, просуществовавший до 1799 года. Впоследствии на этом месте создалась известная гранильная и шлифовальная фабрика. Ею были изготовлены лучшие украшения для Эрмитажа и многих дворцов.

Далее в маршруте академиков мелькают Селенгинск, где они находят Делиля, затем Кяхта, потом — назад к Удинску, на Еровинский и Читинский остроги, после чего на плотах по Ингоде и Шилке в Нерчинск, куда они прибывают 15 июня. Этот последний путь особенно понравился путешественникам. „Сколько приятных в Сибири путей,— замечает Миллер,— однакож по нерчинской дороге веселее всех было ехать... Обширные луга, испещренные прекрасными цветами, раскиданные холмы, чудесные долины, местами густые леса и под тенью их светлые ручейки или широко разливающиеся реки; многочисленные стада; гостеприимство и услужливость бурят и тунгусов; прекрасная погода и новость предметов доставляли истинное наслаждение нашим путешественникам“. * Как не похожа эта идиллия с ручейками и стадами на мрачную ледяную симфонию северных берегов Сибири, а настроение Миллера и Гмелина — на переживания Овцына и Прончищева!

Дальнейшие маршруты наших путешественников следуют в таком порядке: после Нерчинска — осмотр Аргунских серебряных заводов; затем Аргунский острог; верховья Аргуни; путь к китайской границе; Читинский острог; снова Удинск, а оттуда по Селенге к Байкалу в Иркутск, в который они вторично прибывают 20 сентября. Здесь они остаются до следующего, т.-е. 1736 года. 26 января они возобновляют свои экскурсии; пробыв месяц в Илинске, они отправились в верховье Лены к Усть-Куту, а оттуда в Усть-Ильгинскую пристань, где и стали дожидаться прихода сооруженных для них судов для путешествия по Лене.

Здесь они соединились с Лакройером и на шести дощаниках и шести „устроенных весьма удобно для помещения“ каюках отправились вниз по Лене. Лакройер, не особенно расположенный к сколько-нибудь основательному и тщательному походу, торопившийся все вперед и вперед, скоро оставил Миллера с Гмелином, а сам отпра-

* Соколов — Северная экспедиция.

Город Якутск
(По травюре первой половины XVIII столетия)

вился в Якутск, куда и прибыл 1 июня. Как это путешествие по Лене, так и все другие предпринимавшиеся нашими учеными, разумеется, не ограничивались пассивным созерцанием красот сибирской природы. По пути они делали частые остановки, тщательно исследуя местность или производя разыскания, командировали в разные пункты с поручениями научного характера сопровождавших их студентов и геодезистов, условливаясь о месте встречи. Так, за время путешествия по Лене они с помощью геодезиста Красильникова составили весьма обстоятельную карту реки.

В начале сентября Миллер с Гmeliном прибыли, наконец, в Якутск. Хотя вначале предполагалось, что академики, достигнув Охотского моря, примут участие в походе самого Беринга в Америку, однако Якутск оказался конечным пунктом их продвижения в Сибирь.

Во время пребывания Миллера с Гmeliном в конце 1736 года в Якутске город имел совершенно необычайный вид. Здесь были в полном сборе все главные силы восточного отряда экспедиции во главе с Берингом и его помощником Чириковым; здесь были также и начальник Охотского края Писарев и Лакройер. Почти все грузы экспедиции были сосредоточены здесь, здесь же находился в полном составе и экипаж судов экспедиции, еще не законченных постройкой в Охотске. Итого в Якутске в это время находилось свыше 800 человек, причастных к Великой Северной экспедиции (из них 500 служилых и ссыльных, специально собранных для перевозки экспедиционных грузов в Охотск). Все и вся в Якутске, казалось, в то время жило и дышало для целей экспедиции. Грузы все еще прибывали. И чего здесь только не было: целые амбары отведены под мучные склады, площади завалены канатами, парусиной, пенькой, бочками со смолой, с салом. Чтобы облегчить тяжелый груз канатов для дальнейшей переотправки, их развивали по отдельным жилам, а потом на месте снова скручивали; даже якоря разбивали на несколько частей, а в Охотске потом сваривали.

Положение главы всего предприятия, самого Беринга, было в то время исключительно тяжелое. Первоначальный план экспедиции, не рассчитанной на такой продолжительный срок, разросся до огромных размеров, и не виделось конца ее завершения. Тысячи деталей и неучтенных мелочей организационного характера теперь властно и вместе назойливо становились поперек дороги, требуя немедленного разрешения. Повидимому, дело доходило до тех крайностей, к которым вовсе не были подготовлены ни страна, ни люди, ни тогдашнее состояние науки и техники.

И всего дороже обошлась Великая Северная экспедиция местному сибирскому населению. По выражению Миддендорфа, посещение такого множества неожиданных гостей для жидкого населения Сибири равнялось постою неприятельской армии. Но постоем дело не ограничивалось. От инородцев требовали более активной помощи, их принуждали к исполнению труднейших повинностей по перевозке разных тяжестей на огромное расстояние в бездорожной стране. Трудно даже представить себе теперь, каких неслыханных усилий и терпения стоила хотя бы переправа из Якутска через Становой хребет в Охотск всех материалов и снаряжения для постройки там судов. Сотням людей эта повинность стоила жизни.

Если и поныне современный организатор арктической экспедиции, располагающий бесчисленным множеством технических и научных средств и усовершенствований, дающих ему победу в борьбе с полярной природой, богатый опытом своим и всех своих предшественников, не всегда может все предвидеть и учесть, то чего же, казалось, можно было требовать от живших двести лет тому назад наших моряков, отправлявшихся в неведомые страны в большинстве случаев впервые? Отсюда — недостатки в организации, которые постоянно давали о себе знать, и которые приходилось преодолевать в процессе самой работы. Вовсе незнакомые с пищевыми консервами, дающими огромное преимущество современному полярному путешественнику, они взяли с собой огромное

количество солонины, также по большей части весьма плохого качества, и муки, что и составляло главным образом их питание. Отсюда постоянные болезни и высокий процент смертности от тифа и цынги, развитие которой тогда объясняли „густотой и влажностью воздуха“.

Но чем дальше в лес, тем больше дров. Непредвиденные трудности порождали средства к их преодолению. Становилось ясно, что первоначального контингента людей уже недостаточно, людской состав экспедиции поневоле все увеличивался, но не увеличивалось поступление провианта и снаряжения. Магазины, сооруженные на Майском и Юдомском устьях, по Юдоме, у Горбеи, в Щеках, в Частых островах и на Юдомском Кресте, требовали пополнений, а флотилия, предназначенная для перевозочных работ, из 18 дощаников, плававших по Алдану, Мае и Юдоме, столь же настоятельно нуждалась в ремонте и снабжении канатами.

Все эти пополнения происходили с крайней медленностью и в далеко не достаточном количестве. А между тем для разбухшего штата экспедиции теперь требовалось уже ежегодно провианта не менее 16 тысяч пудов, и, помимо этого, нужно было прокормить команду, работающую на сплаве, численностью около тысячи человек. С отчаянием восклицает Беринг: „И ежели повсегодно отправления провианта не будет, то всемерно, в таких пустых и бесхлебных местах, востребуется великая нужда и страх того, чтобы такого многолюдства не поморить от голоду, и не принуждены бы были, не окончив подлежащих экспедиционных дел, втуне оставить и всех служителей распустить“.

Вопрос доставки продовольствия в эти отдаленные края, вовсе лишенные путей сообщения, являлся наиболее важным вопросом Великой Северной экспедиции и поглощал едва ли не главную долю энергии и внимания как самого Беринга, так и его спутников. Опубликованные недавно впервые в журнале „Красный архив“ подлинные донесения Беринга свидетельствуют об этом с полной очевидностью.

Как и нужно было ожидать, уже на четвертый год своей деятельности Великая Северная экспедиция породила всеобщее недовольство. Негодовали и постоянно жаловались на непосильные тяготы местные жители; команда судов во множестве находилась в бегах; за ложные показания „слова и дела“ людей целыми толпами под конвоем отправляли в Иркутск; сибирские власти строчили доносы и кляузы в Петербург; офицеры и весь начальствующий состав перессорились между собой и были на ножах; наконец, экспедицией Беринга были сильно недовольны в Петербурге и за медлительность и за нарекания на нее. „Козлом отпущения“ всего этого беспорядка сделался, разумеется, сам Беринг. Жалобы и нарекания на него сыпались со всех сторон. Начальник Охотского края — скандалист Писарев написал донос в Петербург, в котором обвинял Беринга и Шпангберга „в лихоимстве и корчемстве табаком и вином“, добавляя, что „от оной Камчатской экспедиции никакого приращения не учинено, да и впредь не надеется быть, кроме великих государственных казенных убытков“, что „та экспедиция напросилась в Сибирь ехать только для наполнения своего кармана“, что „Беринг уже в Якутске великие пожитки получил, и не худо б было жену его, едущую в Москву, по сибирским обычаям осмотреть“.

Находившийся в Якутске в ссылке, бывший капитан-лейтенант флота Казанцев, повидимому, не без влияния Писарева, также нашел нужным сообщать в Петербург, что в экспедиции происходят „великие непорядки“, что все ее отправление происходит крайне медленно, и что вообще из экспедиции „прочного ничего не будет“. Подчиненные офицеры также были недовольны Берингом и все неполадки в экспедиции приписывали лично ему. Доносы сопровождалась кляузами. Офицер экспедиции Плаутинг сообщал в Петербург, что Беринг принимает подарки от якутских жителей, которые откупались таким способом от службы в его экспедиции. К этому вздорному обвинению, которое приводится лишь для того, чтобы показать, насколько ненормальными, исключая-

ющими дисциплину были отношения между начальником и его подчиненными, Плаутинг добавил: дело потому идет так плохо, что начальник проводит время в развлечениях и „веселостях“, хотя радоваться вовсе нечему; пускает фейерверки, разъезжает в больших санях по городу с гостями и музыкантами, привез карету для катаний и т. д.

Академики также присоединились к общему хору недовольных. Они жаловались, что терпят от Беринга обиды, и просили совершенно освободить их из-под его начальства.

В Петербурге было сделано предложение Сенату и Адмиралтейств-коллегии пересмотреть дело о Великой Северной экспедиции и решить: стоит ли ее и впредь продолжать, приняв во внимание ее малые результаты, огромные издержки на нее (тогда уже доходившие до 300 тысяч). Сенат также, посылая неоднократно запросы в коллегию, спрашивал: не пора ли, наконец, остановиться? Казалось, дело экспедиции висело на волоске. Но поразительное по тому времени упорство, с которым коллегия настаивала на необходимости продолжать экспедицию („надобно,— говорили там,— довести дело до конца, иначе все доселе сделанные издержки пойдут на ветер“), — спасло ее.

Коллегия, зная, повидимому, цену тогдашним доносам, всячески оправдывала перед правительством Беринга и просила сместить его врага Писарева. В обращении же лично к Берингу коллегия проявила большую твердость и строгость. Берингу был объявлен строгий выговор за медлительность и нераспорядительность; ему угрожали даже более строгим взысканием и приводили в пример Муравьева и Павлова, которые были разжалованы, как мы видели выше, в солдаты. Кроме того, „за неприсылку в коллегию надлежащих ответов и за нескорое отправление в надлежащий путь“ Беринга лишили добавочного жалования, как находящегося в экспедиции. Совершенно невероятным по бестактности представляется также поручение, данное Чирикову, разбирать жалобы, подаваемые на его начальника Беринга. Этот

штрих дисциплинарного порядка многое объясняет нам во взаимоотношениях, установившихся в Великой Северной экспедиции между начальствующим составом и подчиненными.

Обиженный чувствительно Беринг, скованный по рукам и ногам обстоятельствами, изменить которые было свыше сил человеческих, не зная за собой никакой вины, конечно, как мог, оправдывался и в свою очередь жаловался на сибирских начальников и прежде всего на Писарева. Беринг перечислял преодоленные им препятствия, ярко обрисовал отчаянное положение экспедиции, призывал в свидетели весь экипаж и в заключение с неподдельным сокрушением писал: „По чистой моей совести доношу, что уже, как мне больше того стараться, не знаю!“

Все же отчаянная отповедь Беринга, повидимому, возымела своё действие. Снабжение экспедиции усилилось, и к заявлениям Беринга власти из Петербурга стали относиться с большим вниманием. Адмиралтейств-коллегия командировала в Иркутск двух своих уполномоченных — лейтенантов Толбухина и Ларионова, которым поручалось всячески помогать Берингу в делах снабжения экспедиции. За всякое промедление и неисправность, происходившие по вине якутской и иркутской канцелярий, уполномоченным предоставлялось право „присутствующих держать под караулом неисходно“. На экспедицию дополнительно было ассигновано еще 40 тысяч рублей, „собрано до 50 тысяч пудов провианта в Верхотенских местах; приискано до 20 тысяч аршин полотна (прислано еще Адмиралтейств-коллегиею 6700 аршин); недостававшие припасы, пенька и масло выписаны из отдаленнейших мест — Илимска и Красноярска; число рабочих по перевозке увеличено до тысячи, улучшено содержание и усилен присмотр за ними; построены новые суда, собраны вьючные лошади, предпринята расчистка дороги“ и т. д. И, что самое важное в данный момент, усиленным темпом стали подвозить в Охотск все нужное для постройки кораблей. Беринг несколько воспрянул духом, но, как мы

вскоре увидим, не надолго, — в Охотске его ожидали новые препятствия.

Но вернемся к нашим академикам — Миллеру и Гмелину. Итак, они в Якутске, в самой сутолоке и неразберихе организационных дел предстоящего похода в далекие зарубежные страны.

Надо полагать, что оба ученые, привыкшие к комфорту и особому вниманию, изрядно избаловались; они всюду, выставляя мотивом „пользу науки“, требовали себе всего самого лучшего. Так для поездки на Камчатку, не желая переправиться туда как-нибудь, они требовали „особого поместительного судна“ и послали студента Крашенинникова „наперед себя“ в Охотск и далее на Камчатку для подготовки помещений и предварительных изысканий. Но ни в Охотск, ни на Камчатку они так и не попали. Повидимому, озабоченному многими делами по экспедиции и имевшему, как мы видели, столько неприятностей, Берингу было теперь не до академиков. Особого судна им не дали, да и сами они на время отвлеклись другой работой. Дело в том, что в Якутске случился пожар, и дом, где остановился Гмелин, сгорел дотла, а с ним вместе и все его книги, инструменты, записи, а также и редкости, собранные во время последнего путешествия по Лене. Но энергичные исследователи не упали духом и тотчас же предприняли вторичную поездку по только что пройденному маршруту в обратном направлении; таким образом они пополнили, как могли, тяжелую утрату.

Когда академики вернулись в Якутск, а оттуда переправились в Киренск, они и сами хорошо не знали, что им предпринять дальше. На беду захворал Миллер и больной отправился зимовать в Иркутск, куда весной прибыл Гмелин. Однако без разрешения вернуться до окончания всей экспедиции домой они не могли, а на поданные обоими заявления об отставке никакого ответа не получили. „Уже мало встречая нового, теряя надежду достигнуть Камчатку, не получая никаких других назначений, они скучали и находились в большом затрудне-

нии касательно дальнейших путей. Притом встретились затруднения в продовольствии их жалованьем“.

Из такого положения вещей отнюдь не следует, что молодые ученые ничего не делали. За все дальнейшее время своего пребывания в Сибири, протекавшего уже в несколько иных, не столь комфортабельных условиях, они вплоть до 1743 года (год окончания всей экспедиции) совершили по Сибири еще несколько весьма интересных и богатых результатами поездок. В феврале 1743 года оба академика благополучно вернулись в Петербург, откуда вскоре выехали к себе на родину.

Проделанный Миллером и Гмелином десятилетний „вояж“ в Сибири дал богатейшие научные результаты, возбудившие внимание наших и зарубежных ученых. Ничто не ускользнуло от внимания их. Помимо составленных ими карт и описаний внутренних путей Сибири, а также рек и озер, они набросали планы и виды местностей, замечательных в каком-либо отношении. Они открыли и исследовали многие сибирские древности, остававшиеся до них вовсе незамеченными; они рылись и копались в покоившихся в архиве на полках никем не тревожимых в течение многих десятилетий рукописях и документах, извлекая из них все достойное внимания и делая огромное количество выписок. По словам самого Миллера, они собрали здесь „такие известия, ценность которых, может быть, только в предбудущие времена усмотрена будет“.

Они доставили в Академию собранные ими во множестве образцы и рисунки минералов, руд, растений, птиц и животных. Много времени и труда уделили они и этнографии края, собрав, насколько могли, полные сведения о сибирских народах, их быте и нравах, составили словари их языков, привезли их одежду, утварь, вооружение. Искра, зароненная ими в любознательные умы, со времен посещения ими Сибири, по справедливости можно сказать, уж не угасала. Благодаря путешествиям академиков мы узнали многие чрезвычайно любопытные и характерные факты из истории науки вообще и в особенности из истории развития науки в России.

Помимо Миллера и Гмелина, в Великой Северной экспедиции, как мы уже указывали, участвовали еще — первый наш астроном академик Иосиф Делиль де-ла-Кройер, его брат Людовик, профессор Фишер и адъютант Академии Наук Стеллер.

Путешествие Иосифа Делиля началось поздно, уже к концу экспедиции. Забрав все свои огромные и тяжелые астрономические инструменты, Делиль выступил в конце февраля 1740 года из Петербурга в дальний путь. Его сопровождало 18 человек, в числе их — три его помощника, механик, рисовальщик, переводчик, распорядитель по заготовке лошадей, капрал с 3 солдатами и 4 воспитанника Морской Академии, которых астроном должен был обучать на практике. Миновав, не останавливаясь, Москву, Владимир и Муром, путешественники прибыли в Нижний-Новгород и на следующий же день переплыли через Волгу у Козьмодемьянска, после чего направились через Яранск в Соликамск, куда прибыли 19 марта.

Далее, перевалив через Урал, путешественники оставляют за собой Верхотурье, Туранск, Тюмень и Тобольск, где останавливаются на несколько дней для отдыха и пополнения партии рабочими, доводя ее до 39 человек. На сорок первый день по выезде из Петербурга Делиль достигает, наконец, 9 апреля Березова. Крайне утомленный трудностями пути, академик, наслушавшийся к тому же, что дальше предстоят еще большие затруднения, что вскоре уже нельзя будет и вовсе достать лошадей и придется передвигаться на оленях, не встречая при этом по дороге никакого жилья, потерял всякую охоту и терпение продолжать путешествие дальше.

Прибыв в Березов, он тотчас же приступил к сооружению обсерватории, так как уже близилось время для наблюдения прохождения Меркурия, для чего собственно, как мы видели выше, ученый и отправился в Сибирь. Но наблюдений, к которым Делиль готовился с такой тщательностью, не суждено было ему осуществить: небо почти во все шестинедельное пребывание его в Березове было безнадежно облачно. Делилю оста-

валось только определить широту и долготу места и склонение магнитной стрелки.

Не дождавшись к назначенному сроку Миллера и Фишера, Делиль оставил Березов и отправился вверх по Оби и Иртышу в Тобольск. Плавание это протекало крайне трудно и медленно. За отсутствием ветра, баржу, на которой разместились путешественники, тянули по берегу 35 казаков, местами же баржа шла на веслах. Через 32 дня речного путешествия, 23 июня Делиль прибыл в Тобольск. По пути, в важнейших в географическом отношении пунктах, были приведены астрономические определения. В Тобольске экспедиция пробыла целый месяц, в течение которого Делиль разыскивал в местных архивах географические карты, составлял их списки и снял с некоторых из них копии. Из Тобольска он отправился в Саликамск тем же путем, каким и прибыл оттуда. Но дальше пошли уже иные впечатления.

Из Соликамска Делиль направился по новому пути в Новоусолье на Каме и вскоре достиг обширнейших владений Строганова. Время пребывания у Строгановых (Делиль пробыл здесь целый месяц) было использовано им для ряда наблюдений и прежде всего для астрономического определения места. Отсюда отряд Делиля отправился далее по Каме в сооруженной Строгановым огромной барке, где каждый член экспедиции имел покойную, светлую меблированную каюту. Плавание Камой и Волгой в то время было делом далеко не безопасным, разбойники, промышлявшие грабежами встречных судов, давали знать о себе уже в 200 верстах от поместий Строганова. Для большей безопасности Делиль поднял на своей барке военный флаг и вооружил весь состав своей партии.

Представляет большой интерес для характеристики условий путешествий и разбойных нравов того времени следующее место из письма Делиля к жене, написанное им перед отправлением в поход: „Мы приказали сделать в Новоусольи большой белый флаг с голубым андреевским крестом для того, чтобы распустить его над нашим

судном, как состоящим на службе ее величества; нам казалось это нелишним, чтобы устрашить разбойников, которых, как нам говорят, мы можем встретить на Волге, и которые не упускают случая грабить купеческие суда, плавающие по этой реке. Они подплывают на небольших лодках, чтобы застать врасплох, и кричат издали: „Сарынь на кичку“. По этому знаку все находящиеся на судне должны лечь и не шевелиться. В противном случае разбойники убивают людей дубинами и огнестрельным оружием. Русские купцы, не имея обыкновенно никаких средств к защите, прежде повиновались этому требованию разбойников. Но император Петр I повелел, под опасением кнута, защищаться против разбойников. Мы напомним, в случае надобности, это повеление нашим гребцам... Михайло, Кенигсфельд и Григорьев будут каждый по очереди, с одним солдатом, на-страже по ночам, для большей безопасности на случай внезапного нападения, и тогда разбойникам придется плохо, если они вздумают напасть на нас, потому что мы имеем достаточно пороха и пуль. Михайло, Кенигсфельд, Матис и Шарль, не считая трех солдат, имеют каждый по 30 или 40 приготовленных зарядов. Они уверены, что если бы даже разбойники были в числе 100 человек (хотя обыкновенно они бывают по 15 или 20 человек вместе), то и тогда они не дадут им взлезть на наше судно, которое имеет весьма высокий борт; сначала русские гребцы наши могут защищать судно от их приступа своими крючками, или длинными палками с острыми наконечниками; в это время солдаты наши могут защищаться штыками, которые находятся на их ружьях; и, наконец, кроме этого, они будут подвержены беспрестанному огню наших огнестрельных оружия. Что же касается собственно до меня, то, раздумав хорошенько, я считаю благоразумнейшим отказаться от любопытства видеть это сражение слишком близко и оставаться запертым в своей каюте до тех пор, пока не заставит меня отворить ее какой-нибудь разбойник, которому захотелось бы, чтобы ему разможил череп академик“.

Это письмо „храброго“ академика вряд ли успокоило его жену, сам же он и его товарищи несомненно во все время путешествия по Каме и Волге находились в очень напряженном состоянии. Однако все окончилось благополучно, и 30 августа они прибыли в Казань. По дороге Делиль иногда высаживался и производил наблюдения. Опасность нападения в пути, видимо, в то время была столь велика, что Делиль по возвращении в Москву представил даже проект устройства канала для обхода опасного места по Каме во избежание встречи с разбойниками.

Во время плавания по Каме Делиль производил наблюдения в Сарапуле, в Усть-Икском селе и в Свиногоре. Кроме этого, он предпринял по дороге экскурсию для обследования местности, где предполагалось по проекту Строганова прорыть канал для обхода опасного места по Каме. В Казани путешественник, помимо наблюдений общего характера, также занялся в губернском архиве разыскиванием различных карт. Отсюда Делиль в октябре направился в Нижний-Новгород, где занимался астрономическими наблюдениями и разысканием карт. 29 декабря 1740 года, после десятимесячного отсутствия Делиль со всеми своими спутниками прибыл в Петербург.

Брат Иосифа Делиля, как его именовали, Лакройер, принял участие в экспедиции с самого начала; исколесив Сибирь по разным направлениям, побывав во всех ее центрах и не принеся сколько-нибудь существенной пользы науке, во вторую половину экспедиции он в конце августа 1739 года отправился вниз по Лене и через месяц прибыл в Сиктах. Отсюда в декабре он выехал к устью Оленека и производил там, в течение около трех месяцев, астрономические и геодезические наблюдения, результаты которых, повидимому, были также сомнительны. С Оленека Лакройер возвратился в Сиктах, на реку Вилуй и затем обратно в Якутск, куда и прибыл в ноябре того же года. В Охотск, вместе с Берингом, чтобы принять участие в путешествии в Америку, он отправился летом 1740 года. Возвратившись из тяжелого путешествия в Охотск, он здесь же и скончался.

Уже под конец экспедиции в 1740 году Академия Наук командировала в Сибирь для участия в Великой Северной экспедиции еще двух ученых немцев, о которых мы упоминали выше, — профессора истории и этнографии Иоганна Эбергардта Фишера и Георга Вильгельма Стеллера; первому было 30 лет, а второму — 33 года.

И по способностям и по трудолюбию Фишер много уступал своему знаменитому соратнику Миллеру. Фишер больше собирал материал, чем строил на основании его заключения и делал выводы. Одухотворить этот материал было делом уже Миллера. „Историко-этнографическим трудам, совершенным в эту экспедицию Миллером и Фишером при помощи других сотрудников, — говорит Карл Бер, — обязаны мы всем, что нам известно о прежних отношениях сибирских народов, о прежних путешествиях русских на восток от Новой Земли, о завоевании и колонизации Сибири. Если бы тогда не было собрано выписок из всех сибирских архивов, эти сведения, вероятно, погибли бы для нас навсегда“.

Стеллер же посмертную громкую известность приобрел благодаря своему путешествию с Берингом в Америку и последующему пребыванию на острове Беринга. Ниже мы подробно ознакомимся с ним как натуралистом.

Сам Беринг так доносил о нем: „...ныне обретается здесь (т.-е. в Якутске. Б. О.) присланный из Санкт-Петербурга адъютант истории натуральной Штеллер, который писменно объявил, что он в сыскании и в пробовании металов и минералов надлежащее искусство имеет, чего ради капитан-командор со экспедицкими офицерами определили его, Штеллера, взять с собою в вояж, к тому же он, Штеллер, объявил же, что в том вояже сверх того чинить будет по своей должности разные наблюдения, касающиеся до истории натуральной и народов и до состояния земли и протчаго, и ежели какие руды и найдутца, то оным адъютантом Штеллером опробованы будут“.*

* Из подлинных донесений Беринга, обнаруженных в июле 1935 года и напечатанных в „Красном Архиве“, тт. 21 — 23 за 1935 г.

ПУТЕШЕСТВИЕ ШПАНГБЕРГА И ВАЛЬТОНА В ЯПОНИЮ

Загадочная страна.— Неудачная попытка европейцев проникнуть в Японию.— „Золотая легенда“.— Экспедиция де-Фриза.— Мотивы для посылки в Японию русской экспедиции.— Первое плавание Шпанберга и Вальтона в Японию.— Второе путешествие в Японию.— Шпанберг о японцах и их судах.— Встреча с айносами.— Новые планы Шпанберга.— Возвращение.— Плавание корабля Вальтона.— Свидание Шпанберга с Бериком в Охотске.— Зловредная карта.— Шпанберг получает распоряжение в третий раз отправиться в Японию.— Подготовка к походу.— Неудачное плавание

Загадочная, малоизученная Япония рисовалась баснословно богатой и издавна привлекала внимание и возбуждала величайшее любопытство.

Попытки европейцев проникнуть в эту отдаленную страну неизменно терпели полную неудачу. В давние времена правители Японии старались совершенно изолировать своих подданных от соприкосновения с другими народами, опасаясь, чтобы знакомство их с нравами и обычаями иностранцев не подорвало основ существующего в стране порядка. Для этой цели предусмотрительно был принят ряд мероприятий. Так, в начале XVII столетия запрещено выезжать гражданам Японии в другие страны, запрещена постройка более или менее крупных кораблей и, наконец, изгнаны из страны все иностранцы.

В 1638 году, под угрозой мучительной смертной казни, был запрещен въезд в Японию португальским морякам, принесшим в Европу первые сведения о японцах и их стране. Одновременно все португальцы были высланы из страны. Так закончилось первое знакомство европейцев с японцами.

Исключение было сделано лишь для голландцев, и то после многих их усилий, хитростей и долгих переговоров. Они остались единственными представителями цивилизованного мира и единственными купцами, в чьих руках сосредоточилась вся вывозная торговля японцев. Однако голландцы добились для себя права торговли на самых унижительных началах. Во-первых, им не разрешалось покидать отведенного им небольшого островка Десима близ Нагасаки, где они имели факторию и жили не лучше пленников. Затем пришедшие из Голландии корабли с товарами сдавались японским властям, все священные книги офицеров и матросов отбирались и лишь по отходе корабля возвращались, и, наконец, за всей процедурой по разгрузке и нагрузке корабля, выполнявшихся японцами, разрешалось наблюдать лишь одному голландскому представителю.

Такой порядок, без всяких послаблений продолжавшийся годы и десятилетия, разумеется, сильно не нравился голландцам. В поисках выхода, в поисках открытых дверей в замкнутую, но богатую страну Голландия принимала разные меры и прежде всего всячески старалась склонить и заинтересовать Америку и Россию для совместного давления на японское правительство. Слухи же о естественных богатствах заморской страны все более и более волновали всех предприимчивых моряков. Падкое до всяких небылиц человеческое воображение снова воскресило легенду о мифических островах золота и серебра. Детище глубокой древности, эта фантазия, еще со времен похода Александра Македонского в Индию, выплывала при случае от времени до времени, тревожа горячие головы и постоянно меняя место, форму и размеры в зависимости от эпохи, в которую занимались этими чудесными вымыслами.

Не имея возможности выходить за пределы нашей темы, мы не станем излагать, к каким следствиям повела на протяжении веков эта „золотая легенда“, скажем лишь, что погоня за „золотым руном“ представляет собой одну из замечательнейших страниц в истории гео-

графических исследований и открытий. Крайне любопытно отметить, что легенда иногда понималась буквально, т.е. были убеждены, что не только есть золотиносные земли и острова, но что есть острова, целиком состоящие из золота.

С полной верой в успех, не раз снаряжались экспедиции в поиски золотых островов. Существование одной из таких земель к западу от острова Суматры даже в новое время для многих представлялось фактом неоспоримым. Софус Руж в своей „Истории эпохи открытий“ приводит любопытное письмо, адресованное саксонскому курфюрсту Августу (1553—1586), из которого видно, что даже в такой чуждой мореплаванню стране, как Саксония, интересовались золотыми островами: „На этих днях из Испании пришли достоверные известия,— пишет курфюрсту неведомый корреспондент,— о том, что король нашел новый остров Сериеф, на котором нет ничего, кроме чистого золота“. Далее сообщается, как король велел перебить всех жителей на острове, ибо иначе не было никакой возможности заполучить золотой остров и т. д. Письмо это, нагоминающее нам отрывок из приключений барона Мюнхгаузена, представляет тем не менее достоверный исторический факт.

Последним прибежищем золотой легенды в новое время сделалась Япония. Предполагали, что здесь под 37° 30' северной широты расположены золотые и серебряные острова. Инициаторами этих слухов явились, конечно, португальцы. Когда они были с позором изгнаны из Японии, оставшиеся там голландцы получили от них в наследство и эти „сказочные страны“. Они также узнали от них, что некий португальский путешественник Жуан де-Гама открыл на северо-восток от Японии уже известную нам из предыдущего изложения сереброносную Компанейскую землю. Не забота ли об этих островах заставляла голландцев так упорно цепляться за Японию, идя при этом на всякие унижения?

Экспедиция, снаряженная в 1639 году к берегам Японии для отыскания золотых земель под начальством

Коста и Тасмана, не принесла никаких результатов, так как не дошла до берегов Японии. Затем отправился туда же в 1643 году известный в ту пору голландский мореплаватель Маартен Геритц де Фриз. Если бы де Фризу поручалось только разыскание золотых островов, наука немного выиграла бы от этого плавания. К счастью, он имел и другие, более реального характера задания. Ему надлежало исследовать берега лежащей на север от Японии страны Иессо, область Татарии и некоторые гавани Китая. И вот эти-то дополнительные поручения и сделали экспедицию де Фриза крайне ценной для расширения сведений о Японии. Путешественник обогатил науку открытием большей части северного японского архипелага, впервые столкнулся с древнейшими обитателями Японии — айнами, затем посетил Охотское море и открыл Сахалин, не приметив впрочем его островного характера: он полагал, что Сахалин является продолжением Иессо. Несмотря на самые тщательные поиски на восток от Японии, куда он прошел (Тихий океан) на 460 миль, золотых и серебряных островов он нигде не обнаружил. Легенда казалась погребенной навеки.

Но велика сила предрассудка, и в старое время живучесть его не так и удивительна. На время золотые и серебряные острова были забыты, но вот в начале XVIII столетия о них снова начинают толковать, успехи мореплавания, казалось, делают возможным повторить путешествие в эти малодоступные отдаленные воды восточного моря. Как мы видели выше, заинтересовывается Компанейской землей с ее серебристым песком и Петр I, его любопытство еще более подогревается сообщением Козыревского, видевшего, как японцы с одного из необитаемых Курильских островов таинственно вывозят какой-то минерал.

В более или менее широких кругах Петербурга Японией особенно интересовались после того, как были доставлены в столицу двое из пленных японцев, захваченных с принесенного бурей к берегам Камчатки японского рыбацкого судна. Большинство рыбаков с потерпевшего

аварию корабля наши „добры молодцы“ перебили, а двоих для забавы решили отправить в Петербург „обучать русского языка, и их язык списывать, дабы с их народом к будущему обхождению через то удобность иметь“. Оказавшиеся очень способными, быстро овладевшие русским языком, японцы рассказали много интересных вещей о своей стране. А тут еще несколько крупных петербургских торговых людей подали в сенат заявление с ходатайством о разрешении им наладить торговые связи с отдаленной заморской страной.

Все это вместе взятое и послужило поводом для организации путешествия в Японию, включенного в комплекс работ Великой Северной экспедиции. Официальной целью экспедиции выступала попытка завести торговые сношения с тихоокеанскими соседями. Но выше мы видели, что задания и интересы русского правительства были значительно более широкими и в большинстве не подлежали оглашению.

Плавание лейтенантов Шпангберга и Вальтона вдоль цепи Курильских островов к берегам Японии оказалось значительно более продолжительным и сложным, чем это предполагалось вначале. После бесконечных сборов, осложняемых непрерывными ссорами лиц начальствующего состава, 18 июня 1738 года эскадра из трех кораблей под общим командованием капитана Шпангберга, наконец, отправилась в путь из устья реки Охоты. В состав эскадры входили: бригантина* „Архангел Михаил“ под командой самого Шпангберга; в числе экипажа находились также штурман Петров, пробирных дел мастер Гардеболь, лекарь, иеромонах и пр., всего 63 человека. Затем шла дубельшлюпка „Надежда“ с лейтенантом Вальтоном и штурманом Казимеровым и, наконец, бот „Св. Гавриил“ под начальством мичмана Шельтинга и его по-

* Бригантина — двухмачтовое старинного типа небольшое судно с легкой артиллерией, расположенной на верхней палубе; в случае надобности могла ходить и под веслами. В России вошла в мореходную практику при Петре I.

мощника подштурмана Вережагина; на обоих последних судах было по 44 человека команды.

Появление на горизонте японских берегов ожидалось всеми участниками экспедиции с огромным все возраставшим нетерпением. От Японии ожидали многого, но прежде всего новых открытий. За долгие годы подготовки к этой трудной экспедиции воображение и доходившие о дальней стране слухи приучили рисовать эту землю баснословно богатой, изобильной ценными металлами и прочими дарами природы. Внимание и любознательность были возбуждены до чрезвычайности. Сама страна казалась почему-то интереснее всего виденного до сих пор. Словом Япония была для наших путешественников вполне „обетованной землею“.

Лишь несколько наиболее близких к Камчатке Курильских островов были тогда достоверно известны, а далее тянулась загадочная Япония, мифическая земля Компании, огромный остров Штатов и пр. Но никто окончательно, как казалось нашим морякам, не подтвердил реального существования снова выплывших земель, так как давно уже никто не посещал этих мест. Сенат приказал: „Идти на морских судах для проведывания новых земель, лежащих между Америкою и Камчаткою, а также островов, идущих от Камчатского Носа и Японии, для установления торгов, наложения ясака на народы, никому не подвластные; только того накрепко остерегаться, чтобы не зайти в такие американские и азиатские места, которые уже находятся под влиянием европейских государей или китайского богдыхана и японского хана, чтоб не возбудить подозрения и не открыть своим приездом пути к камчатским берегам, у которых при нынешнем тамошнем малолюдстве они могут занять нужные пристани“.*

Вот еще обнаруженный нами ценный факт для суждения о мотивах засекречения всей Великой экспедиции

* См. С. М. Соловьев — История России с древнейших времен. Изд. тов. „Общественная польза“. СПб. Книга IV (томы XVI—XX), стр. 1554, а также Полн. сборн. зак., № 6042.

в целом. С одной стороны — экономика, ожидание открытий ценных благородных металлов — золота и серебра, для чего в экспедицию предусмотрительно был взят даже пробирных дел мастер Гардеболь; с другой же стороны вполне несомненен политический момент — тщательная забота об охране берегов Восточного океана: „Чтоб не возбудить подозрения и не открыть своим приездом пути к камчатским берегам“.

Едва путешественники наши вышли в море, как грянул шторм, разбросавший корабли и разлучивший их на время. В разных числах июля поодиночке подходили они к Большеречному устью на Камчатке, откуда и должно было по-настоящему начаться путешествие. Здесь взяли еще несколько участников экспедиции, в том числе подштурмана Родичева, геодезиста Свистунова и переводчиков, а также полностью догрузили провиант. Море тем временем успокоилось, наступили тихие, но туманные дни. 15 июля, взяв направление на Курильские острова, вышли в море. Но корабли упорно не хотели держаться один другого, и уже не по стихийным причинам: в душах подчиненных Шпангбергу моряков бушевала стихия иного рода, — стихия ненависти к своему не в меру заносчивому и грубому начальнику. Ненавидевший Шпангберга самолюбивый англичанин Вальтон, чтобы отстать от флагмана и тем ускользнуть хотя на время от его грозных взоров, прибегал к всевозможным уловкам. Дело под конец дошло до того, что Шпангберг прибегнул к неслыханному в истории мореплавания приему: он отдал приказание команде Вальтона не слушаться своего начальника, если тот попытается еще раз сделать попытку удрать. Вот какие нравы, настроения и взаимоотношения царили в Великой Северной экспедиции. Изжить их, повидимому, не было никакой возможности до самого конца экспедиции. Несомненно, что пышно расцветшее среди моряков зло взаимного антагонизма, бесконечные ссоры начальников с подчиненными и между собой принесли экспедиции огромный вред, были причиной многих неудач и страшно ее затянули.

24 июля Шпанберг уже плыл вдоль цепи Курильских островов. Подойти к островам и посмотреть их он не рискнул по той, согласно его словам, причине, что „берега каменные, утесы весьма крутые, и в море великая быстрина, и колебание жестокое на якорь стоять, грунтов не имеется и очень глубоко...“ Зато, старательно считая острова и насчитав больше, чем их было, он присвоивал им довольно неблагозвучные наименования вроде: Афиноген, Кривой, Столбовой, Осыпной, Баран, Козел и т. д.

На этом первое путешествие Шпангберга в Японию, которой он не увидел, закончилось. Шпангберг торопился в Большерецк потому, — говорил он, — что время уже наступило почти осеннее (начало августа), ночи темные и долгие, непрерывные густые туманы и погоды жестокие, а море неизвестное, отстойных мест не находится, течения же между островов сильные и неправильные; причем оказывался недостаток в провизии, особенно в сухарях, с самого выхода из Большерецка выдававшихся „со уменьшением“, и в воде. Ко всему этому еще прибавилась боязнь нападения со стороны чужестранных, вернее — японских судов на плывшие все время порознь корабли.

В середине августа Шпангберг был уже в Большерецке. В этот свой первый японский поход, носивший характер разведки, Шпангберг все же прошел мимо всей цепи Курильских островов до 46° северной широты, т. е. до предполагаемой страны Иессо, и открыл среди них целый ряд новых. Вальтон спустился еще ниже и достиг параллели самой Японии (42° 2').

Учитывая, что в одно лето поход в Японию вряд ли сможет быть осуществлен, инструкция не требовала от Шпангберга дополнительного испрашивания разрешений на восточный поход, а потому, оставшись на зимовку в Большерецке, Шпангберг стал деятельно готовиться к новому плаванию. Прежде всего было решено соорудить здесь же в Большерецке еще один корабль для предстоящего похода. На законченный к весне 18-весель-

ный шлюп „Большерецк“ командиром был назначен лю-
бимец Шпангберга — квартирмейстер Эрт.

Итак, на следующий год к выходу в море была готова эскадра из четырех кораблей; командирами на остальных судах были те же моряки, что и в предыдущем году. 21 мая 1749 года корабли вышли в море. Первой задачей Шпангберга в этот рейс было — посетить и исследовать „открытую“ Жуаном де-Гама Компанейскую землю. Миновав, нигде не задерживаясь, Курильские острова, вступили на параллель, где должна была начинаться эта земля. Но, конечно, никаких признаков ее обнаружено не было. Отсюда направились на юго-запад, прямо к берегу Японии.

16 июля, пройдя широту в 39°, на рассвете утром увидели впереди какую-то туманность. Без сомнения, это была Япония. Вахтенный начальник тотчас послал сообщить об этом Шпангбергу, отдыхавшему в каюте. Шпангберг, а за ним и все прочие выскочили, в чем были, из кают наверх. Жадно впивались моряки в горизонт, где постепенно вырастал из моря большой гористый остров Ниппон. Не было человека на корабле, который не вздохнул бы в эту минуту с облегчением: предмет стольких забот, надежд и приготовлений был перед глазами, путешествие на этот раз казалось удавшимся, и в самом деле оно было таковым. Все поздравляли друг друга; корабль с засвежившим ветром под всеми парусами подходил к таинственным берегам неведомой страны.

А у берегов „на воде встречали плавающими не виданные дотоле деревья и травы и чудных животных — рыбы огромной величины и странной формы, черепах в сорокаведерную бочку и пр., видели и уродливые японские суда наподобие галер, с полосатыми и красными парусами“.

Все ближе и ближе, уже глаз различает роскошную сочную растительность, почти сплошь покрывающую берега. Смуглые купы бамбука красиво темнеют среди сверкающих рисовых полей, мечущих в солнечном воздухе брызги искр. Среди корявых темных сосен, среди

черных кипарисов и туй вдруг неожиданно выплывают крыши микроскопических домиков,— то японские селения; с корабля замечают, что из селения бегут во множестве люди и скопляются на берегу. Сомнений нет: русский корабль привлек их внимание.

Надо полагать, что жители немало было встревожены прибытием непрошенных гостей, недаром они во все время пребывания в их водах русских судов жгли по ночам огни и содержали в полной боевой готовности военные суда, которые, однако, не осмеливались приближаться к русским кораблям, да и повода впрочем не было к этому никакого.

Но вот, приблизительно в версте от берега, Шпангберг приказывает отдать якорь: долго слышится лязг цепи, пока якорь достигает грунта. Ледяная кора взаимного недоверия тает. Сначала робко, но потом во все большем количестве японские лодки окружают корабль Шпангберга. Японцы обнаруживают вдруг самое дружеское расположение к русским, приветливо улыбаются, стараются угодить, чем могут, привозят фрукты, чудеснейшие мандарины, пшено, табак, разные овощи и ткани. Обменивают их на русские товары и просто дарят. Корабль посещают именитые особы, один из важных чиновников привозит и дарит командиру сосуд с вином. Японцы оказались настолько услужливыми и так усердно помогали нашим морякам запастись свежей водой, что последние почти совершенно избавили себя от этого труда и на досуге совершали экскурсии в окрестности, изучая страну, жителей и любуясь очаровательными пейзажами.

Результаты своих наблюдений над японцами Шпангберг в своем донесении впоследствии излагал так: „Онные японцы росту среднего и малого, платье у них много схоже с татарским; ходят босые, штанов и портов никаких не имеют; с полуголовы по лбу волосы стрижены и подклеены клеем, назади завязываются кустиком, который торчит кверху; шляпы у них великие, травяные, плоские; носят те шляпы, подвязав себе под бороду; а у которых шляп нет, те головы повязывают платками;

вместо епанеч имеют вощанки, сделанные из бумаги. А телом оные японцы некоторые избела, а более смуглых; глаза малые, волосы черные, бороду бреют. Приезжали они, японцы, на лодках остроносых, а кормы тупые, и сверху доски спущены фута на четыре, островаты, длиною около четырех сажень, а носы у тех лодок обиты у многих медью зеленою. Да и большие у них лодки строены так же, как и малые; а рули у тех лодок имеются по два, весла кривые; гребут стоя, наискось, положив весло на уключины, а рукоятки привязывают веревками; а шиты оные лодки медью; а дреги у них четырехрогие, железные; а те лодки с палубами и приделаны на них ящики для воды, а на палубе складены печи, в которых у них имеются котлы для варения каш. И ночуют на море...“ Как моряка, Шпангберга естественно всего более заинтересовали японские суда, почему он и дал такое подробное описание японских лодок.

На корабле оказались большие любители рыбной ловли. С разрешения Шпангберга, они снарядили небольшую рыболовную экскурсию. Вот как описывает Шпангберг результат этой охоты на крупных камбаловых: „Послали мы с своего судна шлюпку, на ней служителей трех да толмача одного для промысла рыбой, которую оный толмач, по курильскому обыкновению, и заколол; и буксировали и, прибуксировав, подняли ее на судно на сей-талях и, как подняли, и тогда она была жива, а какая званием она рыба, того описать за неведением не можно; только великая и плоская, глаз крулый, близ головы два больших ластов по верхнюю и нижнюю стороны, с круглыми выемками; а весом она рыба более 9 пудов; телом она рыба белая, кожа на ней толстая, шадровитая и шиповатая...“

Однако, как ни были любезны и услужливы японцы, Шпангберг, повидимому, имея в виду какие-то пункты секретной инструкции, не особенно доверял японцам и даже встревожился, когда, выйдя как-то на палубу, насчитал около своего корабля до 80 японских лодок, на каждой из которых находилось от 10 до 12 человек.

Лодки все прибывали и прибывали; странным показалось также прибытие какого-то военного, он что-то шептал своим собратьям и делал им какие-то знаки, повидимому запрещая дальнейшее сближение с русскими. Учтя все это, Шпангберг поспешил удалиться и в тот же день снялся с якоря, взяв направление на северо-восток.

Достигнув 3 июля 44° 30', моряки наткнулись на множество больших и малых островов, похожих издали на букеты зелени, брошенной в синеву моря. Острова эти, принадлежащие к цепи Курильской группы и покрытые богатейшей растительностью, получили наименования: Фигурный, Трех-сестер, Цитронный (по обилию встреченных здесь померанцевых деревьев) и т. д. На острове Фигурном обнаружили хорошую гавань, где и запаслись водой. Людей не встретили, хотя остров имел несомненные признаки присутствия здесь человека. Далее прошли еще мимо ряда островов, один из которых называли Зеленым, высаживались на них, осматривали и через переводчиков расспрашивали жителей.*

Прожаживаясь по берегу одного из островов, повидимому, Зеленого, путешественники наткнулись на группу людей необычайного, звероподобного вида. С сильно развитой мускулатурой, обильно заросшие волосами, косматые, с длинными черными бородами, сопровождаемые огромными, страшными собаками, они казались выходцами из доисторической эпохи, настоящими пещерными троглодитами.

Наши путешественники не знали, что эти на вид полулюди-полузвери, живущие в убогом, покрытом камышами, шалаше, — представители гиперборейской вымирающей расы, так называемые айны или айносы. Шпангберг так описывает обитателей южных Курильских островов: „Жители на них сходны по персонам курильским народам; носят долгое платье, портков и штанов

* Острова, посещенные в этот обратный поход Шпангбергом, были: северная часть большого японского острова Иессо (Маппай), и из Курильской группы — Кунашир, Шикотан и юговосточная сторона острова Итурупа.

не имеют, ходят босые, на платье* у них нашиты лоскутки камчатные разных цветов; по ногам у них и по всему телу шерсть; бороды у них великие, продолговатые, черные, а которые престарелые— у тех с сединою как бороды, так и волосы на теле; у некоторых имеются в ушах кольца серебряные. Лодки у них так же, как у наших курильских мужиков, байдары; и язык у оных жителей походит на курильский“.

Шпангберг, однако, убедившись, что благоразумие и честность составляют отличительную черту характера айнов, свел с ними более короткое знакомство и дарил им подарки; принимая их, айны „обе свои руки, сжав, приносили ко лбу и так кланялись; також становились они на колени перед петухом; увидя его, поднимали руки кверху“. Повидимому, петухи играли у них роль божества.

Как обстановка, так и характер не находившихся ни в чьем подчинении, а потому независимых айнов вполне, повидимому, располагали к приведению их в русское подданство. Но ограничиться несколькими ближайшими к северным берегам Японии островами Шпангберг не хотел, ему представлялось более целесообразным привести в подданство сразу всех жителей „от 43° и до 46°, а от 46°— до последнего острова...“ Задача эта казалась ему вполне осуществимой; „без всякого опасения,— писал он,— можно привести (в подданство) в самой скорости, ежели нам от посторонних людей или от команды какого препятствия не будет, как от них в нынешнем вояже не малая ныне учинилась остановка“. Последние слова снова свидетельствуют о позорном падении дисциплины в эскадре Шпангберга: корабли и в этот рейс под разными предлогами разлучились один от другого, вели самостоятельную работу и поодиночке приставали к берегам Японии. С кораблем флагмана находилась лишь дубельшлюпка. Шпангберг справедливо считал, что осуществление такого дела, как приведение в под-

* Одежду айнов, одинаковую у обоих полов, составляли рогожи и меха...

данство целой народности, разбросанной по многочисленным островам, должно быть произведено с помощью всех находящихся в его эскадре кораблей. К тому же должно быть испрошено разрешение свыше. Выполнить это дело Шпангберг собирался в третью свою японскую экспедицию на следующий год.

Итак, и в эту экспедицию, более удачную, чем предыдущая, моряки, снова перессорившись между собой, действовали без должного единодушия. Начальники перессорились не только друг с другом, но и со своими штурманами. Шпангберг поносил штурмана Петрова как горького, пьющего запоем пьяницу, а тот в свою очередь доказывал, что начальник принуждал его исправлять и переделывать судовой журнал, площадным образом ругал его „по-немецки и русски“ и хотел повесить на рее. Вальтон обвинял Казимерова в непослушании и лени, а тот его — в избиении и т. д. Посмотрим, чем закончилась вторая японская экспедиция.

На обратном пути Шпангберга преследовали противные ветры, туманы, дожди и беспрестанные частые мели. Туманы были настолько сильны, что моряки, случалось, находились от земли саженьях в четырех, „а земли не видали, подходили к земле нечаянно, где не без великого страха были, и для того имели великий труд и суету мореплавания, и терпели не малую мокроту, и от того многие в команде моей захворали, к тому ж между островами в узком месте, и того ради назвали то место губа Претерпения“, — так повествует Шпангберг о своем обратном плавании. В результате, когда 24 июля подошли к острову Иессо, на корабле было уже двадцать человек больных, „да и на всех служителях была тягость великая“.

Дубельшлюпка также не отставала, и здесь было не мало больных, а остальные „насилу волочатся“. Похоронив в морских волнах 13 человек, в том числе лекаря, Шпангберг 14 августа прибыл в Большерецк, а отсюда, не дожидаясь разбежавшихся своих спутников, отправился в Охотск, куда и прибыл 29 августа.

Путешествие Вальтона в общем сходно с плаванием Шпангберга, а потому мы долго останавливаться на нем не будем. Он также побывал на Ниппоне, откуда вынес не мало ярких впечатлений. „На сей земле,—замечает он в своем путевом журнале,—много золота и жемчуга, и винограду, и сарачинского пшена; но всего по краткости времени осмотреть было не можно“. Плывя мимо японских берегов в направлении к юго-западу, он сделал несколько остановок. На него особенное впечатление производят покрытые богатейшей яркозеленой растительностью берега, виноградники, лепящиеся по склонам гор, распространяющие одуряющее благоухание мандариновые рощи, каштановые деревья, а вокруг них обширные селения с жителями учтивыми и ласковыми, но всегда осторожными. Вальтон спустился еще ниже Шпангберга и достиг $33^{\circ}28'$ широты. Остановившись здесь у одного из островов, моряки высадились на берег, где нашли жемчужные раковины и ветви каких-то невиданных деревьев. В Охотск добрались вполне благополучно.

Далеко не столь благополучно протекало плавание третьего корабля экспедиции — шлюпа „Надежды“, которым командовал мичман Шельтинг. Закончив обследование японских берегов, он последним спешил в Охотск. На борту корабля было множество больных, несколько человек уже умерло. Тихая погода, сопутствовавшая плаваньям Шпангберга и Вальтона, сменилась теперь полосой штормов, всю тяжесть которых в этот поход и суждено было испытать „Надежде“ и, что всего досаднее было для моряков, всякий раз вблизи от дома. Уже совсем близко находились от Большерецка, как вдруг, вследствие налетевшего неистовой силы шторма, потерявший способность управления корабль едва не очутился на мели. С тяжелыми повреждениями все же вошли в реку. Залечив раны, через несколько дней двинулись в центральную базу флотилии — Охотск. 18 сентября были уже совсем близко от него, как вдруг — новый шторм с дождем и снегом. „На якорь, за худостью каната, не реша-

лись стать и потому, оставаясь в дрейфе, были волнами многократно накрываемы". Шторм унес моряков на целый градус к югу. При все еще противном ветре опять стали подниматься на север. Корабль имел весьма потрепанный вид: снасти по большей части перебиты, паруса изодраны, из людей почти никого здоровых. Погода упорно издевалась над несчастными моряками. Вторично подходили к Охотску, и вторично жестокий противный шторм с дождем и снегом гнал измученных моряков обратно. „Спасая живот“, опять легли в дрейф, „и от того момента — широта $58^{\circ} 18'$ — счисление прекратилось, потому что не только лаг бросить, но едва можно было на палубе стоять, потому что сильными волнами многократно судно покрывало“.

Подошедшим валом огромной величины судно едва не было опрокинуто; люковины оказались разломанными, вода стала заливать трюм. Привязанные канатами к бортам и мачтам, — чтобы не вынесло за борт, — не покладая рук работали промоченные до нитки моряки, заделывая повреждения и вычерпывая ведрами воду из трюма. 1 октября снова приблизились к Охотску, и снова та же картина, а между тем провизии и воды становилось на корабле все меньше. Неизвестно, чем закончился бы поход „Надежды“ в Охотск, если бы команда не обратилась к командиру с просьбой оставить эти попытки и идти на зимовку в Большерецк на Камчатку. Шельтинг согласился. В Большерецк пришли 7 октября, еще до наступления заморозков.

Так или иначе, японский поход был выполнен и с результатами не плохими: были открыты, осмотрены и описаны Курильские острова, а также северные части Японии. Весь этот район земного шара получал теперь совершенно иной вид, ничего общего не имевший с теми обозначениями на картах, которые считались в ту пору правильными. Проблематические земли, все эти Компанейские острова, Штаты и пр., красовавшиеся до той поры на картах и прочно запечатлевшиеся во многих умах, должны были навсегда исчезнуть.

Но вот пред нами еще одна поучительная и вместе печальная страница из истории развития науки. Рутинность, косность, интрига, злоба сделали то, что Шпангбергу еще долго не верили и отнесли к его донесениям вначале с полнейшим невниманием.

Вернемся к нашему путешественнику. Прибыв в Охотск, Шпангберг еще застал там Беринга, оставшегося очень довольным результатами японского похода. Задача похода была безусловно выполнена. Шпангберг заслужил и ожидал для себя больших наград. Но он полагал, что успех всего предприятия станет еще более значительным, если он приведет в русское подданство обитателей Курильских островов, о чем было рассказано выше. С этой целью Шпангберг просил Беринга разрешить ему на следующий год совершить еще один поход. Не учтя предложения Шпангберга и исходя из чисто формальных соображений (по программе на японский поход полагалось лишь два лета, каковые и были уже использованы), Беринг не решился самолично продлить срок экспедиции, а потому направил своего коллегу в Петербург для самостоятельных действий. Донесения же его немедленно отправил в Петербург через Якутск, где Шпангберг должен был провести зиму. Шпангберг выехал в дальний путь, не подозревая, что против него уже вьется клубок интриг.

Лишь только японская экспедиция закончилась, тайные и явные враги Шпангберга воспрянули духом и принялись строчить в Петербург кляузы. Штурманский офицер Петров, тот самый, которого Шпангберг грозил повесить на рее, объявил на своего начальника страшные „слово и дело“. Другой его недруг, готовый при первой возможности перегрызть ему горло, уже известный нам беспокойный Писарев, „боясь бога“, но тем не менее исходя из ложных предпосылок и в дальнейшем не без логической последовательности развивая их, — горячо доказывал, что все путешествие Шпангберга обман, что он не был в Японии вовсе, а лишь прошелся у берегов Кореи.

Свое утверждение Писарев обосновывал прежде всего на некоторых подробностях плавания, главным образом на румбах направлений, которые он разузнал у Вальтона; во-вторых, у него под руками находилась единственная карта Японии Штраленберга, где страна была обозначена прямо на юг от Камчатки. Происхождение этой карты было таково: сделав кое-как поверхностные наблюдения во время своего путешествия с Массершмидтом в Сибирь, Штраленберг, вернувшись к себе на родину в Лейпциг, поручил кому-то на основании представленных им материалов написать за него книгу, а заодно составить и карту. И эта злополучная карта, долго вводившая в заблуждение географов, стала свидетельством против мореплавателей, лично посетивших страну. Вот все аргументы Писарева, но их было достаточно, чтобы возбудить смятение в умах петербургских заправил экспедиции, недоверие и тысячи сомнений, усугубленных еще Берингом и самим Шпангбергом: первый, просматривая журналы Шпангберга, нашел там немало ошибок, а второй то же проделал с тетрадями Вальтона. В общем получилась неразбериха, и вполне понятным становится недоумение Адмиралтейств-коллегии: подлинно ли моряки посетили Японию?

Коллегия довольно просто вышла из затруднения: Шпангбергу предписывалось еще раз проделать вояж в Японию, о чем представить более точные и основательные данные. Как громом, поразило Шпангберга приказание, врученное ему еще в Якутске, вернуться в Охотск и повторить свое плавание. Разгневанный несправедливостью, моряк отправился к месту назначения. Но в Петербурге не успокоились на этом; повидимому, у Шпангберга были не только недруги, но и заступники. Для проверки и перевычислений показаний моряков была избрана авторитетная комиссия из моряков под председательством Дмитрия Лаптева и гидрографа адмирала А. Нагаева.

В тяжелом настроении духа, в августе 1740 года вернулся Шпангберг в Охотск и, конечно, не смог в ту

же навигацию осуществить поход. В Охотске еще находился Беринг, деятельно готовившийся к своему походу в Америку. Никак не предполагая, что Шпангбергу еще раз придется пускаться в море, он забрал все его запасы, а также и лучшие его суда; вряд ли он и придавал какое-либо значение новому походу своего коллеги.

Новое осложнение угнетающе подействовало на моряков: уже не чувствуется в их работе прежней энергии, все идет неудачно. Все же Шпангберг отправляется в Якутск и заготавливает там к новой экспедиции снаряжение и провизию. Сопровождаемый большим транспортом, он возвращается в Охотск уже к концу июня 1741 года, за ним следуют дополнительные грузы. Пока заканчивали постройку новых судов и подготавливали их к экспедиции, наступил сентябрь; о дальнем путешествии в Японию нечего было и думать, но кое-что, — полагал Шпангберг, — можно было выполнить еще и в эту навигацию.

Послав „Надежду“ под командою мичмана Шельтинга для описи западного берега Охотского моря до устья Амура, Шпангберг с остальными судами вышел в Большерецк на Камчатку, где намеревался перезимовать. Во время приключившейся по дороге сильной бури бригантина „Св. Михаил“, которой „командовал за недостатком надежных морских офицеров геодезист Сви-стунов“, потеряла способность управляться и со сломанной бурею готмачтой была отброшена к Курильским островам. Неудача постигла и „Надежду“: пройдя Шантарские острова и нигде не найдя хорошей стоянки, судно получило сильную течь. Теперь приходилось думать уже не об описи берегов, а о спасении команды, а потому Шельтинг поспешил вернуться в Большерецк. К началу октября все суда находились в Большерецке.

23 мая 1742 года Шпангберг снялся с якоря и снова поплыл в Японию. Сам он держал флаг на только что выстроенном пакетботе „Св. Иоанн“. Штурмана Петрова уже не было с ним, вместо него он взял штурманов Хметевского и Верещагина. Специально для этого

путешествия к Шпангбергу были прикомандированы из Петербурга в качестве переводчиков двое учеников Академии, изучавших японский язык. В походе принял также участие и „Св. Михаил“ с новой гротмачтой, перевезенной „с великими усилиями“ из Верхнекамчатска. Командовал кораблем тот же Шельтинг, а дубельшлюпкой „Надежда“ — штурман Ртищев.

Рассказывать много о ходе этого последнего плавания к берегам Японии нечего. Перед нами все та же хорошо знакомая картина. Не успели войти в море, как подчиненные Шпангбергу суда, шмыгнув в разные стороны, „растерялись“. Не дожидаясь и не отыскивая отставших, Шпангберг взял курс прямо на Японию. Но через некоторое время, достигнув $41^{\circ} 15'$ широты, „оставленный теперь без помощников, встречая постоянно противные ветры и туманы“ и полагая, „что, за отлучившимися судами, одним оставаться в море опасно, и сношения с Японией будут затруднительны, что, наконец, люди начали ослабевать и могут открыться болезни“, — созвал совет, на котором предложил вернуться домой. Не встретив ничьего сочувствия, уныло продолжал путь дальше.

Однако, увидеть берегов Японии „Св. Иоанну“ все же не удалось. 30 июня, когда находились на широте $39^{\circ} 35'$, на судне открылась большая течь „до 14 дюймов в полчаса“. Кое-как заделав пробоину, повернули и поплыли обратно и у первых же Курильских островов „нашли здесь все отлучившиеся суда отряда“. Но было уже поздно действовать совместными силами, к тому же шлюп „Большереецк“ „сильно поколотился на камнях“. Переведя Шельтинга на „Надежду“, Шпангберг поручил ему продолжать начатую в прошлом году опись берегов от реки Уды до устья Амура, сам же с остальными кораблями направился в Большереецк, куда и прибыл 29 июля.

Результаты этой экспедиции, предпринятой людьми, уже явно утратившими бодрость и действовавшими лишь „во исполнение высшего распоряжения“, оказались

крайне ничтожными. Лишь Шельтингу поверхностно удалось описать небольшой кусочек западного берега Охотского моря. По окончании экспедиции сам Шпангберг рассудил: продолжать экспедицию в будущее лето никаких „резонов не имеется“. Этим походом в Японию закончилось его участие в Великой Северной экспедиции.

Читателя, вероятно, интересует окончательный вывод комиссии, назначенной для выяснения вопроса: побывали ли моряки в предшествующий рейс в Японии или нет? Это сомнение было разрешено лишь в 1746 году, т.-е. спустя три года по окончании всей Великой Северной экспедиции, и в положительном для обоих моряков смысле. „Без всякого сомнения признается,— сказано в донесении этой комиссии,— что капитан Вальтон, по всем обстоятельствам, был подлинно у восточных берегов Японы, а не у Кореи...“ В менее определенном тоне и в довольно обидной для моряка редакции комиссия вынесла заключение и о плавании в Японию корабля Шпангберга: „Что же касается до вояжа капитана Шпангберга,— следует далее в донесении,— по всем его журнала обстоятельствам едва ли возможно было кому поверить, что он, Шпангберг, подлинно коснулся плаванием своим северного угла острова Японы, если бы он ходил на море один; но как он в помянутом вояже, мая от 25-го, от Большерецкого острога, июня по 15 число до самого у японских земель в туман отлучения неразлучно шел, и виды у японских берегов и прочие случаи в журнале, что в натуре видел, записал...— потому Шпангбергово у Японы, и о возвратном его пути меж японскими островами бытие причесться или признано быть может... А чтоб из Шпангбергова журнала сочинить пути его верную карту, и положения на ней аккуратного тех островов, которые он при прохождении видел, и части острова Японы, того не токмо другому кому, но и ему самому, Шпангбергу, сочинить и в достоверность на карте положить, за вышедонесенными, в журналах его записанными, многими обстоятельствами — невозможно“.

Трудно теперь сказать, чем была вызвана такая странная формулировка заключения комиссии о плавании Шпангберга; виною ли тому не вполне точные его исчисления местоположения японских берегов, или же, быть может, неприязненное отношение к нему членов комиссии? Но одно несомненно: Вальтон, так упорно избегавший совместного плавания со своим начальником, достиг своего, — он не только оттеснил Шпангберга, разработавшего весь план экспедиции, но и значительно уронил его престиж и умалил его заслуги. Время, однако, воздало каждому должное: в истории русского мореплавания за Шпангбергом остается приоритет исследования Курильских островов и берегов Японии.

ПЛАВАНИЕ БЕРИНГА К БЕРЕГАМ АМЕРИКИ

Американская эскадра и ее состав.— Закладка города Петропавловска.— У берегов Америки.— Инцидент со Стеллером.— На американском берегу.— Интересные находки.— Наблюдения Стеллера в оценке немецких ученых.— „Св. Петр“ оставляет американские берега.— Вторично к берегам.— Открытие Шумайнских островов.— Встреча с тлинкитами.— Открытие Алеутских островов.— Вблизи неведомых берегов

Перед нами последний этап Великой Северной экспедиции — путешествие Беринга в Америку. Карл Бер справедливо называет это плавание пятым актом трагедии, в котором погибают все действующие лица, причем наибольшее сочувствие вызывает сам Беринг. Необычайные трудности организационной работы по экспедиции, заставлявшие Беринга находиться в напряженном состоянии, частые и тяжелые неудачи, непрерывные ссоры и интриги, происходившие между всеми его подчиненными, недовольство им в Петербурге за медленный темп экспедиции и, наконец, непризнание удачного похода Шпангберга в Японию и требование его повторения — все это, несомненно, расшатав душевное и физическое здоровье моряка, ослабило его энергию, самоуверенность и бодрость. В таком настроении Беринг отправился в свой роковой поход.

Летом 1740 года все необходимые припасы для экспедиции и все снаряжение уже находились в Охотске, откуда должно было начаться плавание.

Ни один из путешественников, побывавший в Охотске, не произнес о нем доброго слова. И, в самом деле, на десять миль вокруг не найти ни одного дерева, над головой — слезливое небо, робко зеленеет трава, а среди

бедных, в беспорядке разбросанных домишек распростерлось болото, испускающее испарения. В конце мая вскрывается река Охота, впадающая в море вблизи Охотска. Лед шествует к морю до последних чисел июня. Но и открытие навигации не приносит сколько-нибудь отрадных впечатлений. Наступает томительный и нудный сибирский „бус“ — непрерывный мелкий дождь, сопровождаемый густым туманом. Лишь в июле несколько улучшается погода, а там снова снег и мороз...

По приезде в Охотск еще в 1737 году Беринг писал: „Место было новое и пустое, и строения никакого еще не производилось, и жить было негде, и лесов и травы в нем не растет и близко не имеется, ибо все дресвяное... Служители строили офицерам покои, а себе — избы и казармы; возили глину на себе и делали кирпичи; дрова для топления печей на себе таскают верст за шесть и за семь; воду пресную на свое употребление из реки возят на себе же расстоянием от того жилья версты по две и по три; и сухари сушат; и заготовленные к строению пакетботов бревна и коры и прочее плавят по реке с лишком с тридцать верст; и к кузнечным поделкам угля жгут; и для приготовления к пакетботам смолы нарочно в Камчатку посылаются; и нарты делают сами; и провиант на себе ж возят“.

За три года многое в Охотске изменилось, и сам он приобрел теперь иной вид. Кипела работа, но всякого рода неполадки и организационные затруднения бесконечно затягивали ее. Вовсе не считаясь с затруднениями, а быть может и не ведая во всех подробностях ее тягот, Адмиралтейств-коллегия нервничала, непрерывно торопила Беринга, объявляла ему выговор за выговором, угрожала „штрафами“ и взысканиями. Местных же властей, недостаточно содействовавших Берингу, стращали „не только штрафом, но и жестоким истязанием“.

Находившемуся „денно и ночью“ в непрерывных хлопотах и заботах Берингу суждено было еще раз в полной мере испытать до дна чашу огорчений и неприятностей, сознательно причиняемых ему его коллегами. Мы не

можем не привести еще одной весьма красноречивой цитаты из труда А. Соколова, чтобы показать, до каких геркулесовых столпов доходили между моряками взаимные антагонизм и недоброжелательство, какие козни строили они один другому, и что должен был испытывать от всего этого начальник экспедиции. Эта выписка поможет нам разобраться в душевной трагедии Беринга.

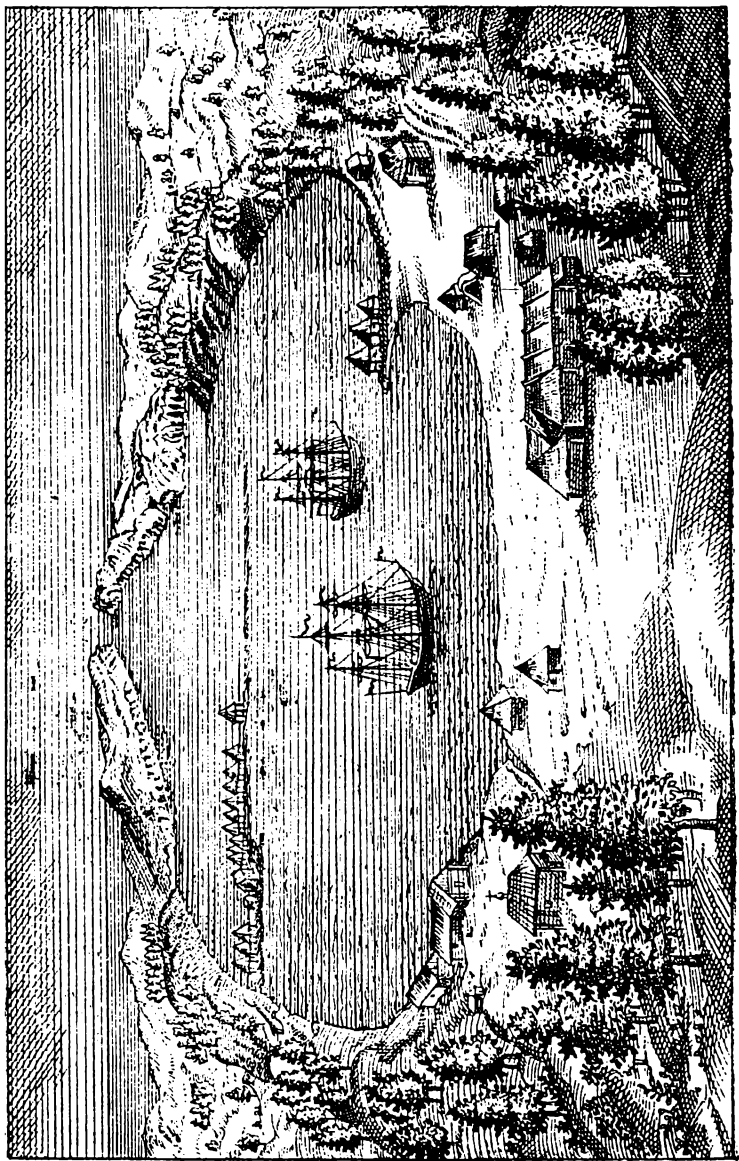
„Беспрестанно жалуясь на нерачительность сибирских начальств,— пишет Соколов,— Беринг особенно был огорчен Писаревым, человеком, по его словам, „беспокойным и несогласным“, который „ни сам хочет, ниже нас в покое от хлопот жить оставляет“, для переписки с которым надобно бы было содержать особых „двух или трех добрых подьячих“, который „весьма обижает и ябедою своею многую неправду сплетает и упреждает нас протестами и нам напрасное беспокойство чинит“, с которым „истинно давно я рад был, чтоб от него отделаться и жить в покое, дабы я только порученную мне экспедицию беспрепятственно исправлять мог“.

Дело, наконец, дошло до того, что экспедиционное поселение Беринга, расположенное при устье реки, и острог Писарева, стоящий подле, но несколько выше, были похожи на два враждебные стана. Недовольные Писаревым нижние чины и ссыльные перебежали к Берингу — по живописному выражению Писарева — „как некогда бежали из России на Дон и в Запорожье“, и были им принимаемы милостиво. Писарев, с своей стороны, насильственно захватывал людей Беринга и держал их под арестом; там и здесь беспрестанно писались доносы, производились следствия, а у Писарева — даже пытки. Случалось, что Беринг приходил со всею командою освобождать своих пленных и несколько раз грозился арестовать самого Писарева, не решаясь однако ж на такую отважную меру. „Что вы с ним, с старой канальей, много фигур строите?— говорил ему предприимчивый Шпангберг.— Ежели б мне приказано было, я бы его с четырьмя человеками взял и посадил“.— „Может быть, и не так

легко его за караул взять, — отвечал ему приверженец Писарева капрал Плениснер. — Ежели бы вы без резону приступать стали, то, может быть, и не без сопротивления было бы“. Почти все офицеры были между собою в ссоре: „Чириков и Шпангберг, соперничествуя в доставке провизии, ожесточенно спорили о способах этой доставки и укоряли друг друга за некоторые упущения; Шпангберг и Вальтон с их совместного похода были в великой вражде, и оба жаловались на своих штурманов — Петрова и Казимерова, которые взаимно на них жаловались; Ваксель был поссорившись с шкипером Белым, Плаутинг — с Ендогуровым. Сцены происходили постыдные...“

А тем временем суда, предназначенные для похода в Америку, заканчивались постройкой. То были спущенные в июне трехмачтовые пакетботы „Св. Петр“ и „Св. Павел“ длиной по 80 футов. Они поднимали по 6000 пудов груза и имели по 14 орудий. Команду обоих кораблей составляли 166 человек. Сам Беринг отправлялся на „Св. Петре“, он же был его командиром. С ним отправлялись: лейтенант Ваксель с малолетним сыном, штурман Эзельберг, подштурман Юшин и гардемарин Иоганн Синд. В числе матросов находился на корабле, уже знакомый нам по работе на Оби, разжалованный в матросы из лейтенантов Овцын.

Командование „Св. Павлом“ Беринг поручил очень дельному и способному моряку лейтенанту Чирикову, которому дал в помощники лейтенантов Чихачева и Плаутинга, штурмана Елагина и гардемарина Юрлова. Американскую эскадру должны были сопровождать дубель-шлюпка под командой корабельного мастера Хитрова и галиот, управляемый подштурманом Ртищевым. Нашлюпке должен был разместиться научный персонал экспедиции: астроном Лакройер и прибывший из Петербурга натуралист Стеллер, а также их помощники — геодезист Красильников и студент Горланов, оставшиеся впоследствии на Камчатке. Провианту по тому времени было взято очень много, а именно на двадцать месяцев, за-

*Петропавловск на Камчатке
(По старинной гравюре)*

пасного же такелажа „за недостаткою“ было совсем мало, что впоследствии и сказалось самым чувствительным образом.

Пока шли сборы, наступил сентябрь. Разумеется, плыть в столь позднее уже время к берегам далекой Америки было невозможно, а потому первый этап путешествия должен был ограничиться в этом году Камчаткой, куда и отправились 8 сентября. Первая неудача ознаменовалась посадкой на мель при выходе из реки дубельшлюпки. При аварии оказалась подмоченной и испорченной часть предназначенного для экспедиции провианта. В половине сентября все суда собрались в Большерецке и немедленно отправились, огибая мыс Лопатку, на восточную сторону Камчатки в Авачинскую губу. Но злополучной дубельшлюпке упорно не везло. Загруженная сверх меры, она по дороге вторично претерпевает „великие бедствия“ и принуждена возвратиться в Большерецк, где и остается на зимовку; галиот также решено было оставить там до лета.

Эта досадная неприятность если и не осложнила дальнейшего хода экспедиции, то причинила „великие труды и убытки, особенно для камчадалов“: все содержимое поместительных трюмов шлюпки, т.-е. всю провизию и снаряжение для экспедиции, им пришлось перевозить в зимнее время поперек Камчатки из Большерецка в Авачинскую губу на себе.

Ни дубельшлюпке, ни галиоту так и не пришлось сопровождать экспедицию в Америку. Они прибыли весной следующего года в Авачу, но так поздно, что уже не застали там эскадры, отпавшей в Америку. Стеллер находился теперь вместе с Берингом на „Св. Петре“, Лакройер — на „Св. Павле“, а Красильников возвратился на галиоте в Охотск „с богатым запасом собранных им сведений по всем предметам естествознания, истории, этнографии, географических, гидрографических и физических примечаний“.

По прибытии в Авачинскую губу Беринг занялся подготовкой помещений для зимовки, расквартированием

команды по местным острожкам, а также обследованием губы. Меткий глаз моряка сразу же оценил несравненные преимущества здешней бухты. Более превосходного убежища для судов, плавающих в северной части Тихого океана, вряд ли можно найти во всем этом крае, — так рассуждал Беринг. Предвидя в будущем развитие края, он заложил здесь городок, названный им по именам судов, на которых совершал теперь плавание, — Петропавловском, с гаванью того же наименования. Лакройер определил долготу Петропавловска, но из-за грубости и несовершенства тогдашних геодезических инструментов, а быть может и по неумению, ошибся почти на градус. *

Так возник город Петропавловск на Камчатке, этот важнейший центр местных промыслов и мореплавания в северотихоокеанских водах. **

Но вернемся к нашим путешественникам. Зимовка их протекала вполне благополучно. Расквартированный на довольствие по острожкам — к камчадалам экипаж съэкономил не одну сотню пудов провизии, заготовленной для экспедиции. С открытием навигации стали деятельно готовиться к плаванию. Беринг созвал вскоре при участии ученых большой совет, на котором прежде всего поставил вопрос: каким путем следовать кораблям к берегам Америки?

Мнения, как и следовало ожидать, разделились. Сам Беринг полагал, как и в прошлый свой поход, что ближайшее расстояние отсюда в Америку на северо-восток лежит не выше широты 65° . Это правильное мнение начальника было поддержано большинством моряков. Стеллер утверждал, что Америка не может отстоять от Петропавловска дальше 50—70 миль, если плыть прямо на восток. Казалось бы, и быть по сему, т.-е. незамедлительно плыть на восток. Но тут выступил Лакройер и опять извлек на свет Жуана де-Гама, никому не ведомого

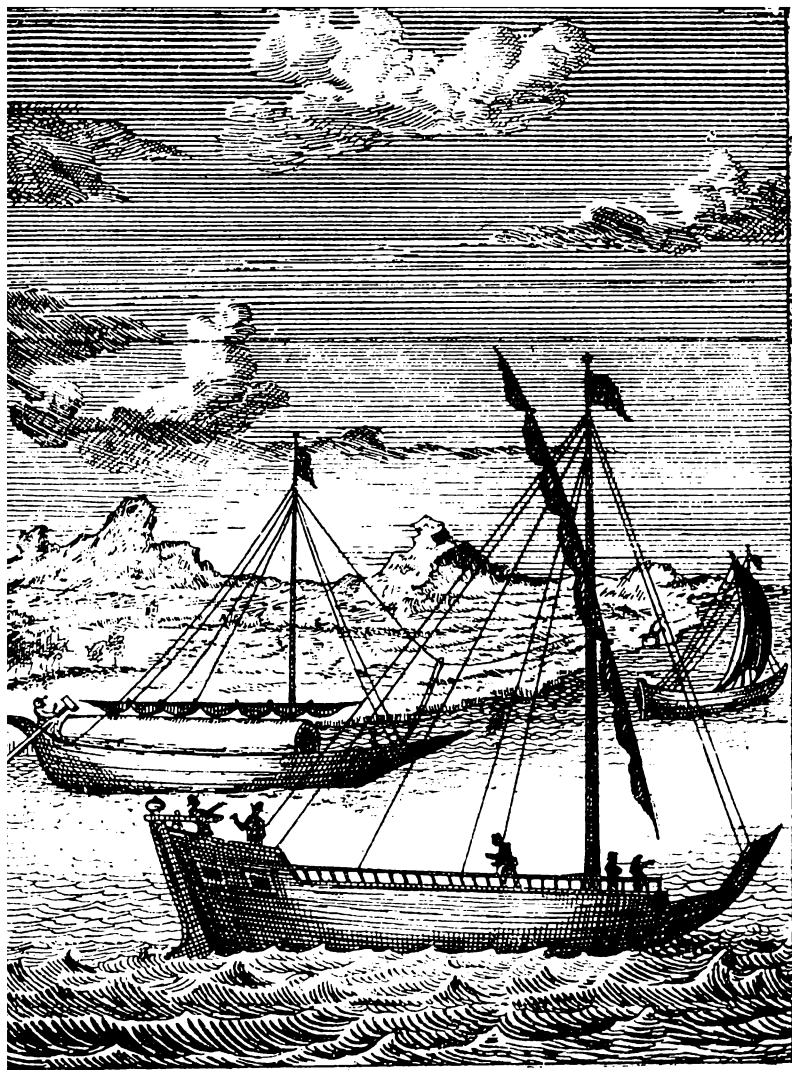
* Точное положение Петропавловска $53^{\circ}9'$ северной широты и $158^{\circ}42'$ восточной долготы.

** В 1856 году в Петропавловске был воздвигнут Берингу памятник

мореплавателя, будто бы открывшего неизвестно когда, никем никогда не виданную Компанейскую землю. Выше мы уже видели, что плавание Шпангберга в Японию окончательно должно было разубедить всех в отсутствии в указанном месте Компанейской земли. Но Шпангбергу не верили, а Беринг, который хорошо ознакомился с плаванием своего коллеги и верил ему, не мог решать о выборе маршрута единолично. К тому же по инструкции он особенно должен был считаться с мнением и указаниями Лакройера, который не замедлил в подтверждение своих слов представить карту своего брата — знакомого уже нам Иосифа Делиля, пользовавшуюся большим авторитетом как в Парижской Академии, так и в Петербургской. Несуществующая земля была определенно обозначена на карте по параллели 45—47°. Впоследствии спутники Беринга всю неудачу экспедиции приписывали этой злой карте, вернее — вынужденной необходимости их начальнику следовать по ней сначала в поисках Компанейской земли, на юг, а уже потом, когда никаких ее признаков обнаружено не было, на северо-восток, по направлению к американским берегам.

Итак, 4 июня 1741 года, рано утром, с тихим южным ветром, моряки двинулись в путь не по прямому вернейшему направлению в Америку, правильно предложенному Берингом и большинством его спутников-моряков, а на поиски несуществующей земли, изобретенной фантазией кабинетного ученого. Особенно был недоволен и раздражен непроизводительной тратой времени, безумно жаждавший поскорее вступить на американский берег, Стеллер. Чириков шел впереди, так как качества его корабля были лучше.

Свежий ветер разлучил наших путников, 19 июня они потеряли друг друга и, как показало близкое будущее, — навсегда. Достигнув параллели 45°, проблуждав здесь некоторое время по разным направлениям и окончательно убедившись, по выражению Хитрова, что „неправость карты Делиль де-ла-Кройера довольно уже опорочена“, взяли курс на северо-восток.

*Вспомогательные суда Беринга
По старинной гравюре*

„Сопровождаемые ветрами более попутными, югозападными, иногда отклонявшимися к юго-востоку, с погодою облачною и туманами, следовали довольно постоянно по настоящему направлению, поднимаясь в широте и удаляясь по долготе“. Уже около шести недель плыли моряки, не видя берегов, хотя почти от самой Камчатки до Америки тянется ряд островов. Но вот стали встречаться первые признаки присутствия невдалеке земли: плывущие ветви, деревья, птицы. Но глубина все еще оставалась значительной, и лот, опущенный на дно, его не доставал. Ветер дул попутный, западный.

Около полудня 16 июля (на широте $58^{\circ}14'$ и долготе $49^{\circ}31'$) впереди на севере стали вырисовываться туманные очертания гор, непосредственно поднимающихся из глубины моря. Моряки высыпали на палубу, радостно вглядывались в берег и оживленно перекидывались замечаниями. Особенно сиял Стеллер.

Высокие пики гор были увенчаны нежнорозовым снегом. Над хребтом гор, несколько поодаль вздымалась еще одна гора, ее громадным размером дивились все моряки. Эта гора, расположенная на границе Аляски и британской Америки и названная впоследствии горой Св. Ильи (mount St. Elias), представляет одну из высочайших вершин Северной Америки. * Но до нее было

* Высота горы Св. Ильи около 6 тысяч метров. Гора покрыта обширными ледниками, достигающими на плато Маляспина 13 тыс. кв. км. Гора Св. Ильи — потухший вулкан; вулканическое извержение наблюдалось здесь в последний раз в 1847 году. Местоположение горы — $60^{\circ}21'$ северной широты и $141^{\circ}20'$ западной долготы. Первым и, повидимому, единственным путешественником, достигшим в 1905 году с невероятными трудностями вершины горы Св. Ильи, был известный полярный исследователь д-р Фредерик Кук.

По словам О. Норденшельда, знаменитый ледник Маляспина представляет собой самое величественное явление этого рода за пределами полярных стран и по величине равняется всем норвежским ледникам, вместе взятым. Замечательной особенностью ледника является его выход из области гор, где он, образуя на низком побережье громадное ледяное поле, доходящее до самого моря, обрывается со ста метров высоты в морские волны. Как мы увидим ниже, Чириков на „Св. Павле“ проходил вплотную мимо этого „чуда природы“.

далеко; внимание моряков более привлекал берег, к которому корабль приближался довольно медленно, так как попутный ветер сменился противным — северным. Лишь 20 июля „Св. Петр“ смог бросить якорь невдалеке от берега какого-то острова.* С корабля теперь ясно различали прибрежные темные скалы и в стороне — густые зеленые леса. Тщетно вглядывались путешественники в берег, ожидая, что вот-вот отчалит оттуда остроносая узкая лодчонка и понесется к кораблю. Берег казался необитаемым.

Начались взаимные поздравления и шумные изъявления радости; ведь всего лишь в нескольких шагах находился теперь уже вне всякого сомнения американский берег, к которому хотя и с большой затратой времени, но все же благополучно добрались путешественники. Общего ликования, к общему удивлению, не разделял лишь Беринг. Он был хмур и чем-то озабочен. „Всякий легко себе представит, — писал Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы, наконец, увидели берег! Со всех сторон обратились с поздравлениями к капитану, до которого более всех относилась честь открытия. Однако ж капитан не только, что весьма равнодушно выслушивал эти поздравления, но, рассматривая берег, даже стал пожимать плечами... Находясь потом в каюте со мною и с Плениснером, он так выразился: „Мы теперь воображаем, что все открыли, и строим воздушные замки, а никто не думает о том, где мы нашли этот берег? Как еще далеко нам до дому? Что еще может с нами случиться? По чему знать, не будем ли мы задержаны здесь пассатными ветрами? А берег нам незнакомый, чужой, провианта на прозимовку нехватит!..“

В этих словах Беринга чувствуется большой упадок энергии и самоуверенности. Он производит впечатление больного человека. И, в самом деле, как он, так и большинство экипажа „Св. Петра“ уже страдали цынгой. В лавры свои он уже не верил, он хотел только одного:

* То был остров Каяк.

как можно скорее возвратиться домой. Он лежит теперь больше в своей каюте и лишь изредка показывается на палубе. Им овладевает настоящая лихорадка отплытия. Он созывает совет, чтобы обсудить — что делать дальше и как получше использовать время стоянки у американских берегов. Его осаждают тревожные мысли, он на себе чувствует всю недоброкачественность провианта, наскоро взятого взамен потерянного на дубельшлюпке; он ясно сознает весь риск продолжать с больным экипажем в позднюю пору плавание вдоль берегов неизвестной и, повидимому, необитаемой земли. Беринга давит тяжелое предчувствие, ему теперь не до славы, не до открытий; скорей домой; на будущий же год, он, обогащенный опытом текущего плавания и поправившийся, вторично придет сюда и подробно обследует берега. Сейчас же необходимо пополнить запасы воды и незамедлительно плыть на Камчатку.

Начальнику не возражали и в большинстве помалкивали. Лишь один, разочарованный вконец таким оборотом дела, Стеллер не выдержал и иронически заметил Берингу: „Итак, мы сюда пришли для того, чтобы американскую воду перевезти в Азию“. А затем произошла сцена, приведшая в бешенство пылкого натуралиста.

Что же произошло?

Когда лодки были уже снаряжены для отправки на берег в поисках за водой, и Стеллер готовился спуститься в одну из них, чтобы заняться обследованием берега, на который он так жаждал ступить, Беринг запретил ему покидать корабль. Беринг руководствовался здесь лишь одним соображением: он боялся, как бы увлекшийся экскурсант не задержал корабля. Однако, напористый германец не сдавался. Впоследствии Стеллер рассказывал:

„Сначала меня старались запугать рассказами о страшных убийствах, но когда я на это ответил, что никогда не был бабой и опасностей не боюсь, и что совсем не могу понять, почему меня не хотят отпустить на землю и препятствуют выполнению возложенных на меня пра-

вительством задач, то меня старались задержать на корабле шоколадом, который как-раз в этот момент готовился. Когда же я окончательно убедился, что меня хотят силою принудить к неисполнению служебных обязанностей, то я, наконец, отбросив всякое стеснение и вежливость, взмолился особой молитвой, что тотчас же и смягчило господина командира: он отпустил меня на землю с водовозами, хотя и не дал ни малейшей помощи. Съезжая с корабля, я еще раз показал командиру, хорошо ли я умею ругаться и сердиться, ибо он велел, дабы заглушить мои слова, трубить трубачам мне вслед“.

С волнением вступил путешественник на американский берег, глаза его горели. Резкий запах моря, водорослей и ракушек пьянил и щекотал нервы. Стеллер не знал, с чего начать и куда идти,—в его распоряжении было ведь так мало времени. Его сопровождал казак Фома Лепяхин. Невдалеке от берега бесконечной колоннадой тянулся, не имея впереди никакого подлеска, высокий хвойный лес. Кто слышал или читал о первобытных лесах Северной Америки, тот, вероятно, в состоянии представить себе всю дикость и вместе величие леса, куда направлял теперь свой путь Стеллер. Вероятно, его переживания в этот момент были совершенно особого рода.

Стеллера очень интересовало — обитаем остров или нет? К этому вопросу научного характера присоединились и практические соображения: если остров обитаем, и повстречаются жители, то Стеллеру более чем вероятно придется вступить с ними в сражение, из которого ему и его спутнику вряд ли удастся выйти живыми. Сам Стеллер был вооружен лишь небольшим кинжалом, которым извлекал из почвы растения и камни. Его же спутник имел при себе заряженное ружье, нож и топор. Стеллер подробно объяснил ему, как совместно действовать в случае нападения на них дикарей. Путешественник пристально осматривался по сторонам, приглядывался к земле в поисках человеческих следов и не замечал, казалось, что небо все плотнее заволакивается свинцовой

пеленой, и над головой низко проносятся клочья рваных туч. Быть шторму!

Но вот он и в лесу — густом и мрачном. Между деревьями жутко завывает ветер; каждый новый порыв его сильнее и беспокойнее шевелит верхушки елей и сосен и обдаёт путников волнами сырого лесного холода. Крепкий смолистый запах становится тогда еще гуще. Кажется, что ветер сжимает стволы деревьев и гонит смолу наружу. Что-то зловещее и бесконечно печальное чувствуется в этом однообразном и протяжном гуле столетних елей, прерывающемся по временам свистом сверху.

Наконец и первое открытие — первые признаки обитателей острова. Стеллер не прошел по лесу и нескольких сот шагов, как наткнулся на стоявший под деревом выдолбленный пень, в котором дикари по всем признакам еще совсем недавно варили мясо, пользуясь для этой цели раскаленными камнями, которые опускали в воду, налитую в выдолбленное в пне отверстие. Кроме того, он нашел подобие чашек, содержащих солодковый корень, и деревянный снаряд для добывания огня, подобный тому, какой он встречал у камчадалов; также обнаружил свежие кости с остатками на них мяса, повидимому, оленя. Это открытие навело Стеллера на мысль, что жители американского берега, должно быть, одинакового происхождения с камчадалами, и следовательно обе страны подходят на севере значительно ближе друг к другу, чем это предполагалось, ибо в противном случае совершенно было бы непостижимо, как могли камчадалы на своих жалких лодчонках переплыть по вечно беспокойному морю такое большое расстояние.

Путники шли все дальше. Повидимому, способность ориентироваться в чужой, незнакомой местности была развита у нашего путешественника в исключительной степени. Наконец они набрали на небольшое возвышение над землей, покрытое срезанной травой. Смахнув траву, обнаружили под ней ряд камней, аккуратно уложенных на настил из древесной коры; настил покоился на длинных деревянных жердях, врытых в края ямы. Видимо,

это был погреб с заготовленной на зиму провизией и прочими предметами обихода. В погребе было сложено множество копченой рыбы, солодкового корня, свертков луба лиственницы, идущего и в Сибири в пищу в голодное время года, и больших связок морских водорослей. Помимо продуктов питания, здесь находилось также несколько окрашенных в черную краску и очень чисто выструганных стрел, значительно более длинных, чем употребляют камчадалы; деревянные лукошко и лопата, несколько раковин и камень, на котором, повидимому, растирали медь.

Обрадованный интереснейшей находкой, Стеллер отобрал образцы всего обнаруженного в погребе. Все это свернул в объемистый тюк и отослал своего спутника на корабль передать находки Берингу вместе с запиской, в которой очень просил продлить его пребывание на берегу и прислать ему вподмогу двух-трех матросов. После этого Стеллер привел погреб в прежний вид и бесстрашно отправился на дальнейшие поиски в глубь дикой страны. Пройдя с десятков километров, он приблизился к черному краю и вдруг увидел вдали, над сосновым лесом дым. Конечно, там были люди, от которых можно было разузнать многое, с риском, однако, не вернуться вовсе. Взволнованный этим новым открытием, Стеллер, дорожа каждой минутой, поспешил к берегу и приказал матросам, перевозившим в течение всего дня на корабль воду, сообщить Берингу, что он обнаружил недалеко на берегу людей и вторично просит всего лишь на несколько часов вооруженных матросов и лодку.

В ответ на это Беринг прислал два железных котла, штуку зеленой крашенины, два ножа, бисера, трубок и табаку и приказал все это отнести и положить в найденную Стеллером землянку, * ему же самому передать,

* Насколько огромное впечатление произвели эти богатые дары на туземцев, явствует из того, что даже через 50 лет, когда здесь побывал Сарычев, воспоминания о ножах и бисере не изгладились из памяти местных аборигенов.

чтоб он немедленно возвращался на корабль, иначе уйдут без него. Предвидя погоду и опасаясь остаться на открытом месте вблизи неизвестных берегов, Беринг не считал возможным задерживаться здесь ни одного лишнего часа. Этим и закончилось пребывание Стеллера на американском берегу, не посещенной до прихода сюда „Св. Петра“ ни одним европейцем. За короткое время пребывания здесь Стеллер сделал очень многое. Он собрал и описал до 160 видов растений и даже добыл из некоторых семян (до 25 видов), отосланные им потом в Академию Наук.

Из здешней флоры особенное его внимание обратила малина, зрелые ягоды которой отличались необыкновенной величиной и чудесным вкусом. „Стоило бы взять, — писал Стеллер, — несколько кустов этой малины и доставить ее в ящике с землей в Петербург“, но „не моя вина, — сокрушенно добавляет он, — что для них не нашлось помещения на корабле“.

Из местной фауны он отмечает тюленей, китов, акул, множество морских бобров, чернобурых и красных лисиц, а из птиц — сорок, ворон и до десяти видов неизвестных ему пестроокрашенных, в числе их — впоследствии названную его именем хохлатую сойку (Стеллерова хохлатая сойка).

Пока снаряжали лодку, возвратился Хитров, посланный Берингом с 15 матросами на берег для отыскания, на всякий случай, подходящей гавани. Гавани Хитров не нашел, но обнаружил интересные бревенчатые постройки, тщательно обшитые досками. Вокруг домов были врыты столбы с вырезанными на них фигурами по тлинкитскому образцу. Людей он нигде не увидел, повидимому, они скрылись. Стеллер, вконец утомленный, собрал на берегу еще несколько растений и напился превосходной воды из ближайшего источника. Он еще раз взглянул назад. На всем видимом сзади пространстве тянулся таивший в себе столько интересного и загадочного могучий девственный лес, не посещенный, кроме него, ни одним еще культурным человеком.

Прощай, Америка! Так вот для чего хлопотали в течение десяти лет и жертвовали жизнью стольких людей! Для того лишь, чтобы открытый с превеликими трудностями материк не был удостоен даже посещения и на исследования расположенного перед ним острова употребили всего лишь десять часов!— Так думал Стеллер. Из этих мыслей он был выведен нетерпеливым окриком матроса, предлагавшего ему немедленно садиться в лодку.

Впереди протянулась серая полоса беспокойного моря. Сильный ветер быстро гнал низкие, темные облака, унося их куда-то вдаль. Дикая, мощная, грустная северная красота! Когда лодка, обогнув небольшой островок, вышла на свободное место, ее с силой подбросило крутой волной. Море сплошь покрылось бурными гребешками. Рассеченные лодкой надвое, гребни с шипением проносились около ее бортов и исчезали сзади, заставляя лодку тяжело падать вниз. Все чаще бросало в лицо солеными брызгами. Начинал моросить мелкий, холодный дождь...

Когда лодка подвалила к борту, на палубе показался Беринг. Его бледное изможденное лицо выражало непривычную для него решимость. Повидимому, между ним и Стеллером произошел очень крупный разговор, потому что после него Стеллера не пускали к больному начальнику в течение нескольких дней. А между тем, до этой истории, Беринг был самым искренним образом расположен к Стеллеру и всячески уговаривал его принять участие в настоящем плавании. Так или иначе, но инцидент этот восстановил против Беринга не только Стеллера, но впоследствии и многих германских ученых. Один из них в весьма напыщенном тоне постигшую Стеллера неудачу характеризует как „центральный пункт драмы“. Гельвальд же считает, что все те сведения, которые успел собрать Стеллер в столь короткий срок относительно климата, флоры и фауны и этнографии северозападного побережья Америки, составляют самый интересный и важный результат экспедиции, продолжавшейся более десяти лет.

Это, конечно, пристрастное преувеличение; все предыдущее изложение наше достаточно свидетельствует, что такое мнение несправедливо. Но, все же, та поспешность, с которой Беринг, не считаясь ни с чьим мнением, оставил берега долго разыскиваемого материка, не может не вызвать справедливого порицания. Он, например, так торопился, очевидно, боясь шторма, что оставил четвертую часть бочек не налитыми. Впоследствии нехватка пресной воды сильно способствовала бедствиям экспедиции. Этот случай также доказывает, что в совершенно необходимых с его точки зрения случаях Беринг умел действовать самостоятельно и очень решительно, не считаясь с мнением своих подчиненных и не созывая предусмотренных инструкцией в подобных случаях консилиумов. Несомненно, ответственность, которую брал на себя при этом Беринг, была велика, но эта мера, по его мнению, была абсолютно необходима.

Придерживаясь юговосточного направления, под всеми парусами понесся „Св. Петр“. Очень крепкий восточный ветер свежел все более. Пасмурная, дождливая погода не предвещала ничего доброго; исчезнувшие с утра берега, задержанные мутносерой пеленой, уже не показывались. Осуществить обстоятельный осмотр открытого материка, — как предполагал Беринг, — не удалось вовсе. Быстро пронесли мимо крупного острова Кадьяка, расположенного у юговосточных берегов Аляски, как решили, являющегося продолжением американского материка. Незнакомые места заставляли беспрестанно делать промеры. По словам Вакселя, „весьма опасно было держать себя близ земли частых ради банков и беспрестанных густых туманов и жестоких ветров, к тому же и от неизвестного берега бывали неоднократно в великих страхах и в отчаянии спасения себя“.

Досадное чувство неудовлетворенности, которое испытывали моряки, принужденные так скоропалительно покинуть американский берег, несколько смягчилось, лишь только стих ветер и исчез туман. Беринг немедленно собрал „консилиум“, на котором было решено взять

курс к северозападу „для осмотра оставленного берега“. Оставленный берег не замедлил обнаружиться, едва лишь переменили направление корабля. В ночь на 2 августа, „окруженные глубоким туманом, вдруг увидели перед собою землю, от которой едва успели отворотить и стать подле нее на якорь“.

Так был открыт остров, названный Берингом островом Архидиакона Стефана, впоследствии переименованный в остров Чирикова. Далее, следуя на северо-запад и не теряя из виду материкового берега (полуостров Аляска), открыли группу из пяти островов, названных Берингом Евдокеевскими. Уже тогда наши моряки обратили внимание на богатство здешних вод бобрами, морскими котиками и сивучами. Здесь же Стеллер наблюдал какого-то необыкновенного морского зверя, определить которого и посейчас затруднительно. По описанию Крашенинникова, сделанному им со слов Стеллера, „длинною зверь оный около двух аршин, голова у него, как у собаки, уши острые и стоячие. На нижней и верхней губах по сторонам длинные волосы, будто бороды, глаза большие, стан его кругловатый и продолговатый, к голове толще, а к хвосту гораздо тоньше. Шерсть по всему телу густа... Что касается до внешнего его вида вообще, то походит он много на того зверя, которого рисунок получил Геснер от своего корреспондента и сообщил в известной своей истории о зверях под именем морской обезьяны... Особливо в рассуждении удивительных нравов его, шуток и проворства можно назвать объявленным именем по самой справедливости. Он плавал около судна их больше двух часов, смотрел то на того, то на другого как бы с удивлением... Из воды поднимался он до третьей части своего тела и стоял, как человек, прямо, не переменив несколько минут своего положения. Посмотрев на них пристально около получаса, бросался, как стрела, под судно их и по другую сторону выныривал и, вскоре поднырнув опять под судно, оказывался на первом месте; и сие продолжал он до 30 раз“. Затем описывается, как зверь „ухватил“ в рот траву, плыл

к судну и делал при этом такие штуки, что смешнее того нельзя ожидать и от обезьяны“.

Впереди было много интересного. Новые открытия, надо полагать, не заставили бы себя ожидать. Но задувший сильный северозападный ветер, позднее время (половина августа) и значительное количество на судне больных цынгой (26 человек) заставили Беринга снова изменить курс и проложить его на Петропавловск, до которого оставалось более 1200 миль. Снова наступила пасмурная штормовая погода. К несчастью, обнаружилась большая нехватка воды. На корабле оставалось всего лишь 25 бочек, т.е. четверть нужного запаса: с таким количеством воды нечего было и думать пускаться в дальнее плавание. Рассудили и решили снова плыть на север к американским берегам „наливаться“ водой. В пути повстречали множество островов и вдали увидели материковый берег.

Всякий лишний день проволочки приносил новые беды. Совершенно ослабел сам Беринг и почти вовсе не выходил из каюты. 30 августа, когда „Св. Петр“ подходил к группе неизвестных островов, расположенных вблизи южной оконечности Аляски, скончался от цынги матрос Шумагин — первая жертва похода. Пристав к берегу ближайшего острова, опустили в могилу тело моряка и в честь его всю группу открытых островов называли Шумагинскими, после чего отправились на поиски воды и взяли из первой попавшейся лужи 52 бочки.*

Пока брали гнилую воду, на что ушло целых шесть дней, с корабля предпринимали экскурсии на берег. Так, Хитров, сильно заинтересовавшись увиденным им вдали на берегу огнем, тотчас же отправился на берег. Это любопытство обошлось ему не дешево. Он не смог совладать с высоким и бурным прибоем и, потеряв способ-

* Стеллер утверждал потом, что взятая здесь вода была чрезвычайно плохого качества и сильно способствовала дальнейшему росту цынги на корабле, разыскивать же хорошую и чистую воду, которая, по его словам, находилась неподалеку, было некогда.

ность управляться, был выброшен на берег, где пробыл голодным и холодным целых трое суток. На месте увиденного им огня он нашел уже затухнувшее пепелище; сомнений не было: берег был обитаем. Вскоре объявились и сами обитатели. На двух челнах они подплыли вплотную к судну, что-то кричали и оживленно жестикулировали, очевидно, приглашая последовать за ними на берег, но сами взойти на палубу побоялись. После усиленных приглашений они рискнули лишь приблизиться к трапу и принять несколько подарков, взамен которых передали какие-то палочки с укрепленными на них перьями.

Стеллер сообщает, что это были довольно рослые, плотные и широкоплечие люди с короткими шеями. Лица их были смуглые, носы приплюснутые и губы толстые, глаза черные, как смоль, равно как и волосы, висящие прядями, иные были с редкими бородами, иные же и вовсе без бород; в разные части лица были у них воткнуты длинные косточки и вставлены камешки. На всех были надеты сшитые из китовых кишок рубашки с рукавами, на некоторых же брюки и сапоги из тюленьей кожи, шляпы с перьями; у двоих из них были ножи, что доказывало, что в них они более всего нуждались.*

К этому описанию наружности американцев Миллер, видимо, со слов хорошо их наблюдавшего Вакселя, добавляет, что „нос у них заткнут был травой, которую иногда вынимали, и тогда истекало из него множество мокроты, кою языком облизывали“.

* Это были повидимому тлинкиты (или иначе колоши)—неизвестный в то время, весьма своеобразный народ индейско-американской расы, с особым наречием. Тлинкиты населяют юговосточную часть Аляски — 55°—60° сев. шир. и распадаются на несколько более мелких народностей. Имеют селения, расположенные на самом берегу и состоящие из хорошей постройки деревянных домов, украшенных художественной резьбой. С особым искусством сооружают они большие лодки (каноя). При овладении Аляски русскими тлинкиты оказали упорное сопротивление, сопровождавшееся кровопролитными битвами. По подсчетам, тлинкитов на Аляске около шести тысяч. За последнее время американская цивилизация, в значительной мере привившаяся среди них, видоизменила их нравы и обычаи.

Вскоре американцы показали, что они отнюдь не отличаются миролюбивыми замашками, а потому с ними нужно вести себя осторожно. Когда лейтенант Ваксель, желая свести с ними знакомство поближе, прибыл в сопровождении переводчика на берег, они его окружили и старались завладеть шляпкой; лишь предусмотрительно захваченные моряками и пущенные в ход ружья заставили их попадать на землю. Повидимому, это недружелюбие явилось последствием тех подарков, которыми хотели обрадовать туземцев накануне наши моряки. Зная их пристрастие к вину и табаку, моряки, высадившись на берег и приняв от них по куску китового жира, предложили водки. Но результат получился самый неожиданный: „Сей напиток, — сообщает Миллер, — был одному гостю совсем незнакомый и неприятный. Выплюнув, закричал он громко, якобы жалуясь своим, как худо с ним поступают. Не было, никакдго способа к его удовольствованию. Давали ему иглы, бисер, железный котел, табашные трубки и другие вещи, но он не взял ничего...“ Не помог и табак.

Доверие к иностранцам, казалось, было потеряно навсегда. Однако на другой день, как ни в чем не бывало, „не имея никакого страху“, они подплыли на семи каное к самому борту корабля и, не всходя на палубу, взамен подаренных им вещей „дали две сделанные из коры шляпы с костяною статушкой на одной“. В своем донесении об экскурсии на берег Ваксель замечает, что „все оные острова безлесные и пустые, и видно, что те американцы приехали на своих байдарах к сим островам с матерого берега для промыслу морских зверей и рыбы“.

Забрав 52 бочки скверной, нездоровой воды, 6 сентября двинулись, наконец, в путь на запад — прямо на Камчатку. При отходе корабля туземцы высыпали на берег и дружно заорали во все горло. Миллер по этому поводу замечает: „Сие не меньше почитать можно за дружественное засвидетельствование, коим они нашим благополучного пути желали, как за радостное восклицание, что от незнакомых гостей избавились“.

С большим трудом и медленно подвигались против встречного ветра, снова принесшего пасмурную туманную погоду. Приблизительно на широте 51° , сквозь разорванные клочья тумана, увидели ряд островов, а на одном из них высокую, покрытую снегом гору, названную в честь святого этого дня горою Св. Иоанна. Сами того не подозревая и все еще думая, что плавание продолжается вдоль материкового берега Америки, наши моряки плыли теперь вдоль гряды Алеутских островов, увидя их первыми из европейцев. Так была открыта цепь Алеутских островов, присоединенных после плавания Беринга к России.

Лишь только прошли длинную гряду островов, цепь событий на „Св. Петре“ дает резкую кривую, и беды одна другой ужаснее завершаются трагическим финалом. Моряки попали в ряд штормов чудовищной силы, задувших с запада. Постепенно крепчая, ветер к 25 сентября достиг силы урагана. Даже самый опытный и бывалый, всю жизнь проводивший в плаваниях старый штурман Эзельберг ужаснулся и говорил, что не видывал никогда такой страшной бури. По словам же Стеллера, более сильной бури и того, что происходило вокруг, даже самое пылкое воображение не в состоянии было бы себе представить. Охваченные чувством страха и одиночества, совершенно подавленные картиной всеокрущающей силы, моряки каждую минуту ожидали гибели судна.

Не убранные во-время паруса разлетелись в клочья, мачты сгибались в дугу, бывший в хорошем состоянии такелаж от непрерывного беспорядочного мотания из стороны в сторону и сильнейших встрясок и толчков стал ослабевать и, наконец, лопаться. Длинными лентами развевались оборванные канаты и запутывались в реях, мачтах... С большой тревогой прислушивались моряки, как расходившийся в трюмах груз при стремительных размахах судна с силой швырялся о борта, грозя проломить их. Управлять судном не было никакой возможности. Из-за вихря брызг, срываемых ветром

с гребней и залеплявших глаза, все вокруг было как в тумане. Могучие валы, подходя к судну, сбрасывали на палубу со страшной силой огромные массы воды.

Несмотря на тщательную закупорку помещений, вскоре не оказалось ни одной каюты, куда бы не просачивалась вода. А над головой совсем низко, с необычайной быстротой проносились облака, причем иногда, по замечанию Стеллера, в противоположных направлениях. Насыщенная электричеством атмосфера разряжалась на верхушках мачт большими языками пламени. Эти, неизвестные нашим путешественникам, „таинственные“ „огни св. Эльма“ были истолкованы некоторыми суеверными моряками как знамение свыше; по их желанию стали производить сбор денег на построение храма. Так обстояли дела наверху — на палубе.

Перенесемся вниз, в каюты и посмотрим, что происходило там в эту памятную бурю. „Не подумайте,— писал потом Стеллер,— что я преувеличиваю наши бедствия; поверьте, что самое красноречивое перо не в состоянии было бы передать всего ужаса, пережитого нами“. И, в самом деле, в наши дни усовершенствованных кораблей не легко представить, что творилось в те дни в душных, лишенных всякой вентиляции и света каморках „Св. Петра“. Из них неслись непрерывные стоны и вопли отчаяния доведенных до полубезумного состояния двадцати больных. Ужасная качка и удары волн о палубу и борта никому не давали возможности забыться хотя бы на минутку, никто не мог, швыряемый во все стороны, ни лежать, ни сидеть, ни стоять. Что-либо готовить, конечно, нельзя было и думать; единственной пищей были оставшиеся в небольшом количестве сухари. Немного было и воды: несколько бочек с водой от ударов их в борта полопались. От испорченного спертого воздуха, недостатка пищи и воды, а также качки и сильных переживаний один за другим стали умирать больные. С большим трудом удавалось выносить покойников на палубу и там предавать их морскому погребению — выбрасывать за борт. Словно

чувствуя добычу, уже несколько дней корабль сопровождали акулы.

28 сентября буря еще более усилилась; шел град. „Мы плыли, с божьей помощью, куда нас гнало разгневанное небо,—замечает Стеллер.—Половина нашей команды лежала распростертой, другие, в силу необходимости, держались как здоровые, но вследствие ужасающих волн и качки корабля все были как полоумные. Молились горячо и много; но проклятия, накопившиеся за десять лет пребывания в Сибири, лишали нас возможности быть услышанными“.

И все же, несмотря на неслыханные бедствия, предоставленное стихии судно не погибло и, повидимому, от того только, что было очень крепким и находилось в надежных руках: так, счисление, например, удалось держать во все продолжение бури, и оно находилось сравнительно в порядке.

11 октября стало стихать, но целый ряд признаков говорил, что вскоре следует ожидать повторения бури. Передышку использовали для заделки многочисленных повреждений на судне, а также подсчитали пищевые ресурсы. Большой недостаток воды встревожил всю команду, стали раздаваться голоса с предложением возвратиться к берегам Америки и там перезимовать. Собрались на совет в каюту Беринга все, кто только еще мог держаться на ногах. Беринг был против этого предложения. Он советовал еще раз попытаться достигнуть родных берегов, к тому же и ветер для путешествия в Америку был противный. Решили все же плыть к американским берегам, но, проплыв некоторое время, передумали и, последовав совету Беринга, повернули на юго-запад. Ветер вскоре отошел к северу, пошел снег, люди мерзли, бодрости ни в ком уже не чувствовалось.

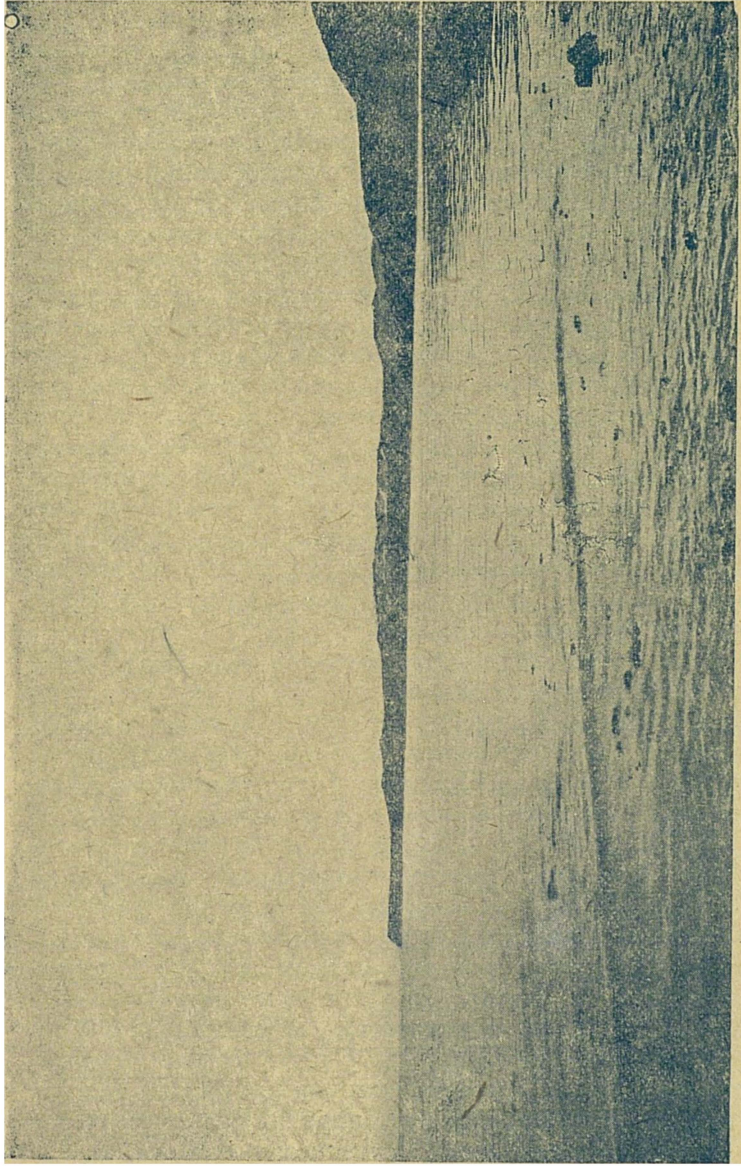
Однако, все, что встречалось достопримечательного на пути, привлекало внимание и тщательно заносилось в судовой журнал. Так, 25 октября в широте около 51° заметили на севере остров, названный именем Св. Маркиана (впоследствии Амчитка). Через три дня повстре-

чался другой остров, названный островом Св. Стефана (Киска), и, наконец, на широте около $52^{\circ}30'$ обнаружили третий остров, наименованный Св. Авраамием (впоследствии Семич). Стеллер уверяет, что были замечены вдали на севере еще два острова, по его мнению — первые Курильские, но в судовом журнале мы не встречаем этой записи. Но вот, наконец, утром 4 ноября, милях в 16 от корабля, на широте $53^{\circ}30'$ увидели впереди себя гористую землю, которую и приняли за цель своих надежд и стремлений — Камчатку. Ужасный по тяжести поход казался оконченным. Положение многострадального корабля, которым управляли теперь Ваксель и Хитров, было самое тяжелое. По словам А. Соколова, „счисление было уже почти потеряно, по крайней мере значительно разнилось; судно почти без управления. Начальник больной, давно не выходящий из каюты; офицеры несогласные и едва перемогавшиеся; команда изнуренная и оцынжавшая, — умирающие каждый день, даже по-двое на день. Вооружение ослабленное, паруса обветшалые. Ни сухарей, ни вина, и воды весьма мало. Сырость и холод. Сомнение, безнадёжность и ужас почти неминуемо предстоявшей гибели...“*

„Невозможно описать, — замечает Стеллер, — как велика была радость всех нас, когда мы увидели берег. Умирающие выползали наверх, чтобы увидеть его собственными глазами... Даже больной капитан-командор вышел наверх. Все осведомлялись о здоровье друг у друга, все надеялись найти на острове отдых и успокоение. Нашли даже спрятанный где-то боченок с водкой, которым еще более усилили общую радость... Открывшаяся земля казалась Камчаткою... Моряки хвалились в своем неведении: будь хоть тысяча мореплавателей, никто не пришел бы вернее к цели! Мы не ошиблись даже на полмили“.

Уже нетерпеливые взоры различают характерное очертание Авачинской губы, называют отдельные горы,

* А. Соколов — Северная экспедиция, стр. 197.

Остров Беринга Место крушения корабля "Св. Петр. Вид с Водопадского мыса
на южную, часть острова

мысы. Скорее, скорее на берег! Но чем ближе подходит к берегу корабль, подгоняемый засвежавшим северо-восточным ветром, тем более растет недоумение. Пустынный безлесный берег совершенно не похож на Авачу и ее окрестности. Но все же моряки не сомневаются, что перед ними Камчатка — в районе где-нибудь между Шипунским и Кроноцким мысами. Когда определились, оказалось, что Авачинская губа отстоит отсюда нето в 40 милях, нето в $2\frac{1}{2}^{\circ}$ разности долготы. Ввиду такой неопределенности, Беринг созвал последний „консилиум“, последнюю „мирскую сходку“ с участием всех, кто только мог дотащиться до его какуты. Необходимо было решить вопрос, идти ли разыскивать Авачу, где моряков ожидают люди, тепло и провиант, или же „для спасения себя“ „идти немедленно к видимому берегу, какой бы ни был берег, есть ли у него или нет пристанища“. Беринг с Овцыным доказывали необходимость продолжать поиски Авачи. Ваксель же с Хитровым, поддерживаемые большинством команды, стояли за немедленную высадку на берег. Восторжествовало последнее, „гибельное“ предложение.

Стихим попутным ветром двинулся „Св. Петр“ к берегу, и перед закатом солнца, впервые за долгое время брызнувшего из-за разорванных туч золотыми лучами, бросил якорь на 12-саженной глубине — на совершенно открытом месте в расстоянии не более версты от каменистого, бесприютного берега, вокруг которого длинной белой лентой извивались грандиозные буруны не улегшейся еще бури. Но недолго продержался корабль на якоре. Подошедшей огромной волной мертвой зыби его так рвануло, что канат не выдержал, лопнул, и корабль, вздымаясь на бурунах и гулко шаркая днищем о грунт, понесло прямо на берег. Не помог и другой якорь, снова оборвало канат, в страшном смятении люди бросились в трюм за третьим... Но в этот момент произошло истинное „чудо“: могучие кипящие буруны, таящие в себе огромный запас энергии, „перекинули судно через груды камней, — и — чудным счастьем — оно было по-

ставлено на совершенно спокойную воду, между грядою камней и берегом, в полуверсте от него, на глубине 4½ сажень. Из этой лагуны-западни корабль уже не вышел.

Так закончилось четырехмесячное бурное плавание „Св. Петра“ к берегам Америки. Наступила тихая ночь. Залитая лунным светом, впереди распростерлась пустынная, каменистая земля, на которую никогда еще не ступала нога человека. Пепельносерые облака застилали по временам вершины высоких гор и торопливо неслись на юг; вдали грохотал, дробясь о каменистый берег, прибой. Вконец утомленные люди, впервые за столько дней почувствовавшие под собою прочную, не уходящую из-под ног палубу, спали мертвецким сном. Не спал лишь один вахтенный; одетый в теплый армяк, он прислонился к кормовому люку и пристально разглядывал берег. Так обстояли дела на „Св. Петре“ в ночь на 6 ноября 1741 года в виду открытого острова, названного впоследствии островом Беринга, из группы Командорских.

ДЕВЯТЬ МЕСЯЦЕВ НА НЕОБИТАЕМОМ ОСТРОВЕ

Первая экскурсия.— Песцы-хищники.— Подготовка к зимовке.— Опасения за судьбу корабля.— Смерть Беринга.— Моряки окончательно убеждаются, что они не на Камчатке.— Вымершее чудовище — морская корова.— Морской бобер.— Ученый варвар.— Истребленный очковый баклан.— Землетрясения на острове.— Моряки сооружают новый корабль.— Спасены.— Возвращение в Петербург

Рано утром спустили на воду единственную оставшуюся после страшной бури шлюпку и отправились на берег. Первыми съехали Стеллер и Плениснер. Уже первая экскурсия Стеллера на берегу навела его на грустные размышления: подлинно ли они на Камчатке? Уж больно странно ведут себя здешние звери, — совершенно не боятся человека. И какое их тут изобилие! Морские бобры встретили путешественников, едва те сошли на землю, а Стеллер хорошо знал, что эти давно и ретиво преследуемые промышленниками вблизи камчатских берегов животные почти не водятся уже там.

Поразило и огромное количество куропаток, также вовсе не пугливых; их было так много, что свободно можно было бы добыть за час хоть сотню. Но охотиться было некогда, необходимо было осмотреться и ориентироваться в поисках прежде всего свежей воды. Плениснер все же добыл специально для больного Беринга шесть куропаток и отправил их на корабль, Стеллер же присоединил сюда еще несколько пучков противоцынготной травы для приготовления командору салата.

Особенно были удивлены наши путешественники колоссальным множеством здесь песцов. Об этом животном, которое, по словам Стеллера, по наглости, хит-

рости и пронырству далеко оставляет за собой обыкновенную лисицу, мы расскажем еще ниже, а сейчас заметим, что осмотренный нашими путешественниками берег произвел на них самое безотрадное впечатление. Совершенно безлесный, пустынный и дикий; с нагроможденными у самой воды голыми каменными скалами, берег не являл никаких благоприятных перспектив для предстоящей зимовки, и, что всего хуже, неизвестно было даже, что это за земля. Но Стеллер все еще хотел верить и надеяться, что это Камчатка, хотя новые факты с каждым днем и разубеждали его в этом.

Всю ночь провели путники на берегу, усиленно разыскивая свежую воду. Поиски их увенчались, наконец, успехом к великой радости всего экипажа. Они набрали на ручей превосходной воды, а попутно нашли и порядочное количество выкинутого на берег леса. Во время этих поисков внимание Стеллера было привлечено совершенно неведомыми ему крупными морскими животными, ходившими стадами невдалеке от берегов. Через несколько дней, когда путешественник повнимательнее присмотрелся к ним, он дал им, удержавшееся навсегда, название морских коров. Но, отложив теперь все эти наблюдения до более благоприятного момента, Стеллер с Плениснером и со всеми оставшимися на корабле здоровыми людьми ушли в организационную работу по приготовлению экипажа к зимовке. Прежде всего необходимо было соорудить „помещения“; единственно, что возможно было сделать в их условиях,— это вырыть в песке ямы-пещеры, прикрыв их сверху парусами. Когда вырыли несколько таких подземелий, стали перевозить на берег больных.

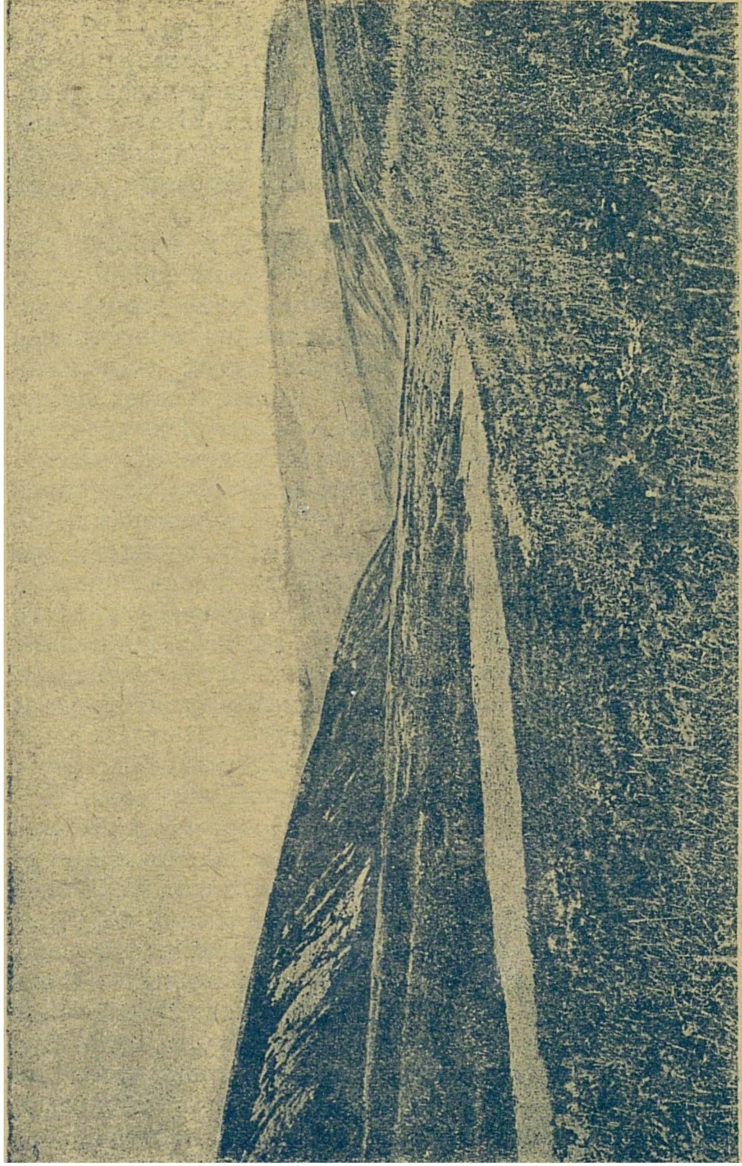
Настали тяжелые, мрачные дни. Несколько человек больных, едва их вынесли из душных каморок на свежий воздух, тотчас же умерли, 9 человек умерло во время перевозки на берег или тотчас же по водворении их туда. Пока в стороне рыли для мертвецов могилы, песцы делали свое дело: они с жадностью набрасывались на покойников, объедали у них носы, уши, выгры-

зали щеки, обгладывали пальцы; не оставляли они и больных, от которых все время приходилось отгонять палками этих голодных и дерзких животных. „Наш лагерь,— замечает Стеллер,— представлял печальный и ужасный вид; покойников, которых не успели еще предать земле, тотчас же обгладывали песцы; не боялись они подходить и по-собачьи обнюхивать и беспомощных больных, лежавших на берегу без всякого прикрытия. Иной больной жалобно вопит от холода, другой жалуется на голод и жажду,— цынга многим так страшно изуродовала рот, что от сильной боли они не могли есть; почти черные, как губка, распухшие десны переросли и совершенно закрыли губы“.

Перевозка больных на берег, ввиду недостатка заготовленных для них помещений и здоровых рук, протекала крайне медленно. 9 ноября с большими предосторожностями переправили на берег самого начальника. Убедившись на опыте, что резкий переход от спертго воздуха кают к наружному производит самое страшное действие, Беринга тщательно изолировали от атмосферного воздуха, закутав его голову и лицо платком. Натыкаясь на различную кладь, выгруженную из трюмов, осторожно вынесли на носилках укутанного, сильно распухшего от отеков начальника и осторожно опустили в вельбот. Последним был переправлен на берег „уже весьма больной“ лейтенант Ваксель.

Вначале Беринг как-будто приободрился и не переставал давать распоряжения по устройству лагеря на зиму. Он подолгу беседовал со Стеллером, здоровье которого, несмотря на все бедствия, продолжало оставаться в отменном порядке, и интересовался его мнением относительно территории, на которой они находились. Хотя своего мнения он и не высказывал, боясь огорчить и без того ослабленных духом людей, однако Стеллеру было совершенно ясно: Беринг не верил, что находится на Камчатке; то же полагал и сам Стеллер.

Близилась зима. Чтобы обеспечить себя хоть как-нибудь на зиму, предстояло сделать еще очень многое,

Остров Беринга. Вид местности вблизи зимовки экспедиции Беринга

а работоспособных людей едва насчитывали 10—12. Как самые энергичные и знающие, Плениснер, Стеллер и Бедге взяли на себя инициативу во всех делах, касающихся лагеря. Несколько выписок из дневника Стеллера помогут воспроизвести нам картину житья наших путешественников на необитаемом острове в первые дни их пребывания здесь:

„13 ноября. Сегодня после обеда я в первый раз пошел с Плениснером и Бедге на охоту: мы убили четырех морских выдр и вернулись уже ночью. Из печени, почек, сердца и мяса этих животных мы приготовили различные вкусные блюда, которые съели с пожеланием, чтобы судьба нам и впредь давала такую пищу. На дорогие шкуры мы смотрели как на нечто такое, что вовсе не имеет цены, ибо дорожили теперь только такими предметами, на которые прежде мало или вовсе не обращали никакого внимания,— как то топорами, ножами, иглами, нитками, веревками. Мы убедились, что чин, ученость и другие заслуги не дают здесь никакого преимущества и вовсе не помогают находить средств к жизни, и потому, прежде чем нужда нас принудила к тому, мы решились сами работать изо всех оставшихся сил, чтобы впоследствии нас не порицали, и чтобы нам не дожидаться приказаний“.

„14 ноября. Мы продолжали сооружать жилища и разделились на три партии; первая из них отправилась работать на корабль, чтобы перевезти на берег провиант; другая возила на себе бревна за четыре версты отсюда, а я и больной канонир оставались в лагере. Я готовил кушанье, а он устраивал сани для перевозки дров и других надобностей. Приняв на себя обязанность повара, я получил еще два других побочных назначения, именно, я должен был посещать командора Беринга и помогать ему в разных случаях, а так как мы первые устроили хозяйство, то кроме того на мне лежала еще обязанность разносить больным и слабым теплый суп до тех пор, пока они не поправились настолько, что сами могли помогать себе. Сегодня же

были устроены казармы, куда после обеда водворили многих больных, которые по недостатку места валялись на земле, покрытые тряпками и разной одеждой. Они были совершенно беспомощны, со всех сторон слышались только стоны да жалобы, причем не раз призывался суд божий на виновников их несчастья. Зрелище всего этого было настолько ужасно, что даже самые сильные из нас падали духом... Вообще недостаток, нагота, холод, сырость, потеря сил, болезнь, нетерпение и отчаяние были нашими ежедневными гостями“.

Особым предметом беспокойства наших путешественников стало теперь их судно, стоявшее на якоре в расстоянии версты от берега. Добираться до него из-за осенних штормов становилось все труднее, а разной необходимой для зимовки клади на нем, а также и провианта, оставалось еще много. Сильное волнение иногда по нескольку дней препятствовало подойти к кораблю. Естественным было и опасение, что при непрерывных бурях судно будет сорвано с плохого якоря и разбито о прибрежные скалы, или, что еще хуже, его загонит противным ветром в море, и тогда будет потерян весь провиант, а вместе с ним и всякая надежда на спасение.

Жизнь наших робинзонов ознаменовывается тремя крупными событиями — одним радостным и двумя печальными. Положение с кораблем с каждым днем становилось настолько серьезным, а боязнь его потерять — настолько сильной, что решено было, наконец, выбрав поспокойнее день, поставить корабль на отмель. Но по недостатку сил из затей этой ничего не вышло. Помогла природа и притом самым радикальным образом: во время сильнейшей бури 28 ноября корабль сорвало с якоря и принесло как раз на ту самую отмель, где его мечтали видеть наши моряки, причем маневр этот выполнен был настолько аккуратно и искусно, что не пострадали ни судно, ни содержимое его. Это обстоятельство не только сохранило оставшиеся на корабле жизненные припасы, но и дало средства для спасения в будущем оставшихся в живых участников экспедиции.

Но радостное событие это вскоре омрачилось глубокой неподдельной скорбью всех участников экспедиции. Вслед за старым и опытным, всеми уважаемым уже давно болевшим штурманом Эзельбергом, 8 декабря скончался в полном сознании начальник экспедиции Витус Беринг. С поразительным мужеством и терпением переносил он и физические и моральные страдания, никто никогда не слышал от него жалоб и стонов, до самого последнего дня он обнадеживал, как мог, своих товарищей, поддерживая в них бодрость и энергию. С его кончиной все почувствовали себя осиротелыми. Вполне справедливо замечание Карла Бера о покойном: „Слава Беринга была, можно сказать, похоронена в одно время с ним самим и воскрешена только полстолетия спустя знаменитым британским мореплавателем, которому судьба иначе благоприятствовала“.*

Несомненно, Беринг не умер бы так скоро, если бы достиг Камчатки, жил там в теплой комнате, пользовался хорошим уходом и получал свежую пищу. Беринг погиб столько же от холода, голода и болезни, сколько и от постоянного беспокойства и огорчений. Любопытно отметить, что, находясь в своей берлоге, Беринг был похоронен, так сказать, заживо, или, точнее, зарыт уже при жизни. Дело в том, что больной начальник всего больше страдал от холода и изыскивал все способы согреться. И вот он заметил, что осыпавшийся со стенок на его ноги песок, который почему-то не успели придти сгрести во-время, начинает его согревать. Когда явился матрос с лопатой, чтобы освободить начальника от песка, Беринг не только воспрепятствовал этому, но приказал еще зарыть себя выше пояса и в таком положении находился все время. Таким образом, умирая, он был уже наполовину зарыт в песок, его мертвого пришлось отрывать, чтобы перенести на место вечного упокоения. Место это в точности не известно. Пользуясь описанием Стеллера, Российско-Американская компания

* Бер разумел здесь Джемса Кука.

соорудила на предполагаемом месте погребения Беринга большой деревянный крест, стоящий там и поныне. В 1899 году экипажем дальневосточного военного транспорта „Алеут“, совместно с жителями острова, в ограде села Никольского в честь знаменитого мореплавателя поставлен другой крест — железный, обнесенный якорной цепью. О сооружении Берингу памятника в Петропавловске мы уже упоминали выше.

В посвященном памяти Беринга капитальном труде о Командорских островах и пушном промысле на них проф. Е. К. Суворов, побывавший на могиле Беринга, так описывает свои впечатления:

„Неумолчно ревущие мощные буруны окаймляют рифы белым пенистым покровом и делают остров еще более опасным и труднодоступным. Пустынные, безлюдные берега острова оставляют унылое впечатление. Повсюду, то тут, то там белеют громадные кости выброшенных когда-то китов и дельфинов; нередко из песка торчит ребро вымершей уже морской коровы. Местами попадаются и более печальные реликвии: возле старой гавани еще видно на лайде * полузанесенное днище разбитого корабля; на суровом рифе возле мыса Командора при сильном отливе показывается иногда из воды якорь погибшего здесь китобоя. Да и не мало таких же печальных воспоминаний можно найти на островах, хотя бы в виде наименований отдельных пунктов, наглядно указывающих на негостеприимность берегов. На скалистых рифах восточного берега острова разбилось когда-то и судно Витуса Беринга; мыс и бухта, где произошла катастрофа, именуются до сих пор „Командором“; так же называют и речку, на берегу которой покоится прах погибшего исследователя. В обе свои поездки на Командорские острова — и в 1910 и в 1911 гг. — я посетил место гибели Северной экспедиции. На крутом склоне горы, у устья реки Командора, в сотне сажен от берега

* Лайдой, на побережьях северных морей, называют низкие равнинные участки морского берега, заливаемые иногда морем.

среди густой травы стоит простой, покосившийся от ветхости, подгнивший деревянный крест. Предполагают, что приблизительно здесь покоится прах мореплавателя. На кресте еще сохранились остатки старой надписи:

• ПАМЯТИ БЕРИНГА

19 ДЕКАБРЯ

1741

1880

Кругом полная пустыня. Кажется, нога человеческая не ступала сюда. Только одинокий голубой песец, удивленный непривычным появлением человека, останавливается в нескольких шагах от меня и своим лающим криком старается прогнать меня прочь. Тридцать лет простоял крест без надзора и ремонта; годы заставили его покоситься. Я выпрямил его, как мог, но немного нужно времени, чтобы упал этот надгробный памятник, и место могилы тогда снова будет затеряно. Покрытый дюнными наносами широкий выход долины с правого берега реки, где экипаж Беринга строил себе судно, успел весь зарости густой травой, среди которой там и сям валяются разрозненные кости кита и морской коровы. Невдалеке от юрты-одиночки, немного южнее ее среди заросших дюн, до сих пор еще сохранилась большая яма, представляющая, вероятно, остаток жилья команды Беринга. Раскапывая в ней песок, я мог собрать немного разноцветного бисера, бус, слюды и гвоздей — последних остатков несчастной экспедиции. Эти реликвии переданы мною в Русское Географическое общество“.

На другой день после кончины Беринга скончался подшкипер Хотяинцов, затем умерли еще трое матросов и, наконец, 8 января — комиссар Лагунов. На этой последней, тридцать первой жертве американского похода цепь смертей до времени обрывается. Путешественники, как могут, налаживают свою жизнь на бесприютном острове, организуют охоту и постепенно поправляются.

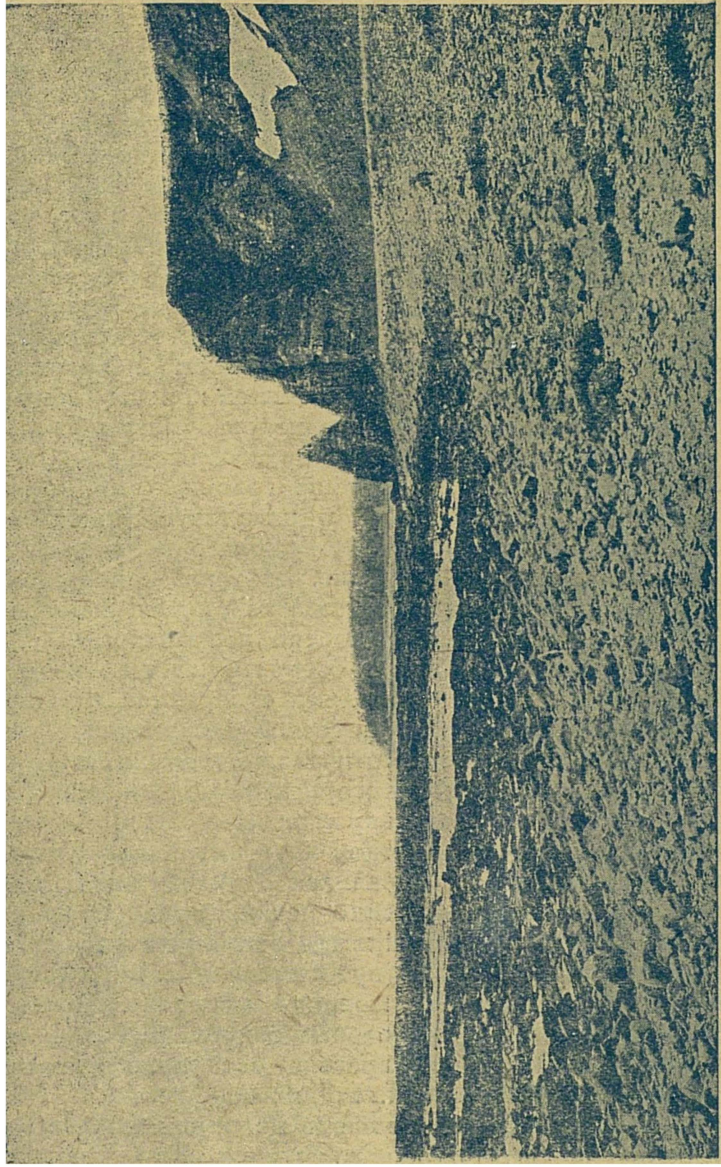
Остров Беринга. Крест над могилой Беринга

Но мы не сказали еще о втором крупном ударе, постигшем наших робинзонов. Хотя и мало фактов говорило за то, что местом их пребывания является Камчатка, все же окончательно никто не был убежден в этом, так как Камчатка велика. Для опознания берегов, еще с самого водворения наших путешественников на землю, было организовано несколько обследований, не давших впрочем убедительных результатов. 26 декабря окончательно выяснилось, что моряки находятся не на Камчатке, хотя повидимому и вблизи ее берегов. Посланный в обследование Хитров, обойдя территорию вокруг, тем самым выяснил, что лагерь находится на острове. В своем отчете Хитров между прочим сообщал:

„Знаков от земли нашей камчатской на сем острове во время вестового ветра, а от американской во время остового находилось не малое число, а именно с камчатской стороны находился лес рубленый избный, который бывал в деле, и плотовые с проушниками слег, разбитые боты, санки, на которых ездят оленные коряки. А от американской стороны — лес толстый сосновый и их стрелки и весла, каких у наших на Камчатке не бывает. И во время чистого воздуха с западной стороны сего острова многим служителям неоднократно казались к W сопки высокие, покрытые снегом, о которых рассуждали по своему счислению, что оные стоят на камчатском берегу: однакож за подлинно в том утверждаться было невозможно“.

Впрочем, сведения и слухи о наличии в этом районе островов доходили уже давно, еще лет за сорок до открытия острова Берингом, и исходили они главным образом от камчадалов. Также и Миллер сообщает, что во время пребывания Беринга зимою 1728 года в Нижнекамчатске камчадалы говорили ему, что „в ясные дни с высоких берегов камчатских земля в противоположной стороне видна бывает“.

Врядли нога человека, до экспедиции Беринга, ступала на этот остров. Ниже мы еще вернемся к этому интереснейшему в естественноисторическом отношении уголку земли, а сейчас обратимся к нашим путешествен-

Остров Берина — западный берег. Бывшее полуденное лежбище китиков

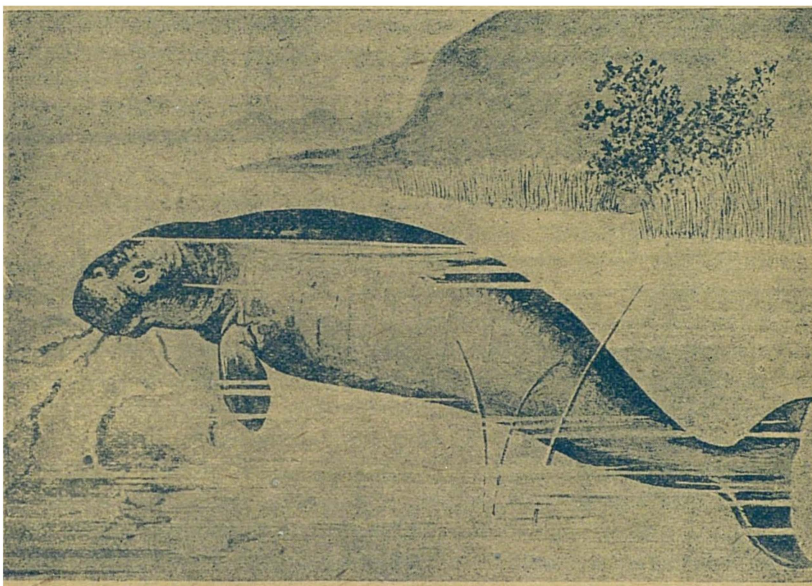
никам и взглянем, как они налаживали свою жизнь на необитаемом острове. Удостоверившись в печальной истине, они не пали духом, а сделали все возможное, чтобы выйти из крайне тяжелого положения и как-нибудь облегчить свое существование. Оборудовав помещения (вырыв в песке ямы и накрыв их брезентом из парусов), они стали налаживать питание. Прежде всего свезли остаток продовольствия с корабля на берег, все это пересчитали и установили паек на 46 человек из уцелевшего экипажа „Св. Петра“. Каждый получал в месяц по 30 фунтов муки и сверх того по несколько фунтов ячменной крупы; моряки пекли оладьи на тюленьем и китовом жиру, а впоследствии — на жиру морской коровы. Общее несчастье сблизило людей, всякие недоразумения, ссоры и пререкания исчезли из их обихода совершенно.

Оставшихся продуктов вообще говоря было очень мало, а потому, осмотревшись и наладив кое-как свое жилье, моряки принялись за охоту, благо перспективы были для нее самые блестящие. Питаясь в изобилии мясом морских бобров, котиков, тюленей, китов, морских коров и сивучей, люди стали быстро поправляться.

Первобытный девственный остров буквально кишел тогда различными представителями субарктической фауны. Большого внимания и интереса заслуживают наблюдения, сделанные нашими путешественниками. Они наблюдали здесь картины, которых наблюдать уже невозможно нигде; акклиматизировавшийся здесь с тех пор человек уже много десятков лет тому назад беспощадно и бессмысленно расправился с рядом животных, имеющих для науки совершенно исключительный интерес. Сюда следует отнести прежде всего уже упомянутое выше, открытое нашими путешественниками животное, названное Стеллером морской коровой (*Rhytina Stelleri*), представляющее, по словам современного французского натуралиста Поля Саразена, бесспорно одно из самых замечательных млекопитающих вообще.

Сам Стеллер, впрочем, отнюдь не приписывал себе наименование новооткрытого животного. „Это ставшее

нам столь полезным морское животное, — замечает Стеллер, — было открыто впервые испанцами в Америке и названо ими „манати“; англичане и голландцы прозвали его „морской коровой“. Здесь очевидное недоразумение: Стеллер, повидимому, путает морскую корову, встречающуюся исключительно у берегов Берингова и Медного

Морская корова Стеллера
(По современному рисунку худ. Смита)

островов, и открытую моряками Беринговой экспедиции, с другими представителями группы *Sirenia* — дюгоном и ламантином, задолго известными до экспедиции Беринга.

Со слов Стеллера, академик С. П. Крашенинников, в своем капитальном труде о Камчатке, дает любопытное описание морской коровы. Отмечая удивительную анатомическую особенность самок морских коров, имевших, „против свойства других морских животных, по

две титьки на грудях“, Крашенинников считает морских коров, выражаясь стилем того времени, „как бы за некоторое сродство, которым род морских зверей с рыбами соединить можно“. „Кожа,—говорит Крашенинников,—черная, толстая, как кора на старом дубе, шероховатая, голая и столь твердая, что едва топором прорубить можно. Голова в рассуждении тулова (т.-е. туловища) не велика. Глаза весьма малые и бараньих почти не более, что в столь огромном животном не недостойно примечания. Бровей и ресниц нет. Ушей нет же, но только одни скважины, которые усмотреть не без трудности. Шеи почти не видно, ибо тулово с головою нераздельным кажется, однако есть в ней позвонки, к поворачиванию принадлежащие, на которых и поворачивается, а особенно во время пищи, ибо оно нагибает голову, как коровы на пастве. Тулово, как у тюленя, кругловато, к голове и хвосту уже, а около пупа шире... Длинною бывают до 4 сажень и весом до 200 пудов. Водятся эти животные стадами по тихим морским заливам, особенно около устьев рек. Во время морского прилива столь близко подплывают к берегу, что их не только палкою или носком бить можно, но и часто по спине гладить случалось. Щенятся по большей части осенью, как можно бывает приметить по малым щенятам, носят, кажется, щенят больше года и больше одного никогда не приносят, как можно рассуждать по краткости рогов у чрева и по числу титек, которых они токмо по две имеют“.

„Половина тулова у них, то-есть спина и бока, всегда поверх воды, и на спине тогда у них сидят чайки стадами и вши из кожицы их вытаскивают так же, как вороны у свиней и овец таскают. Питаются морскими травами, и, где пробудут хоть один день, там великие кучи коренья и стеблей выбрасываются на берег. Зимой столь они сухи, что и позвонки и ребра пересчитать можно. Весною сходятся, как люди, и особенно вечером в тихую погоду: перед совокуплением делают различные любовные знаки, самка туда и сюда тихо плавает, а са-

мец за нею до ее произволения. Особливо примечания достойна любовь между самцами и самками: на другой и на третий день поутру заставляли самца над телом убитой сидящего“.

По словам самого Стеллера, морская корова „до пупа походит на тюленя, от пупа до хвоста — на рыбу. Спина животного такого же сложения, как у быка: бока продолговато-выпуклы, живот округленный и постоянно настолько переполнен, что при малейшей ране внутренности со свистом вырываются наружу. Хвост, заменяющий задние ноги, постепенно становится тоньше, но все же непосредственно перед плавником он бывает в ширину сантиметров 65. На спине это животное никаких плавников не имеет“.

Во время пребывания наших путешественников на острове, морские коровы, придерживаясь более мелких мест, водились в огромном количестве. Они собирались стадами, подобно домашнему скоту. Чтобы запастись воздухом, они беспрестанно „высовывали рыло из воды“ и жевали, „как лошади“. Затем снова погружались и принимались щипать густые, растущие вдоль берегов морские водоросли. Движения их были медленные и плавные, нрав добродушный, беззащитность полная. Повидимому последнее, а также и то, что они „ни мало не пеклись о своей безопасности“, и вспугнуть их было трудно, погубило их. Когда наши моряки вдоволь насмотрелись на невиданное чудовище и удовлетворили свое любопытство, возникли соображения утилитарного порядка: захотелось испробовать мясо зверя.

Первая морская корова была убита на острове Беринга лишь в конце июля 1742 года. Убили, испробовали и убедились, что мясо взрослой коровы нисколько не хуже говяжьего, а мясо детеныша не отличить по вкусу от телятины. Вытопленное сало оказалось также самого превосходного качества, и вкусом и цветом напоминая оливковое; молоко не оставляло желать ничего лучшего, оно походило на коровье, только было слаще, гуще и жирнее. С жадностью поглощали моряки мясо, чашками

пили жир и молоко и с радостью убеждались, что пища эта оказывает на них самое чудодейственное влияние. Без преувеличения можно сказать, что морская корова спасла первых обитателей неведомого острова. Стеллер писал: „Мяса в ней и жиру более 200 пудов, которым мы себя от того времени уже без нужды довольствовали, ибо оное мясо вышеописанных морских зверей приятнее, также и с собою до Камчатки соленого видели число достаточное“.

Однако, несмотря на полную беззащитность животного и его незлобивость, охота на него представляла не малые затруднения; причина — огромный вес и колоссальная сила этого животного, „понеже она корова силу имеет так велику, что таким множеством людей насилу держать можно“. По словам Стеллера, морские коровы были настолько тяжелы, что необходимо было 40 человек, чтобы вытащить тушу животного на берег с помощью канатов. В изображении Стеллера охота на зверя протекала следующим образом: „В исходе июня мы починили наш катер, столь сильно поврежденный о скалы осенью, туда уселись гарпунщик, рулевой и четверо гребцов и дали первому острогу вместе с очень длинной веревкой, устроенной на манер китобойной; другой конец ее держали на берегу 40 остальных человек. Затем стали гребсти, соблюдая полную тишину, по направлению к животным, которые стадом, ничего не подозревая, паслись на берегах своего луга на дне моря. Как скоро гарпунщик зацепил одно из этих животных, люди, находившиеся на суше, стали тянуть его помаленьку к берегу, тогда как находившиеся на катере подъехали к нему вплотную, стараясь всячески утомить его; когда же животное, повидимому, обессилело, его стали колоть во все места большими ножами и штыками, так что оно потеряло почти всю кровь, бившую из его ран фонтанами; после этого его вытащили при полной воде на берег и там привязали. Когда вода убывала, и животное очутилось на сухом берегу, все мясо и сало его срезали по кускам и снесли в помещение, где уложили в боль-

шие бочки, сало же повесили на высокие козла. Вскоре у нас оказалось такое изобилие пищи, что постройка нового судна, которое должно было нас спасти могла идти теперь совершенно беспрепятственно“.

По возвращении путешественников домой на материк — слава о замечательном животном и его превосходных питательных качествах распространилась далеко. Обольщенные сообщениями промышленники, китоловы и всякого рода авантюристы и проходимцы валом повалили на единственное место обитания морских коров — остров Беринга и принялись там с таким зверским ожесточением истреблять мирное животное, что вскоре оно совершенно было стерто с лица земли. Зимовавший в 1754 году на острове Беринга Петр Яковлев, т.-е. когда морских коров у берегов еще было много, уже тогда указывал на совершенно бесцельное и недопустимое хищническое истребление животного. Двуногие акулы, в опьянении алчности, не рассчитывая своих сил, собираясь в небольшие партии по 3—4 человека, кололи животных направо и налево и, конечно, не могли вытащить истекшее кровью раненое животное на берег, для чего, как мы видели, необходимо было не менее 40 человек. Сотни, тысячи животных, уносимые морем, погибали таким образом без всякой пользы.

Яковлев писал про этих охотников „истребления ради истребления“: „Они тем коровьим табунам, подле берегу в море обретающимся, чинят сугубую трату и гибель, так что из них человек с берегу или неглубоко заходит в море и колет упомянутое поколюкою,* привязавши на долгий шест, и ранит одну или другую корову смертью. Но те раненые коровы уходят в море и тамо, когда от ран обессилеют, тогда морем на берег не скоро мясо их выметывает, и через долгое время после колотья каждая корова, если нераспластанная, искусиает и к пище негодная бывает. И так оный промысел коров немногочисленством хотя и много колют, да

* Поколюка — длинная засторенная стальная полоса.

к рукам их ни одна свежая корова не приходит, а затем они претерпевают разный голод, а коровьим табунам чинят искоренение, которое подлинно считается может без сомнения". Яковлев указывал на высокую полезность животного, всячески ратовал за прекращение безобразной, бесцельной бойни, но ничто не помогало.

По исследованиям американского ученого Стейнгера, особенно заинтересовавшегося вопросом о морских коровах и подробно по оставшимся скудным данным изучившего их, животное было совершенно истреблено очень быстро после его открытия; уже в 1768 году морской коровы не существовало, в этом году последний ее экземпляр был убит неким Поповым. Однако Норденшельд, посетивший Берингов остров в 1879 году, полагает, что конец морским коровам пришел значительно позже, а именно в 1854 году.

Когда ученые спохватились и пожелали выяснить тайну замечательного животного, „промежуточного звена между рыбой и тюленем“, „полуженщины-полурыбы“, было уже поздно. Самые тщательные поиски, с целью добыть хоть один экземпляр, не привели ни к каким результатам. Каждый корабль, отплывавший в Берингово море, получал особую инструкцию относительно морской коровы, капитану была гарантирована крупная премия за всякое сообщение о ней. Но ни один из них с тех пор не привез о животном никаких известий. Замечательная сказочная сирена сгинула навсегда.

В настоящее время скелеты морской коровы в полном виде находятся в Зоологическом музее Академии Наук в Ленинграде, в Лондоне, Гельсингфорсе, Стокгольме и Вашингтоне. На острове Беринга скелеты морской коровы в некотором расстоянии от современного берега находят и поныне. Обыкновенно они залегают в слое торфа, густо поросшего травой, на месте древнего морского берега, впоследствии приподнявшегося.

Сирены и в частности морские коровы являются группой животных очень древних. Остатки их находили в третичных отложениях различного возраста — от эо-

цена до плейстоцена — во многих местах Европы, а именно в Англии, Голландии, Бельгии, Франции, Германии, Австрии и Италии, а также близ Каира. В Америке ископаемых сирен находили также в Новой Каролине, Нью-Джерси и на острове Ямайке.

Другим блюдом в меню наших путешественников было включено мясо морского бобра, ныне почти совершенно истребленного. В международном постановлении об охране тюленя в северной части Тихого океана указывается также на настоятельную необходимость охраны морского бобра. По данным Бросса,* их осталось всего лишь несколько экземпляров, между тем как сто лет тому назад каждый залив, каждый сколько-нибудь защищенный выступ, как уединенный скалистый остров Берингова моря, кишели этими весело игравшими, в высшей степени изящными животными. Еще около восьмидесяти лет тому назад в бухте Сан-Франциско бобры водились тысячами.

За 9 месяцев своего пребывания на острове Беринга наши путешественники напромышляли здесь 700 бобров, шкуры которых они вывезли на Камчатку. „Мех морского бобра,— говорит Стеллер,— превосходит меха самых лучших речных бобров длиной своих волос и красотою цвета до такой степени, что не может выдержать с ними никакого сравнения... Живой морской бобер — красивое, приятное животное, отличающееся веселым и забавным нравом, а в семейной жизни — это крайне ласковое и привязчивое существо! Морские бобры больше держатся семьями, в состав которых входят самец, самка, полувзрослые детеныши и сосунки. Привязанность к детенышам так велика, что они решаются подвергать себя самой большой опасности, лишь бы выручить отбираемых от них детенышей. В последнем случае матки плачут, как дети, и сильно тоскуют по ним“.

Мясо морского бобра также пришлось весьма по вкусу нашим путешественникам, они уверяли, что оно

* Aus dem Reiche der Pelze. Berlin 1911.

много вкуснее тюленьего, мясо же сосунков напоминало им барашка.

На острове оказалось прямо несметное множество песцов; питавшиеся отбросами моря, они размножились на острове до невероятности. Совершенно не боясь человека, они проделывали здесь такие штуки, которые Стеллер сравнивает только с историей проделок обезьян на острове Саренбурге, рассказанных неким Альбертом Юлиусом. Стеллер, хорошо изучивший этого умного и хитрого пушистого зверька, рассказывает о нем изумительные вещи. Песцы,—по его словам,—„забирались в жилища и днем и ночью и таскали решительно все, что только могли унести, даже вовсе не нужные им предметы, как то: ножи, палки, мешки, сапоги, чулки, шапки и т. п. Они научились до такой степени искусно откатывать бочки с запасами в несколько пудов и так ловко извлекать из них мясо, что первое время,—пишет Стеллер,—мы положительно не могли приписывать подобные проделки им. Во время обдирания шкуры с какого-нибудь животного нам часто случалось закалывать ножом по два, по три песца потому, что они старались вырвать у нас мясо из рук. Если мы что-либо зарывали самым тщательным образом и заваливали это камнями, то песцы не только всегда находили скрытое, но и умудрялись сдвигать тяжелые камни. Они поступали в этом случае, как люди: подрывали камень и, навалившись на него плечами, изо всех сил помогали друг другу. Если мы клали какую-нибудь вещь на высокий столб, надеясь оградить ее этим способом,—они подрывали его до тех пор, пока он не сваливался; или один из песцов взбирался на шест, подобно обезьяне или кошке, и необыкновенно хитро и ловко сбрасывал с него лежащую вещь.

„Они следили за всеми нашими движениями и следовали за нами по пятам, какие бы мы меры ни принимали против них. Когда море выбрасывало какое-нибудь животное, песцы пожирали его прежде, чем люди успевали добраться до места, и наносили нам, таким образом, большой ущерб. Если им не удавалось сожрать

все разом, они таскали остатки по кускам, зарывали их на наших глазах под камни и продолжали эту работу до тех пор, пока не перетаскивали всего. Некоторые из песцов стояли при этом на-страже и наблюдали за приближением людей. Заметив кого-нибудь из нас уже издали, они поспешно принимались зарывать труп животного, орудуя все вместе, и при этом делали это так быстро, что в самое короткое время нельзя было заметить и следа от туши целого медведя или морского бобра. Ночью, когда мы спали под открытым небом, песцы стаскивали с наших рук перчатки, вытаскивали шапки из-под головы, стягивали с нас одеяло и умудрялись даже вытянуть из-под нас шкуры, служившие нам постелью. Чтобы спасти от них свежее-убитых бобров, мы клали их под себя, но песцы преспокойно выедали из-под человека все мясо и внутренности трупа. Вследствие этого мы были принуждены спать с дубинками в руках, чтобы при пробуждении тотчас же иметь возможность отгонять и бить их“.

Эта подлинная песцовая стихия вызывала наших путешественников на самые крайние меры, они истребляли их тысячами; Стеллер передает, что он однажды один зарубил топором 70 штук, шкурами которых покрыл крышу своей пещеры.

Не малое число песцов на острове поглощали также медведи и морские орлы, причем последние охотились на них довольно оригинальным способом: схватывали когтями песка, поднимались с ним высоко на воздух и оттуда сбрасывали его на землю.

С появлением на Командорских островах человека, песцы стали исчезать, ныне их здесь немного. В 1910 году, например, их удалось добыть промышленникам в течение всего года лишь 1053 штуки. Но удивительно, что и до последнего времени здешний песец не боится человека и смело, как собака, приближается к нему и обнюхивает его.

Чтобы сохранить на Командорских островах (острова Беринга и Медный) песцов от окончательного истребле-

ния, нашим дальневосточным пушным хозяйством организованы здесь питомники. В этих питомниках находится также несколько экземпляров морских бобров.

Прибегать к мясу песцов нашим путешественникам не было никакой необходимости, мясных блюд в их распоряжении было и без того более чем достаточно. Помимо морской коровы и бобра, вполне по вкусу пришелся всем и сивуч — многочисленный представитель здешних ластоногих. По строению своего тела сивуч отличался от тюленей меньше, чем остальные виды его семейства, но смешать его с первыми довольно трудно. Помимо характерного устройства ласт, сивуча тотчас же можно узнать по его воинственной осанке, которую он принимает во время возбуждения и опасности. И, в самом деле, по своему свирепому нраву сильное животное это представляло некоторую опасность для охотников, особенно когда силилось перевернуть лодку с людьми.

Однажды, выйдя поутру из своих „берлог“, путешественники заприметили какую-то темную полосу, лежавшую недалеко на берегу. Подошли и убедились, что море доставило им богатый дар — исполинских размеров кита и притом совершенно свежего. Этот кит из группы самых крупных, так называемых полосатиков* имел в длину свыше 15 сажен и дал морякам такое огромное количество сала, что его с избытком хватило до самого оставления ими острова. Пасть чудовища была настолько обширна, что в нее вполне могла бы войти средних размеров лодка со всеми его гребцами. В продолжение многих дней моряки только и были заняты тем, что вырезали из тела животного огромные полосы сала и переправляли их в лагерь. Их сопровождали целые стада песцов.

Хорошо были обеспечены наши путешественники и птицей. Представители пернатых острова Беринга почти не отличались от камчатских. Исключение составлял

* Киты-полосатики (*Balaenopteridae*) получили свое название от глубоких продольных полос-морщин, идущих параллельно вдоль тела от гортани до брюха.

лишь так называемый очковый баклан — специфический обитатель острова Беринга, также, подобно морской корове, ныне совершенно истребленный. Виновниками исчезновения с лица земли интереснейшей птицы оказались на этот раз алеуты, переселившиеся на богатые в промысловом отношении Командорские острова в первой половине XIX века. Уже в 1850 году на острове Беринга не было ни одного баклана. Во времена же Стеллера он водился здесь во множестве. Чучело этой крупной птицы можно видеть в Зоологическом музее Академии Наук в Ленинграде.

Вулканическая структура камчатского края, где отроги гор иногда вертикально обрываются в воды Тихого океана и представляют поучительную картину геологического строения и происходивших здесь вулканических переворотов огромной мощности, определила и геологическое строение острова Беринга. Остров горист и носит свежие следы недавних геологических переворотов, давших необычайное распределение пластов со всей причудливостью их изломов и провалов. Горы острова однако не достигают большой высоты, высший горный пункт — гора Стеллера — не превышает 2200 футов. Стеллер приводит описание террас, расположенных на высоте до 30 сажен и заключающих наносный лес, кости китов, а также целые скелеты морских коров.

Вулканический остров подвержен частым землетрясениям. Наши путешественники наблюдали это грозное явление природы три раза. Наиболее сильное из них произошло 7 февраля 1742 года. За несколько минут до землетрясения, наступившего около часа дня, был слышен отдаленный подземный гул, сопровождаемый свистом и грохотом. Волна землетрясения распространялась с юга на север; по мере приближения ее, гул все усиливался. Но вот шум прекратился, и тотчас все заколебалось, закачались столбы, и послышался треск. В ужасе выскочили моряки из своих землянок и по колеблющейся почве побежали к морю. Но там все было покойно, море не грозило, как это нередко происходит

при землетрясениях, залить берег и смыть все живое, небо было ясное... В 1892 году на острове наблюдалось восемь значительных землетрясений, в 1910 году—пять. Направление толчка шло преимущественно от юго-запада.

Во время обеих описанных нами камчатских экспедиций наши моряки неоднократно наблюдали и на Камчатке сильнейшие землетрясения, изменившие отчасти характер некоторых здешних местностей и давшие поучительную картину образования прибрежных столбов и арок со сводами, засыпанными во время последующих катастроф. Так, говоря о Столбовом мысе, куда в первую свою камчатскую экспедицию пристал Беринг, Крашенинников замечает: „По южную сторону реки Столбовой есть на море три каменных столба, из коих один вышиною до 14 сажень, а другие немного ниже. Оные столбы оторваны, вероятно, некогда силою трясения или наводнения от берега, что там нередко случается; ибо не в давние времена оторвало часть одного берега вместе с Камчатским острожком, который стоял на мысу по край одного“.

Об ужасном землетрясении 1737 года, после которого в одном из проливов между Курильскими островами выдвинулась каменная гряда, Крашенинников говорит: „С четверть часа после того спустя, последовали валы ужасного трясения, и вода залилась на берег сажень на тридцать. От сего наводнения тамошние жители совсем разорились и многие бедственно скончали живот свой“. Василий Берх, характеризуя эту грандиозную геологическую катастрофу, замечает: „Землетрясение сие продолжалось с лишком 13 месяцев, а началось 6 октября 1737 года. Курильские острова и восточный берег Камчатки изменились от одного во многих местах; а на западный, как низменный и песчаный, не имело оно никакого влияния. Стеллер говорит, что 23 октября были столь сильные удары в Нижнекамчатске (где он тогда находился), что большая часть печей рассыпалась, и новая церковь, построенная из весьма толстого лиственничного леса, так рас-

Вулканы на Камчатке
(По гравюре 1771 года)

шталась, что косяки дверные выпадали вон. Жители Камчатки,— продолжает он,— сказывали мне, что близ горящих гор бывают удары гораздо сильнее, нежели около потухших“.

За время Великой Северной экспедиции наши моряки и ученые наблюдали также и дали по своим впечатлениям и со слов местных жителей картинное описание могучего действия камчатских вулканов, или „горящих гор“, как назывались тогда вулканы. Камчатка вообще богата вулканами. Вулканическая цепь простирается здесь почти на 80 миль, заключая наравне с действующими также и потухшие. К числу первых принадлежит знаменитая Ключевская сопка, достигающая огромной высоты в 4804 метра. Вот что сообщает о Ключевской сопке известный уже нам Крашенинников:

„Помянутая гора из давних лет курится беспрестанно, но огнем горит временами. Самое страшное ее возгорение было в 1737 году, по объявлению камчадалов — в летнее время, а в котором месяце и числе, того они сказать не умели; однакож оное продолжалось не более суток, а окончилось извержением великой тучи пеплу, которым около лежащие места на вершок покрыты были“. В сентябре того же года произошло вторичное извержение сопки. „Сей ужасный пожар,— повествует Крашенинников,— начался сентября 25 числа и продолжался с неделю с такою свирепостью, что жители, которые близ горы на рыбном промысле были, ежечасно к смерти готовились, ожидая кончины. Вся гора казалась раскаленным камнем. Пламя, которое внутри и сквозь расщелины было видимо, устремлялось иногда вниз, как огненная река, с ужасным шумом. В горе слышан был гром, треск и будто сильными мехами раздувание, от которого все ближние места дрожали. Особливый страх был жителям в ночное время: ибо в темноте все слышнее и виднее было. Конец пожара был обыкновенный — извержение множества пеплу, из которого однакож немного на землю пало, для того что всю тучу унесло в море. Вылетывает же из нее и ноздреватое каменье и слитки разных мате-

рий, в стекло претворившихся, которые великими кусками по текущему из-под ней ручью Биокосю находятся“.*

Но вернемся к нашим путешественникам. Обеспеченные вполне неисчерпаемой продовольственной базой, они воспрянули духом и переносили зиму сравнительно легко. Да им впрочем особенно не приходилось и жаловаться на холода, так как климат острова мало чем разнился от умеренного климата Камчатки. Сильно докучали лишь частые бури и метели. По всей справедливости, остров Беринга можно назвать островом зимних метелей и летних туманов. Бешеные бури с ветром, доходившим до 30 метров в секунду и более, были, по словам Хитрова, столь „жестоко сильные, что с великой нуждой человеку на ногах устоять возможно. И можно сказать, что мы от XII месяца до самого марта от тех жестоких ветров и снежной сверху и с гор пурги редко видали красный или чистый день“.

Постоянная и тяжелая работа, спанье в ямах, отсутствие достаточного комплекса одежды сделали то, что платье и обувь моряков постепенно пришли в полную негодность. Им приходилось полностью обшивать себя, впервые познакомившись на практике с важностью таких жизненных предметов, как игла, шило, дратва. Большое количество шкур позволило заготовить на всех полное обмундирование, хотя и не особенно изящное, но в высшей степени прочное и теплое.

С наступлением весны все мысли и надежды путешественников стали вращаться вокруг проблемы возвращения домой. Одни из них хотели отправить на материк для рекогносцировки судовой бот, другие же предлагали попытаться перетащить на свободную воду корабль и, исправив его, всем экипажем плыть к берегам Камчатки, и, наконец, третьи выдвигали, казалось, самую правильную мысль — разломать судно и из частей его соорудить

* Летопись извержений этого вулкана особенно отмечает извержение 1853 года, когда истечение лавы базальтового типа продолжалось в течение 4 месяцев.

корабль меньших размеров, на котором и отправиться в путь. Однако в последнем случае возникли сомнения—не придется ли отвечать перед начальством за самовольное уничтожение казенного корабля(?!). После продолжительных дебатов решили рискнуть остановиться на последнем проекте. В мае принялись разбирать сильно поврежденное судно и сооружать из его частей новое.

Достойно удивления, что нашим морякам, вовсе не специалистам в кораблестроительном искусстве, к началу августа удалось-таки соорудить несколько нескладный на вид, но все же корабль, получивший прежнее наименование. Корабль имел в длину 41 фут, в ширину—12 футов и осадку $5\frac{1}{4}$ футов. Не без волнения стали размещаться 46 моряков в чрезвычайно тесных и неудобных каморках своего детища, которому надлежало окончательно решить их „многобедственную участь“: либо доставить до родных земель, неизвестно где находящихся, либо иным образом порешить их судьбу.

13 августа, наименовав, по предложению Хитрова, покидаемый остров островом Беринга, вышли в море. На корабле было так тесно, что пришлось ограничиться минимальным количеством продовольствия. Было взято: 25 пудов ржаной муки, 5 бочек солонины из морской коровы, 1 бочка солонины говяжьей и 2 пуда гороха. Помимо этого каждый получил по 4 фунта масла и вяленое мясо морской коровы.

Вначале плавание шло удачно, но на третий день поднялся ветер и быстро стал свежеть. Бросаемый в стороны — непрочный, наспех сделанный и плохо зашпаклеванный корабль дал обильную течь. Пустили в ход помпы, но они вскоре, засорившись неубранными стружками, перестали действовать. Вода прибывала катастрофически быстро, вскоре трюмы уже на два фута были под водой. Повидимому где-то образовалась весьма значительная пробоина. Бросились отыскивать щель, в суматохе поминутно натываясь друг на друга и на груз, сложенный в трюме; страшная теснота еще усугубляла тяжелое положение моряков. Тогда разделились на две

партии: часть экипажа отставляла груз и выносила его наверх, другая же отливала воду всеми находящимися на корабле водоотливными средствами, как то: боченками, котлами и ведрами.

Наконец, под одним из ящиков обнаружили огромную дыру и с невероятными усилиями заделали ее. Вскоре ветер стал стихать. Путешественники были спасены. Короткий переход был преодолен. 17 августа поутру вахтенный сообщил, что видит впереди гористую землю. Все высыпали на палубу, и радость, какой еще не испытывали моряки за все время многострадального американского похода, наполнила их теперь всецело. Сомнений больше не могло быть: перед ними была Камчатка! 26 августа, подгоняемые тихим попутным ветром, после девятидневного плавания „Св. Петр“ бросил якорь в Авачинской губе на Камчатке.

Однако, — говорит Стеллер, — „как ни радовались мы своему спасению и прибытию на материк, известие, которое мы получили у самого устья от одного камчадала, привело нас в большое волнение. Оказалось, что все нас сочли погибшими, и все, что мы здесь оставили, перешло в чужие руки и большею частью было увезено. От этого известия в одно мгновение радость наша сменилась горем; впрочем мы все уже достаточно привыкли к бедам и несчастьям и вместо новых планов думали только о продолжении прежнего образа жизни и вновь приключившееся с нами несчастье сочли за сон“.

Прозимовав в Петропавловске, наши путешественники возвратились в Охотск лишь летом 1743 года, откуда и переправились благополучно в Петербург, когда Великая Северная экспедиция считалась уже оконченной. Не посчастливилось лишь Стеллеру. Повидимому, его злой, неукротимый нрав создал ему не мало врагов. Ему было приказано задержаться на время в Якутске. В 1744 году он получает, наконец, предписание вернуться в Петербург. Он спешит скорее, после долголетнего отсутствия, домой и, преодолев большие мытарства, достигает Новгорода. Но здесь опять беда. В Новгороде

его ожидает новое предписание: немедленно возвратиться в Иркутскую канцелярию, где против него по чьим-то проискам выдвигают грозное обвинение: кто-то донес на него, что он во вред Российскому государству снабжал азиатские народы порохом.

В Иркутске ему удастся вполне реабилитировать себя, вздорное обвинение отпадает, но на всю эту проволочку уходит целый год, после чего судья отпускает его в Петербург. Но враги Стеллера не дремлют, против него стряпают какое-то новое обвинение. Едва он достигает Москвы, как вдруг опять повеление: немедленно явиться для допроса и выяснения в якутскую канцелярию. В четвертый раз, вконец измученный тяжелыми скитаниями взад и вперед по неоглядным просторам Сибири, спешит путешественник обратно.

Недалеко от Тюмени, в необычайно холодный ветреный день, когда термометр показывал минус 40, сопровождавший Стеллера конвой остановился на пути у станции подкрепиться чаркой водки; путешественник оставался в санях. Повидимому подкрепление продолжалось слишком долго. Когда ямщик и конвойные, наконец, вышли из кабака, они нашли в санях труп замерзшего Стеллера. Похоронили Стеллера в Тюмени. Ввиду отсутствия на его могиле памятника, вряд ли можно узнать теперь, где сложены кости знаменитого ученого.

ПЛАВАНИЕ ЧИРИКОВА

Подлинная Америка.— Исчезновение одиннадцати моряков, посланных на берег.— Последняя тщетная попытка проникнуть на берег.— Недостаток воды.— Обманутые надежды.— Встреча с алеутами.— Бедственное положение моряков.— Прибытие на Камчатку.— Смерть Лакройера.— На следующий год Чириков снаряжает новую экспедицию в Америку

Нам остается в заключение нашей повести вкратце рассказать еще о плавании Чирикова, отправившегося, как мы видели выше, в американский поход на корабле „Св. Павел“ совместно с Берингом и вскоре с ним разлучившегося. Произошло это 20 июня 1741 года, приблизительно под широтой 49° . Плавание Чирикова, этого выдающегося нашего моряка давно ушедших дней, было также неблагополучно и по количеству жертв почти сравнялось с потерями Беринга. Из 70 человек экипажа домой вернулось только 49.

Уже через два дня после потери „Св. Петра“ Чириков, оставив поиски мнимой земли Делиля, взял курс не к параллели 46° , как сделал Беринг, а пошел прямо на восток, как и предполагалось это первоначально сделать обоими путешественниками. Подгоняемые югозападным попутным ветром, 11 июля на долготе 52° они стали обнаруживать первые признаки присутствия недалеко земли: плыли деревья, все чаще показывались тюлени, в воздухе кружились чайки, пролетали стаи уток. 15 июля под $55^{\circ} 12'$ увидели впереди землю, покрытую высокими горами и лесом. Чириков настолько был уверен в близости американского берега, что назвал даже открытую землю „Подлинною Америкою“. И он не ошибся. Америка таким образом была открыта им раньше Беринга на

полторы сутки. „Св. Павел“ бросил якорь вблизи берегов южной части Аляски — в области распространения тлинкитов, у острова, впоследствии названного островом Чирикова.

Моряки высыпали на палубу и пристально разглядывали распростершийся милях в трех берег. День был тихий и ясный. Чириков распорядился отправить на берег шлюпку для отыскания пристанища кораблю, но поиски были тщетны: подходящего места вблизи не оказалось. Снялись с якоря и поплыли дальше, погода изменилась, задул крепкий ветер с востока, принесший дождь и пасмурность. Сквозь туманную пелену, задержавшую горизонт, американские берега то показывались, то снова исчезали. Но они были все те же: высокие, гористые, густо поросшие лесом.

17 июля на широте $57^{\circ} 50'$ снова остановились. Переправа на берег, казалось, не предвещала ничего дурного. Посоветовавшись, решили отправить большой судовой бот на берег. Молодому штурману Абраму Дементьеву, отправлявшемуся на берег в сопровождении десяти вооруженных матросов, поручалось прежде всего отыскать якорное место для безопасной стоянки, а затем порасспросить жителей, если таковые окажутся на берегу, что они за люди, сколько их, как называется земля, на которой они живут, под чьей она властью и т. д.

Для неведомых жителей предназначались подарки: 2 котла (медный и железный), 3 боченка с бусами, китайская материя. Еще Дементьеву поручалось осмотреть остров и сообщить, что за деревья и травы растут там, а также поискать, не находится ли на острове драгоценных камней и руд; с последней целью ему даже даны были образцы руд. Возвращаться на корабль предписывалось непременно на следующий же день. Однако, ни на следующий, ни на второй, ни на третий день моряки на корабль не вернулись.

В большой тревоге и нетерпении целую неделю прождал Чириков посланных, лавируя около берега под малыми парусами, но так и не дождался. 23 июля, около

полудня, с корабля заметили приблизительно на том месте, где должны были высадиться люди, дым и огонь. Полагая, что Дементьев, не имея иной возможности, дает этим способом о себе знать, послали на берег на единственной оставшейся на корабле маленькой лодке боцмана Савельева с матросом и двумя плотниками на случай исправлений потерпевшего аварию бота Дементьева. В лодку было погружено также значительное количество провианта. На корабле потом утверждали, что видели, как лодка пристала к берегу. Тем загадочнее судьба обоих гребных судов „Св. Павла“, сгинувших без следа со всем экипажем. Были ли убиты моряки воинственными тлинкитами (что вряд ли, так как моряки были вооружены), или попали в водоворот, образуемый у берегов приливо-отливным течением, и по сию пору не выяснено. Последнее предположение вероятнее, так как в 1786 году подобный же случай произошел в этих местах с двумя лодками Лаперуза.

Так или иначе, но совершенно неожиданная гибель 15 человек и всего гребного состава экспедиции, смешав все карты Чирикова, в корне разрушила все его дальнейшие планы и не дала многого, чего можно было ожидать от экспедиции. Отныне ни высаживаться на берег, ни производить отчетливых наблюдений, ни запастись свежей водой было уже невозможно. До известной степени, экспедицию можно было считать законченной. Не даром с досадой замечает Чириков, что, „если б не учинилось объявленного несчастья, то б еще довольно время путь продолжать могли“.

Приходилось уже думать не о дальнейших исследованиях, открытиях и наблюдениях, а о скорейшем возвращении. Но возвращаться домой, не ступив ногой на так легко доставшиеся американские берега, не хотелось никому. Была сделана последняя попытка проникнуть на берег. „Св. Павел“, рискуя быть разбитым прибойной волной о береговые скалы, плыл, высматривая убежище, так близко от берегов, „что иногда буруны захватывали“. Но нигде зоркий глаз опытнейших моряков не усмотрел

ни одной лошины, ни одной подходящей спокойной бухточки, откуда можно было бы организовать переправу на берег на плотках. А пресной воды становилось на корабле все меньше, из ста забранных с собой бочек оставалось только 45. Что было делать Чирикову при этих условиях? Созвали обычный консилиум, на котором и порешили плыть немедленно обратно.

Соблюдая крайнюю экономию в расходовании воды и собирая дождевую, направились на запад и только поставили паруса, как вдали показались лодки, идущие на пересечение курса корабля.

Радостное чувство охватило всех моряков: свои плывут! Легли в дрейф и с нетерпением стали поджидать лодок. Но, увы, в лодках сидели какие-то странно одетые широкоскулые люди, махали руками и кричали во все горло: „Агай! агай!“ Вплотную к кораблю они однако не подошли и, вскоре повернув, быстро стали грести к берегу.

А пейзажи, как нарочно, один другого грандиознее и величественнее разворачивались и, как в калейдоскопе, сменялись на пути наших незадачливых путешественников. Вот они проходят мимо одетой снегом громады Св. Ильи, окруженной мощными ледниками. Далее, моряки минуют вздымающийся на огромную высоту пик и расположенные вокруг него ледники, выходящие к самому морю. Все чаще встречаются им по пути ледяные горы и отдельные небольшие льдины, сталкивающиеся одна с другой и дробящиеся на тысячи кусков. Об этих местах позднейший путешественник выразился так: „Голые скалы, обрывистые пики и гребни, вздымающиеся почти до 3000—3600 метров в высоту над морем, являют зрелище, равное коему по величине вряд ли найдется где-либо на земле“.

Но вскоре непроницаемым саваном налег туман. Шли совершенно вслепую и только по реву бурунов догадывались о близости берегов. „На другое утро, когда прочистилось, увидели себя чудно занесенными в тесную бухту, шириною не более версты, у берега высокого и утесистого, густо поросшего травой, но совершенно безлесного“.

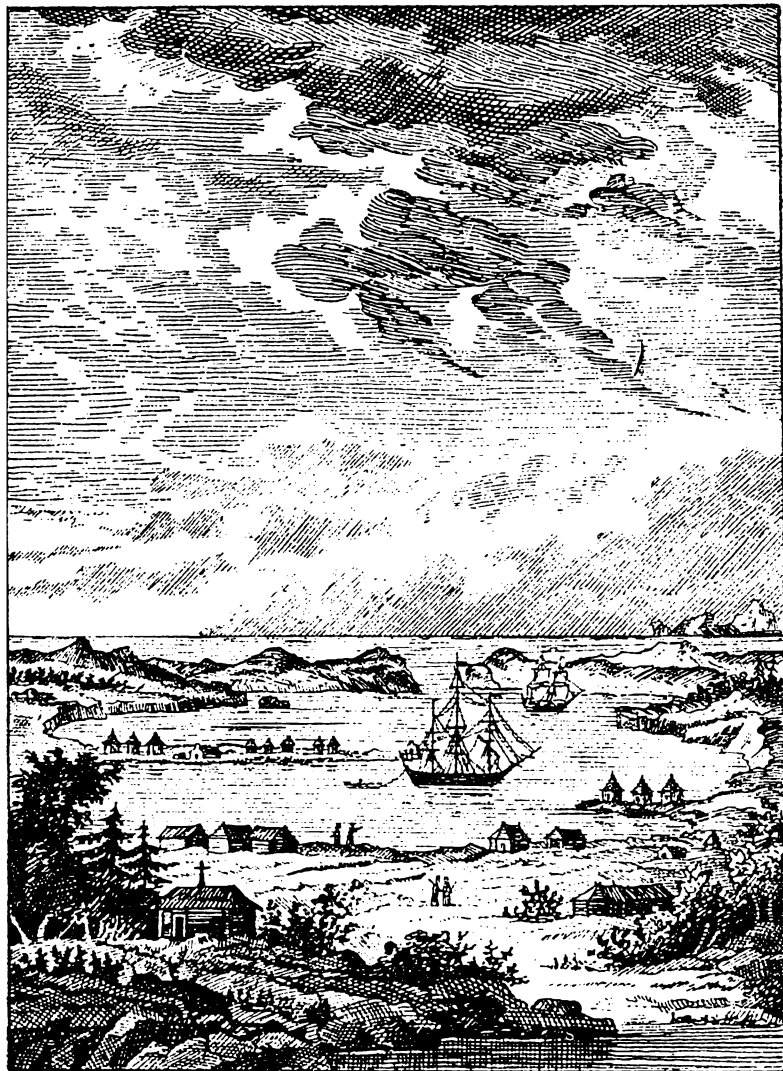

*У островов Алеутской группы
(По рисунку 1771 года)*

Путешественники плыли обратно на запад. Вблизи одного из Алеутских островов, — вероятно, то был остров Адах из группы Андреяновских, — к кораблю приблизились на семи байдарках алеуты. Они подошли к самому борту, но подняться на палубу не пожелали, не помогли и подарки, которые им показывали с корабля. Им демонстрировали чашки, звонки, предлагали табак, трубки, иголки, разворачивали куски материи, вынесли даже медный котел, — все напрасно, они требовали только одного: ножей. Узнав, что на корабле испытывают сильную нужду в воде, они привезли с берега свежей воды в пузырях и потребовали за каждый небольшой пузырь по ножу. С корабля им предлагали один нож на всю братию. Сделка не состоялась, и пузыри были увезены обратно.

И на следующий день приезжали алеуты, целыми часами держались у борта, рассматривая корабль, но ни один из них так и не рискнул подняться на палубу. Повидимому, их экскурсии к кораблю продолжались бы и в последующие дни, но вот подул „способный ветерок к выходу“, и „Св. Павел“, боясь разбиться о прибрежные скалы, „с великим страхом“ вышел в море, держа курс на Авачинскую губу.

С каждым часом недостаток воды давал себя чувствовать все более и более, потребление ее было сокращено до предела возможного. С 21 августа Чириков отдал распоряжение варить кашу через два дня, а воду для питья давать мерюю. Всухомятку ели больше сухари с маслом и отваривали солонину в морской воде. В середине сентября воды оставалось лишь 12 бочек, кашу было приказано варить теперь лишь раз в неделю, а воды выдавать на человека по пять небольших чарок в день. Недостаток воды компенсировали выдачей двух дополнительных чарок водки. Но водка отнюдь не способствовала уменьшению жажды, не предохранила она также и от болезней. Моряки скоро обратились в тени, с трудом выполнялась судовая работа, всех клонило ко сну, апатия все более овладевала людьми, каждый глоток воды — на счету.

В Авачинском заливе .
(По гравюре середины XVIII столетия)

К концу сентября на корабле не было ни одного здорового человека. Сам Чириков уже несколько дней лежал в своей каюте, однако все же продолжал отдавать распоряжения. Управление судном перешло к штурману Елагину, который был „тоже весьма больной“ и тем не менее управлял кораблем „почти несходно“. Но вот и Елагин чувствует, что его последние силы уходят. Управлять судном почти некому. Один за другим умирают моряки. 6 октября выбрасывают за борт труп лейтенанта Чихачева, через день за ним следует Плаутинг. Воды остается все меньше, каждая капля на учете, страшная жажда мучит моряков, доводит их до бешенства. Все мысли, все желания вокруг прохладных капель свежей, кристальной воды. Моряки мечутся на койках, и мечты их постепенно переходят в бред, голос становится хриплым, глаза горят, воспаленные губы шепчут: „Воды, воды!“

Не трудно представить, чем окончилось бы плавание „Св. Павла“, если бы утром 8 октября едва державшийся на ногах от слабости штурман Елагин не заметил вдали долгожданного берега Камчатки; он не ошибся: корабль прямым курсом шел в Авачинский залив. Когда вошли в гавань, с удивлением убедились, что возвращение моряков из далекого и трудного плавания никем не замечено. Лишь орудийный выстрел, данный с корабля и отдаленным эхо прогрехотавший по окрестным долинам Авачи, выгнал людей из теплых избушек наружу. Тотчас от берега отделилось несколько шлюпок и понеслось к кораблю.

Приехавшим представилось странное зрелище: на палубу выползали взъерошенные, косматые люди, лица их были покрыты густым слоем грязи, глаза лихорадочно горели. В чрезвычайном возбуждении, поднялся на палубу совершенно пьяный астроном Людовик Делиль де-ла-Кройер, и тотчас же, как подкошенный, грохнулся на палубу, мертвым.

Путешествие было окончено. Однако своим плаванием в Америку Чириков, понятно, был крайне недоволен. Точно во сне, промелькнули перед ним долгожданные, неведомые американские берега, на которые

он не смог даже ступить. Величественные, яркие общие впечатления, какие-то обрывки наблюдений и множество неразрешенных проблем — вот итог его путешествия. Так оставить дело нельзя, — заключил он и, еще не оправившийся, решил на следующий же год повторить плавание. Миллер утверждал, что вторичное плавание в Америку Чириков предпринял с целью отыскать следы Беринга. Так это или иначе, но 25 мая 1742 года Чириков, „имевший у себя только одного офицера — штурмана Елагина, команду уменьшившуюся и слабую и вооружение сильно попортившееся“, вышел из Авачинской губы и взял курс прямо на восток к посещенным им в прошлом году землям.

Но плавание с таким персоналом и с такими средствами было неудачно. Чириков дошел лишь до ближайшего Курильского острова Атту, который наименовал островом Св. Феодора, и повернул обратно, так как упорные и противные ветры и непрестанный туман не дали ему возможности продвигаться вперед и производить нужные исследования. Любопытно, что на обратном пути Чириков проходил совсем близко от острова Беринга, где бедствовали в то время его товарищи на „Св. Петре“. Этому острову он присвоил даже наименование Св. Иулиана. 1 июля Чириков был уже в Петропавловске, откуда направился в Охотск, которого и достиг в августе того же года.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы проследили ход Великой Северной экспедиции от начала до конца во всех ее главнейших эпизодах. Продолжавшаяся целых десять лет экспедиция блистательно завершила весь цикл возложенных на нее заданий. В ее процессе возникло много новых, непредвиденных задач, требовавших дополнительных, более подробных и углубленных исследований.

Необъятность задачи вполне отчетливо определилась лишь после того, как наши моряки уже вплотную соприкоснулись с девственной сибирской территорией. Но необычайный подъем человеческой энергии не мог длиться бесконечно, все явственнее обнаруживались упадок сил у людей, истощение запасов и снаряжения в снабженческих организациях, оскудение казны, для которой сумма более чем в 360 тысяч рублей, затраченная на предприятие, оказалась по тому времени слишком значительной.

В результате, — как повествует историограф, — „многие уже возвратились, или окончив назначенное им, или за болезнями и по разным обстоятельствам, многие умерли; наличных команд оставалось недостаточно. Завезенные с собой припасы все израсходовались; такелаж и паруса обветшали; построенные суда уничтожились. Самые средства Сибири были истощены до крайности, инородцы изнурены повинностями, даже леса оскудели... В 1743 году открылся голод во всей восточной Сибири, и высочайшим указом 23 сентября было повелено приостановить экспедицию, разместив команды ее по плодороднейшим, западным пределам Сибири. Приостановленная экспедиция совсем прекратилась...”

Если „за бесхлебием и безлюдственной пустотой“ местности экспедиция как целостный комплекс систематических исследований и закончилась, то не закончилась, а впервые лишь получили жизнь те импульсы к научному исследованию наших арктических и дальневосточных окраин, что явилось, быть может, одним из наиболее ценных плодов этой экспедиции.

Однако, не всегда по следам Беринга направлялись люди, движимые научным побуждением. Преобладали, как всегда в прошлом в подобных случаях, коммерческие и авантюристские стремления. Молва об огромных богатствах новооткрытых стран, подкрепляемая наглядным свидетельством вывезенной моряками Беринга и Чирикова в огромном количестве драгоценной пушнины и их полными драматической насыщенности рассказами, воспламеняла дух авантюристов, и они во множестве устремились в погоню за богатствами новооткрытых земель.

„Плыть за бобрами“ — стало своего рода модой дня, притягательным магнитом, стоившим для многих жизни. Вскоре создаются в более широком масштабе промысловые товарищества, преобразованные впоследствии в Российско-Американскую компанию, просуществовавшую до 1867 года.*

Результаты Великой Северной экспедиции поистине неисчислимы. Это целая эпопея, давшая направление сотням последующих экспедиций в отдаленные, известные только понаслышке, окраины. Из прежней путаницы противоречивых, смутных представлений впервые начали создаваться правильные, научнообоснованные и точные очертания берегов Северной Азии; было окончательно установлено существование пролива, разделяющего Азию

* В продолжение пятидесяти с лишним лет, начиная с 1743 года и до основания Российско-Американской компании, известно более сорока компаний и предприятий отдельных лиц, промышлявших зверя во вновь открытых местах. Правительство всячески поощряло промышленников и поручало им покорение туземцев, сбор с них ясака.

от Америки; были сделаны первые решительные попытки проникнуть на загадочные острова дальневосточных соседей в „страну восходящего солнца“ — Японию; были приобретены многие десятки не занятых европейцами и поэтому никому не принадлежащих островов; и, наконец, — была открыта и присоединена к стране огромная и богатейшая часть северозападного американского континента — полуостров Аляска (впоследствии проданный американцам) с целым рядом принадлежащих к ней Алеутских островов. Мы уже не говорим о бесчисленном количестве нового научного материала, извлеченного академиками из недр Сибири, о первом исследовании фаун восточных морей и о прочих, первостепенной важности научных открытиях.

Ни тогдашнее правительство, ни современники не сумели осознать и по достоинству оценить всего величия совершенного дела; не смогли они, понятно, учесть и всех последствий его в будущем; не было воздано должное и тем людям, которые осуществляли его. Грустно читать, какой награды удостоились в те жестокие времена некоторые главнейшие деятели Великой Северной экспедиции, занявшие впоследствии почетное место в истории географических исследований и открытий. Разжалование в солдаты, травля, интриги, недоверие, предание суду, даже приговорение к смертной казни, лишение главного деятеля экспедиции добавочного содержания — вот то моральное удовлетворение, что скорбно и молча приняли затратившие столько труда и здоровья наши исследователи.

Сейчас вряд ли кто у нас не слышал хотя бы по именам о Челюскине или Малыгине. Всякий раз, когда современному исследователю или моряку случается попасть в те районы, где протекала многотрудная работа участников Великой Северной экспедиции, они, сравнивая результаты ее с достижениями последующих годов, не могли не высказать своего восхищения. Мы уже приводили выше отзыв Джемса Кука об основательности и тщательности выполненной лично Берингом работы.

Несколько лет тому назад, опытный американский моряк Е. Бертольф, хорошо ознакомившись в многочисленных плаваниях с северо-восточной частью Тихого океана, опубликовал работу о Беринге, где между прочим говорит: „Путешествие Беринга и Чирикова — событие огромного значения. Эти мореплаватели пересекли Тихий океан и открыли северозападный берег Америки ценою ужасных потерь и перед лицом неописуемых трудностей. Со все возрастающим уважением следит моряк за всеми перипетиями их борьбы и восхищается людьми, которые совершили такое великое дело с столь неподходящими для его исполнения средствами“.

В наши дни напряженной борьбы за овладение Арктикой, полная глубоко-трагических моментов волнующая история Беринговой экспедиции, явившейся предисловием ко всему дальнейшему изучению и освоению наших полярных и дальневосточных окраин, несомненно представляет особый интерес и заслуживает пристального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреев В. Документы по экспедиции капитан-командора Беринга в Америку в 1741 году. „Морской сборник“, V, 1893.
- Андреевич В. Исторические очерки Сибири. 1886.
- Бер К. Заслуги Петра Великого по части распространения географических познаний. „Записки Геогр. Об-ва“, III—1849, IV—1850.
- Берг Л. С. Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука. „Записки по гидрографии“, II, 1919.
- Берг Л. С. Открытия русских в Тихом океане. Изд. Акад. Наук. Л. 1926.
- Берг Л. С. Открытие Камчатки и камчатские экспедиции Беринга (библиотека путешествий), под редакцией проф. А. А. Крубера, ГИЗ, 1924. Второе издание этой книги (изд. Главсевморпути, Л. 1935), по сравнению с первым, значительно пополнено данными по истории ознакомления с берегами Берингова пролива.
- Берх В. Н. Жизнеописание Беринга. „Русский Архив“, 1823, кн. VI.
- Берх Василий. Первое морское путешествие россиян, предпринятое для решения географической задачи: соединяется ли Азия с Америкой, и совершенное в 1727, 28 и 29 годах под начальством флота капитана I ранга Витуса Беринга. С присовокуплением краткого биографического сведения о капитане Беринге и бывших с ним офицерах. СПб. 1823.
- Берх В. Хронологическая история всех путешествий в северные полярные страны. Две части. СПб. 1821 и 1823.
- Вахтин В. Русские труженики моря. Первая морская экспедиция Беринга для решения вопроса, соединяется ли Азия с Америкой. СПб. 1890.
- Врангель Ферд. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю в 1820—1824 гг. СПб., ч. I, 1841.
- Гартвиг. Природа и человек на крайнем Севере. Москва. 1863.
- Гельвальд. Фр. В области вечного льда. История путешествий к Северному полюсу с древнейших времен до настоящего. СПб. 1884.
- Герье В. Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб. 1871. На эту же тему см. также материалы, собранные В. Герье, в Сборнике писем и мемориалов Лейбница, относящихся к России и Петру Великому. СПб., Изд. Акад.

- Гетчинсон.** Вымершие чудовища. Общедоступные беседы по палеонтологии. СПб. 1900.
- Егерман Э.** Путь до Япон. „Записки по гидрографии“, XXXVIII. Вып. 3-й, 1914.
- Князев Г. А.** Архив Академии Наук СССР. Л. 1933. Здесь приведен список материалов, касающихся Великой Северной экспедиции и хранящихся в архиве Академии Наук (так называемые портфели Миллера, Стеллера и Крашенинникова).
- Крашенинников С.** Описание Земли Камчатки. СПб: 1755. Два тома, с картами и рисунками.
- Лаптев Х.** Описание, содержащее от флота лейтенанта Харитона Лаптева в Камчатской экспедиции, меж реками Лены и Енисея, в каком состоянии лежат реки, и на них всех живущих промышленников состояние. „Записки Гидрогр. департамента“, IX, 1851.
- Левицкий К. Н.** Памяти Беринга. Журн. „Человек и природа“. ГИЗ, 1925, № 3.
- Литке Ф.** Путешествие вокруг света на военном шлюпе „Сенявине“ 1828 — 1829. Отделение мореходное. СПб. 1835.
- Миддендорф А.** Путешествие на север и восток Сибири, ч. I. 1860.
- Миллер Герард Фридр.** Описание морских путешествий по Ледовитому и по Восточному морю, с Российской стороны учиненных. „Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие“. СПб. 1858, тт. VII и VIII.
- Миллер Герард Фридрих.** Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел, от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена. Книга первая. СПб. 1750. То же, изд. 2-е, книга первая. СПб. 1787.
- Оглоблин.** Семен Дежнев. Мин. Нар. Просв. 1890. XII.
- Островский Б. Г.** Великая Северная экспедиция 1733 — 1743. Севкрайгиз, Архангельск. 1935.
- Пекарский П.** Архивные разыскания об изображении не существующего ныне животного. Зап. Акад. Наук. XV, прил. № 1, 1869.
- Полонский А. С.** Первая Камчатская экспедиция Беринга 1725—1729 гг. „Записки Гидрогр. департамента“, VIII. 1850.
- Сарычев.** О плавании российских морских офицеров от рек Лены, Оби и Енисея, а также и от города Архангельска к востоку по Ледовитому морю с 1734 по 1742 год. „Зап. Адм. деп.“, 1820, ч. IV.
- Соколов А.** Северная экспедиция 1733—1743 гг. СПб. 1851. (Этот же труд А. Соколова напечатан в „Записках Гидрограф. департамента“, IX, 1851).
- Соколов А.** Примечания к описанию Северной экспедиции 1733—1743 гг., напечатанному в IX томе „Записок Гидрограф. департамента“. „Морской сборник“, XXV, 1856, № 13.

Соколов А. Берег Ледовитого моря между рек Оби и Оленека. По съемке 1734—1742 гг. Записки лейтенанта Х. П. Лаптева и замечания других описателей. „Записки Гидрограф. департамента“, IX, 1851.

Соколов А. Таймурский полуостров. Сведения о нем, собранные за 100 лет. „Вестник Русского Географ. общества“, ч. I, кн. 2, отд. VI, 1851.

Соколов. Беринг и Чириков. „Северная пчела“, 1849, №№ 98—99.

Стеллер А. Из Камчатки в Америку. В обработке д-ра М. Хейдриха. Перевод с немецкого. Изд. П. П. Сойкина, приложение к журн. „Вестник Знания“, 1927, кн. II. Эта книга посвящена главным образом описанию быта и нравов камчадалов в XVII веке, дан также краткий очерк путешествия Беринга в Америку.

Струве В. Я. О рукописи астронома Делиля. „Записки Географич. общества“. 1849, книга III.

Суворов Е. К. Командорские острова и пушной промысел на них. Изд. Департ. Земледелия. СПб. 1912.

Фишер И. Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли российским оружием. СПб. 1744.

Шашков С. С. Российско-американская компания. Собрание сочинений, т. II, изд. О. Поповой, СПб. 1898.

Шокальский Ю. М. Семен Дежнев и открытие Берингова пролива. Изд. Русск. Географ. общ. XXXIV, 1898.

Вселенная и человечество. Перевод с немецк. под общей редакцией проф. А. С. Догеля. СПб., изд. т-ва „Просвещение“, т. IV. Исследование земной поверхности, часть II.

Донесение флота капитана Беринга об экспедиции его к восточным берегам Сибири. „Зап. военно-топографич. депо“, X, 1847.

Из истории освоения Северного морского пути (экспедиция Беринга 1732—1743 гг.), с предисловием и примечаниями П. Горина. Исторический журнал „Красный архив“, тт. 21—23 за 1935 г. и т. 74 за 1936 г. Здесь впервые полностью напечатаны обнаруженные в 1935 г. П. Гориним в Белорусской Академии Наук подлинные донесения Беринга с приложениями, озаглавленные: „Об экспедиции, снаряженной в Камчатку для открытия берегов Америки, о действиях там Беринга и Чирикова, наконец, о прекращении этой экспедиции“. Эти довольно обширные материалы, вскрывающие целый ряд моментов и эпизодов из Великой Северной экспедиции, до сего времени слабо освещенных или вовсе остававшихся неизвестными, представляют большой интерес для всех изучающих экспедицию Беринга.

„Борьба за великий Северный путь“, сборник под редакцией А. К. Дрезена, т. I. Изд. Главсевморпути. Л. (печатается). В этом сборнике

увидят свет извлеченные из Ленинградского отделения Центрального исторического архива подлинные документы, относящиеся к I и II экспедициям Беринга.

- Dall Wm. H. A critical review of Bering's first expedition 1725—1730 together with a translation of his original report upon it. National Geographic. Magazine, II. Nr. 2, 1890.
- Delisle. Explication de la carte des nouvelles découvertes. Paris 1752.
- Du Halde. Description géographique, historique de la Chine et de la Tatarie chinoise. Vol. IV, Paris 1735.
- Gmelin J. G. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Vv. I—IV. Göttingen, I, 1751—1752.
- Gmelin J. G. Voyage en Sibérie. Traduction libre par de Verolio. Vv. I—II, Paris 1767.
- Golder F. A. Berings Voyages. Vv. I—II. American Geographica Society. Research Series. Nr. 1—2. New-York 1922.
- Golder F. A. Russian expansion on the Pacific 1641—1850. Cleveland (Ohio) 1914.
- Lauridsen P. Vitus J. Bering og de russiske opdagelsesrejser fra 1725—1745. Kjöbenhavn (Копенгаген) 1885.
- Müller G. F. Sammlung russischer Geschichte, Bd. III. St.-Petersburg 1758.
- Stejneger L. An early account of Bering's voyages. Geogr. Review 1934, October.
- Steller G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka, dessen Einwohner, deren Sitten, Nahmen, Lebensart und werschiedenen Gewohnheiten. Herausgegeben von S. B. S(cherer). Frankfurt und Leipzig 1774.
- Steller G. W. De bestiis marinis Novi Comment. Acad. Petropol. II (1749). Petropoli 1751.
- Steller G. W. Reise von Kamtschatka nach Amerika mit Bering. Ein Pendant zu dessen Beschreibung von Kamtschatka. St.-Petersburg 1793.
- Steller G. W. Tagebuch seiner Seereise aus dem Petripauls Hafen in Kamtschatka bis an die westlichen Küsten von Amerika und seiner Begenbenheiten auf der Rückreise. Neue Nordische Beyträge, V—VI. 1793.
- Steller G. W.—Topographische und physikalische Beschreibung der Beringsinsel, welche im östlichen Weltmeer an der Küste von Kamtschatka liegt. Neue Nordische Beyträge, II. 1781.
- Stellers ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meerthieren. Halle 1753.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Первая камчатская экспедиция Беринга	5
Великая Северная экспедиция	27
Первые мореплаватели к устью реки Оби	50
Из Оби на Енисей и далее на восток	56
Пионеры исследования северо-восточных окраин Сибири	65
Путешествия академиков по Сибири	91
Путешествие Шпангберга и Вальтона в Японию	109
Плавание Беринга к берегам Америки	131
Девять месяцев на необитаемом острове	160
Плавание Чирикова	191
Заключение	200
Литература	204

*Северное Государственное Издательство
просит читателей и библиотеки присылать
свои отзывы об этой книге по адресу:
Архангельск, Северодвинская ул., д. № 7а.
Севиз*

Редактор <i>В. Н. Липатов</i>	Техред и корр. <i>А. А. Веселовская</i>
Рис. переплета худ. <i>Н. В. Посникова</i>	Перерисовка гравюр <i>В. С. Перова</i>
	Фото проф. <i>Е. К. Суворова</i>
Уполн. Севоблзита № 215	Уч.-авт. л. 10
Огиз № 873	Печ. л. 13
Инд. Эк-Зв	Бум. л. 6,5
Тираж 3000	Зн. в б. л. 65664
	Цена 2 рубля, перепл. 80 коп.
Вологда, типография „Северный Печатник“ УМП Северной области, ул. К. Маркса, 70.	

Форм. 74 × 62/16
Сдано в набор 13/XII 1936 г.
Подп. к печати 9/III 1937 г.
Заказ № 2935